

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

2 (764) февраль, 2021

www.uralstalker.com

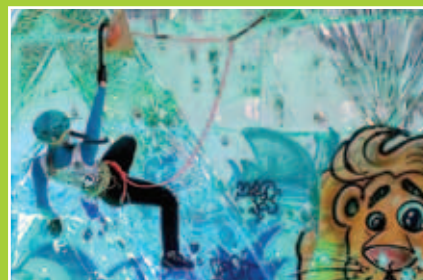
Белокрылый крестоклюв

КОЛЫБЕЛЬ
МАНСИЙСКОГО ЭТНОСА

ПРАПОРЩИК
БОРМАН

ШТУРМ БЕЗ ГОРОДКА

Февраль 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 обложка. Белокрылый клест. Фото М.Ю. Шершнева.
4 обложка. Верховья притока р. Грубею.
Фото Е. Тамплона.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин,
Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко,
Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №2 (764), 2021 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №2, 2021 г.

Подписан к печати 27.01.2021 г.

Печать офсетная.

Отпечатано ООО «Периодика»,

623751, Свердловская область,

г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.

Телефон: +7 (34364) 33-66-5.

Тираж 11000. Заказ №

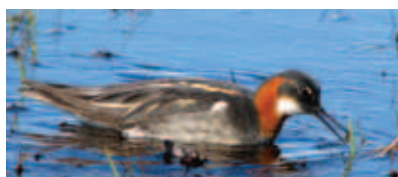
Встречный ветер

Заповедные земли

С.ЗИМИН

Таинственная россомаха..... 6

Наши проекты

Н.ДУДКО

Ограниченный
штурм.....24

Собираясь в поход

М.КОЛОТОВ

Финка-Т:
инкарнация
НР-40..... 41

Заповедные земли

А.ХЛОПОВА

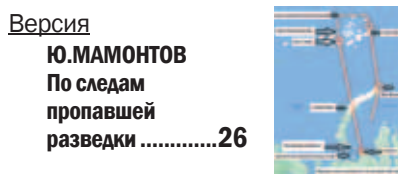
Где стол, там и дом 3

Природа на ладонях

Н.ВЕХОВ

Круглоносый плавунчик 12

Версия

Ю.МАМОНТОВ

По следам
пропавшей
разведки26

Экспедиция

Е.ТАМПЛОН

Народо-Итьинский
кряж 44

Река времени

Традиции

И.АБРАМОВ

Тондым.
Запорное
рыболовство
на Конде18

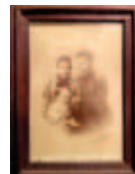

Портреты

Н.НЕУЙМИН,

О.ПОТЕМКИНА

Три войны
прапорщика
Бормана 30

Далекое-близкое

О.ЛОБАНОВ

Станция Верх-Нейвинск 35

Версия

М.СМЕРДОВ

Ирбитская загадка..... 38

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**ВИСИМСКИЙ**
заповедник**Александра Хлопотова**

Заместитель директора по НИР и эко-просвещению ФГБУ «Висимский государственный заповедник».

Где стол, там и дом

Фото Михаила Шершнева

Клесты

В России три вида клестов: со-сновик, еловик и белокры-лый. По латыни название бело-крылого клеста также состоит из двух слов — *Loxia leucoptera*. Видовой эпитет *leucoptera* име-ет греческий корень «ptero», об-разованный от слова, обознача-ющего «крыло», и первую часть «leuco-», говорящую об оттен-ке — белый, светлый. В ан-глийском языке белокрылый клест звучит как *White-winged Crossbill*, что дословно — «бе-локрылый крестоклюв». В Болгарии клестов-еловиков (белокрылые там не обитают) зовут «крыточовка». В Сер-бии — «кротоклун».

Белокрылые клесты, как и другие представители рода клестов, не привязаны к постоянным местам пребывания во имя выживания. Их благополучие зависит от урожайности семян хвойных деревьев. Белокрылый клест предпочитает питаться на лиственнице — чешуйки ее шишек мягкие и легко поддаются шелушению.

Словно кочевники вслед за ста-дами, белокрылые клесты летят туда, где урожай семян лиственни-цы сможет прокормить их и потом-ство. В поисках пропитания птицы покидают границы обычного ареала и летят в тундру и на арктиче-ские острова. Не считающиеся пе-

релетными, клесты бывают обна-ружены за 3000 км от места научно-го отлова и кольцевания.

Сложно сказать, что случилось раньше. Мягкий — в отличие от со-брата, клеста-сосновика — клюв белокрылого, не способный ше-лушить прочные шишки, привя-

Устойчивые представления о клестах

Представление	Реальные наблюдения и результаты исследований
<i>Из-за особенностей питания клестов их организм насыщен «смолами», поэтому их не любят поедать хищники.</i>	<i>Клесты регулярно встречаются в питании сапсана на Среднем Урале. Их останки обнаруживают в гнездах хищников, выкармливающих своих птенцов. Так что даже сапсанам-птенцам такая пища по вкусу.</i>
<i>После смерти тело клеста мумифицируется, опять же из-за специфической диеты.</i>	<i>Помимо семян хвойных деревьев, клесты едят зеленые почки, насекомых и их личинок, иногда питаются ягодами.</i>

зал его к местам произрастания лиственницы. Или же отсутствие необходимости добывать семена из-под твердых чешуй сделало белокрылых клестов обладателями облегченного инструмента. Однако ныне мы наблюдаем прочную взаимосвязь дерева и птицы, следующей за урожайными плантациями по всей Евразии и ведущей след свое потомство.

Размножение белокрылых клестов, как и других представителей рода, окружено в народе ореолом легенд. Люди замечали, что птенцы клестов могут появиться и в лютые зимние морозы. В какой-то момент эти наблюдения пересеклись с легендой о клюве птицы, искривившемся при попытке вытащить гвозди, удерживающие тело распятого Христа. Самоотверженное старание пернатого было

Фото Михаила Шершнева

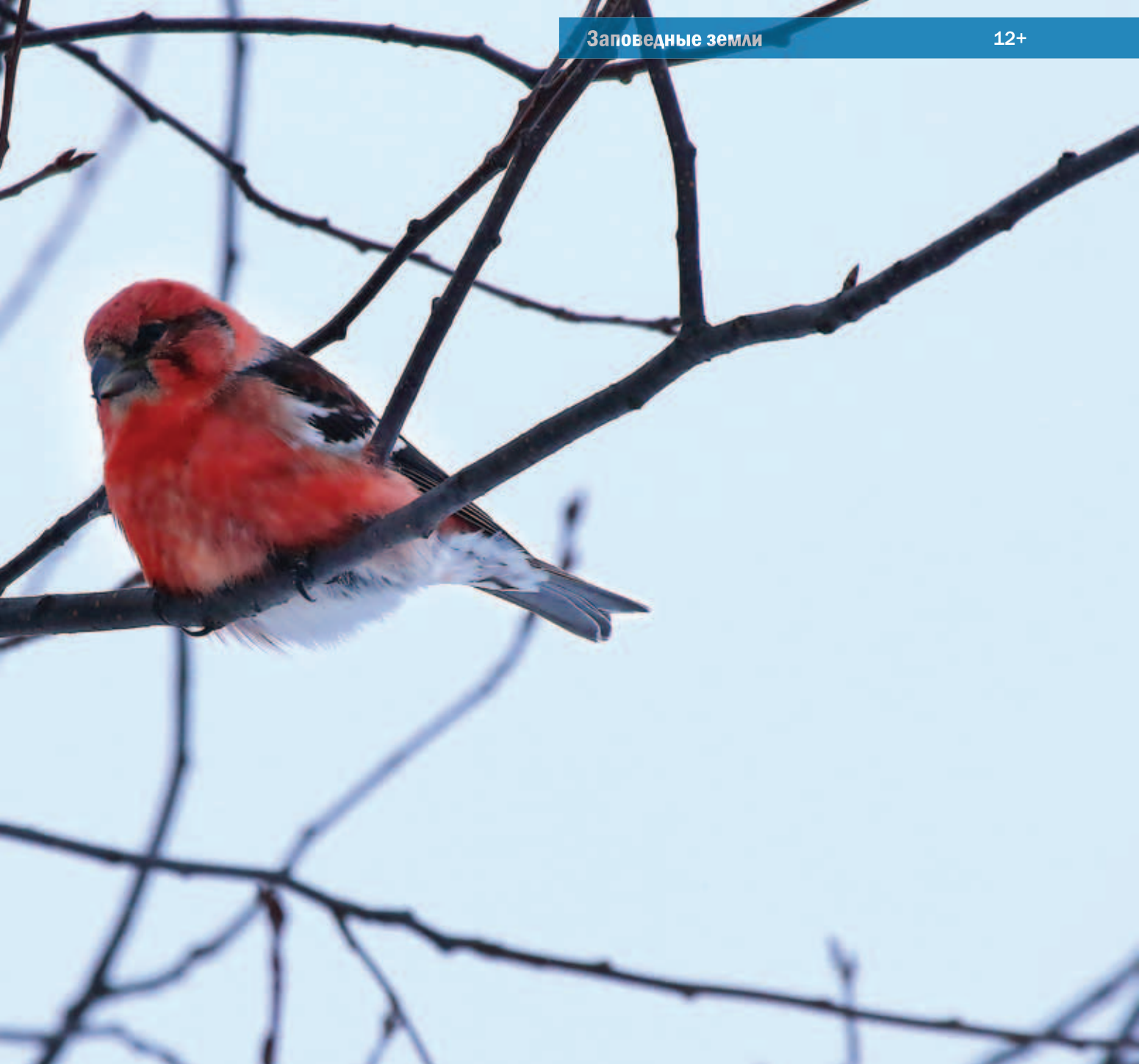
Фото Михаила Шершнева

Фото автора

Фото Михаила Шершнева

Лиственница

Насаждения лиственницы занимают самую большую площадь в лесном фонде Российской Федерации. Область естественного распространения охватывает восток европейской части России, Урал, Западную и Восточную Сибирь. Лиственница — дерево-пионер, первой занимает лесосеки и пожарища в местах своего естественного произрастания. Максимальная урожайность семян приходится на один год из трех, в северных районах реже — раз в шесть или семь лет.

вознаграждено появлением потомства к Рождеству.

Награда за труд действительно определяет сроки гнездования белокрылого клеста, но этот труд — добывание пропитания. Эти пти-

цы могут начать гнездиться в любой момент года, когда пищи достаточно для того, чтобы самка сформировала яйца и вырастила детенышей. Обычно это время с февраля по март. Гнездится белокры-

лый клест в таежной зоне Евразии от Балтийского до Охотского моря и Сахалина, а также в Северной Америке от Аляски до Нью-Йорка.

Северным попугаем зовут у нас эту птицу. Яркие в стае розово-красные самцы, зеленоватые самки и молодые особи, оживленно кружащие вокруг верхушек деревьев с мелодичными трелями и щебетаниями, висащие на ветках вниз головой не могут остаться без внимания. Они подпускают к себе близко, но, увидев следующее кормное дерево, улетают прочь стремительно, оставляя наблюдателю шлейф догадок и предположений о своей непостоянной кочевой жизни. 📺

Тайнственная росомаха

Встречный ветер

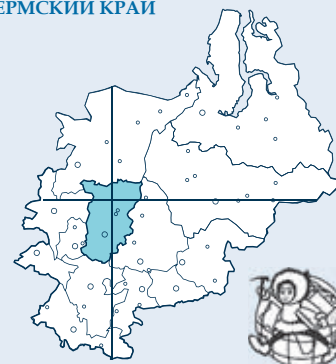

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

Фото автора

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

В настоящее время из всех охотничье-промысловых животных таежной зоны росомаха является наименее изученной. Многие люди, даже часто бывающие в лесу, вряд ли видели ее следы, а увидеть воочию и тем более сфотографировать — это большая удача.

▲ След россомахи в марте
(идеальные «лыжи» в действии)

◀ Рососомаха чем-то заинтересовалась

веряя капканы, и уничтожать при этом приманку и пойманную добычу. В целом зверь благодаря своей малоизученности представляет особый интерес, и поэтому хотелось бы поделиться некоторой интересной о нем информацией.

▼ Рососомаха в мае. В это время начинают образовываться брачные пары

Мне самому лишь трижды посчастливилось встретиться с ней в тайге, а все изображения были получены только с помощью фотоловушек. При всем этом охотники-промысловики таежной зоны прекрасно с ней знакомы и, уж если этот хищник появился на охотничьем участке, они знают — хорошего ничего не жди. Будут разоряться амбары с продуктами, она обязательно будет прогуливаться по охотничьим путикам, про-

▼ Рососомаха на бобровом поселении (фото Е.А. Савичев)

«Бесстрашная обжора»

Росомаха (*Gulo gulo*) — хищное млекопитающее семейства куньих, единственный представитель рода *Gulo* (в переводе с латинского «обжора»). Имеются два подвида: *Gulo gulo gulo* (Евразия) и *Gulo gulo luscus* (Северная Америка). Её родственник — индийский медоед (*Mellivora capensis*) — обитает в Африке и Азии. Все эти жи-

▼ Северные олени в горной тундре становятся трудной добычей для росомах

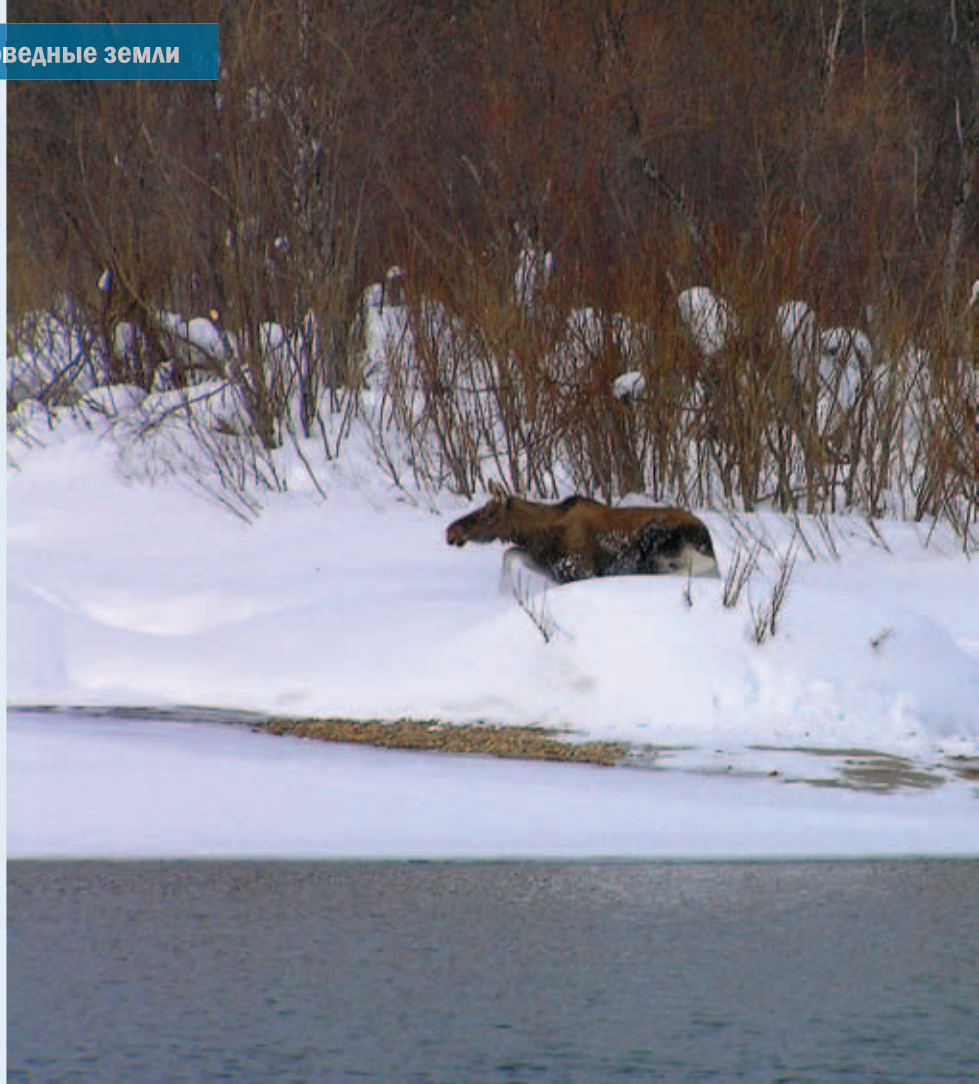

вотные известны своей свирепостью и бесстрашием при весьма небольших размерах, а Книга рекордов Гиннеса в своих изданиях за 1998–2003 годы провозгласила медоеда «самым бесстрашным млекопитающим в мире», что уже о многом говорит.

Росомаха по размерам в семействе куньих уступает только калану. Внешне она напоминает что-то среднее между некрупным медведем и барсуком. При средней массе от 11 до 19 кг она представляет собой сильного зверя, обладающего крупными, круто загнутыми когтями, крепкими челюстями и мощной жевательной мускулатурой. Массивные зубы имеют крупно-бугристую поверхность, что позволяет разгрызть мерзлую добычу и дробить массивные кости копытных. Этому также способствуют определенные анатомические и биомеханические особенности комплекса жевательного аппарата. Так, в частности, сочлененный сустав образует своеобразное костно-блоковое маршрутное соединение, которое позволяет нижней челюсти двигаться только в вертикальном направлении, обеспечивая жесткое и плотное сцепление челюстей. По этим морфологическим особенностям росомаха значительно отличается от других хищных млекопитающих — лисицы, волка, рыси, бурого медведя. Самки у росомах мельче самцов. Длина тела животных в среднем составляет 70–86 см. Росомаха имеет характерный пушистый хвост длиной от 18 до 23 см. Мех у нее густой, грубый, длинный, коричнево-черного окраса с желтоватой полосой («шлейф»), проходящей от головы по плечам до корня хвоста. При этом образуется темное поле спины — «чепрак».

По приспособленности первое место

Еще в XVI веке польский историк Матвей Меховский сделал такое описание росомахи: «Еще есть в Литве и Московии весьма прожорливое и бесполезное животное, не встречающееся в других местах, по имени росомаха. Величиной она с собаку, с кошачьей мордой, телом и хвостом похожа на лисицу, черного цвета, питается трупам...». Мне же представляется, что росомахе совершенно безразлично, что пишут про неё какие-то там историки, так как чувствует она себя в тайге просто прекрасно.

▲ Лоси на зимнем стойбище в пойме реки Вишера по глубокому снегу (фото В.В. Семенов)

В настоящее время в Европе она сохранилась на севере Скандинавского полуострова, в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, России и отчасти в Польше и Белоруссии. В России южная граница её ареала проходит через Тверскую, Кировскую, Ленинградскую и Вологодскую области и Пермский край. Широко распространена росомаха в Сибири и на Дальнем Востоке. Она постоянно кочует в поисках добычи по своему охотничьему участку. Общая площадь такого участка у самцов может достигать более 620 км², включая индивидуальные участки самок, которые обитают на несколько меньшей площади размером 130–260 км². По степени приспособленности к жизни в условиях глубокого снега росомаха занимает первое место. Нет ни одного крупного хищника, который был бы приспособлен к передвижению по рыхлому снегу лучше росомахи. Широ-

кие, опушенные жестким, не смазывающимся волосом, лапы росомахи представляют собой идеальные «лыжи», на которых она может сравнительно легко передвигаться почти по любому снегу.

В заповеднике «Вишерский» численность росомахи находится в пределах 10 особей, и, по сравнению с другими крупными и средними хищниками заповедника, её зимние следы встречаются наиболее часто. Из 318 следов крупных (волк, рысь) и средних (лисица, енотовидная собака) хищных млекопитающих, зарегистрированных в заповеднике во время десятилетних зимних маршрутных учетов, на долю следов росомах пришлось 60% от общего количества. При этом прямой конкурент росомахи — волк — занял второе место по встречаемости следов с показателем лишь 26,4%.

Средняя весовая нагрузка на поверхность подошв лап у росомахи равна лишь 41,2–42,6 г/см², и эта цифра наименьшая для всех хищников весом более 1 кг. При этом весовая нагрузка на опорную поверхность конечности её потен-

Преследует жертву несколько дней

На Северном Урале росوماхи пользуются следующими способами добычи пищи: подкарауливание из засады; скрадывание; длительное преследование; захват добычи и запасов у других более слабых хищников; использование остатков трапезы у более сильных хищников (медведя, волка); обкрадывание запасов человека. Из всех способов для горных участков Вишерской тайги наиболее характерно скрадывание одиночных зверей, а для равнинных участков — длительное, изматывающее преследование.

При скрадывании, как отмечает известный красноярский специалист В. В. Кожечкин, росوماха чаще нападает рано утром, когда жертва еще находится на лежке. Обычно к добыче хищник подбирается с подветренной стороны. К примеру, судя по следам, отмеченным в 1990 году, зверь осторожно подошел к спящей взрослой самке лося и набросился на неё. Глубина снега достигала 80 см. Вскочив, жертва с оказавшимся на ней зверем бросилась в густой пихтовый лес, а затем к мелкому ольховнику, пытаясь освободиться. На площадке размером 200х200 м было отмечено более десяти падений копытного, при этом на месте сражения весь снег был изрыт глубокими траншеями. После упорной борьбы росوماхе все-таки удалось задавить жертву.

Длительное преследование обеспечивается значительной мышечной выносливостью (в отличие от других крупных хищников), которая позволяет несколько дней кряду преследовать копытных (особенно дикого северного оленя), не давая им кормиться и отдыхать. Её своеобразный аллюр (хищник передвигается небольшими прыжками длиной до 60–65 см) объясняется сравнительно компактным строением тела. Опорно-двигательный аппарат этого хищника рассчитан не на быстрый ход, а на выносливость в преследовании жертвы. В качестве примера можно привести данные о том, что в ноябре 1972 года в Туруханском районе Красноярского края росوماха задавила отбившуюся от стада взрослую самку дикого северного оленя после того, как 35 км преследовала ее по рыхлому снегу глубиной 50–60 см. В Якутии в 1971 году изнуренный 50-километровым преследованием северный олень после повторяющихся атак хищника бы-

стро стал терять силы и вскоре был им загрызен.

Одна из характерных приспособлений росوماхи к жизни в суровой зимней тайге — это ее способность очень полно использовать крупную добычу — лося или оленя. Добыв этих животных или найдя их погибшими, росوماха быстро разделяет их на части, растаскивает и прячет, зарывая в снег или поднимая на деревья, причем легко переносит куски мяса весом, превышающим ее собственный.

Чтобы разделить таким образом лося, росوماхе необходимо менее суток. Суточный рацион росوماхи, по всем данным, приближается к 2 кг мяса, что составляет около 17% от ее веса. Росوماха — хищник, питающийся в основном млекопитающими. Согласно анализу зимнего питания росوماхи, проведенного в Печоро-Илычском заповеднике, главную долю составили млекопитающие (копытные — 75,3%; грызуны — 11,6%; хищники — 1,8%), а птицы — всего 6,8% (в том числе тетеревиные — 5,7%). Остальные группы пищи служат для нее случайными кормами. Среди млекопитающих на первом месте в питании росوماхи стоят копытные — лось и дикий северный олень; второе место занимают грызуны, среди которых преобладает заяц-беляк (74 встречи из 94). Из 15 случаев поедания росوماхой других хищных млекопитающих 11 связаны с поеданием лисицы и по одному — рыси, выдры, лесной куницы. Из птиц росوماха чаще всего поедает глухаря (28 случаев из 46).

Из числа растительных кормов в зимнем питании росوماх был отмечен только кедровый орех, который, по-видимому, не имеет для этого хищника сколько-нибудь существенного кормового значения. В летнее время питание росوماхи отличается от зимнего корма меньшей встречаемостью в нем копытных (20%) и более частым употреблением в пищу зайцев, полевок, тетеревиных птиц, а также различных ягод.

Большая осторожность

Основная пища росوماхи — копытные, наиболее доступны для нее в многоснежный период зимы. Господствующие западные влажные ветры обуславливают выпадение большого количества осадков на западных склонах Уральских гор, где глубина снежного покрова на некоторых участках до-

циальных жертв составляет: у северного оленя — 140–180 г/см², у лося — 420–460 г/см². Здесь видно, что лось заметно проигрывает оленям. Кроме того, лосю тяжелее, по сравнению с диким северным оленем, противостоять хищникам, так как он менее обеспечен носителями кислорода — эритроцитами и гемоглобином, что отражается на полноценной работе мышц. Проще говоря, лось быстрее «выдыхается».

Росوماха — сильный и выносливый зверь, проявляющий удивительное упорство и смело атакующее уже уставшее и теряющее силы животное. Она легко справляется с добычей, превышающей ее собственный вес в 20–30 раз. Может без заметного напряжения делать суточные переходы в 30–40 км, обходясь без пищи в течение нескольких суток. При этом известный зоолог В. П. Теплов, осмотрев 22 росوماх, добытых в окрестностях Печоро-Илычского заповедника, отметил отличную упитанность у 85% зверей, что говорит о хорошей обеспеченности росوماхи кормом.

▲ След росомахи в верховьях р. Мойва

стигает до двух метров и более. Наблюдения показывают, что зимой росомаха постоянно контролирует копытных не только на равнинных участках, но и в условиях высокогорья. Чем выше снежный покров, чем больше затруднено передвижение копытных, тем легче они делаются добычей росомахи, независимо от их половой и возрастной принадлежности или физического состояния. Установлено, что в многоснежные зимы лось делается добычей хищника в 3 раза чаще, чем в малоснежье. То же наблюдается и у северного оленя, когда из-за гололеда или высокого снега он вынужден откочевывать с горных тундр в лесотундру. Большинство северных оленей (64%) и лосей (73%), задавленных росомахой в Печоро-Ильчском заповеднике, было добыто ею в феврале, марте и апреле, когда снежный покров

достигает наибольшей высоты. В многоснежье заяц-беляк также вынужден более длительное время пользоваться тропами, что облегчает росомахе его добычу. Глубокие снега, создающие неблагоприятную обстановку для огромного большинства животных тайги, представляют для росомахи наиболее выгодные условия существования, и можно считать, что в такие времена росомаха наиболее обеспечена кормами. Очень важно, что в это благоприятное время как раз и проявляются природные закономерности в части протекания последней стадии беременности, выведения и вскармливания потомства. Самка приносит от двух до четырех щенков один раз в два года: в феврале или марте. Молодые особи находятся с матерью еще два года, а затем начинают взрослую жизнь одиночек. Объединение в пары происходит в период размножения с мая по август. То есть размножение росомах происходит весьма медленными темпами.

Встречаясь во всех геоботанических районах и в самых разнообразных местообитаниях Вишерской тайги, росомаха, по крайней мере в снежный период года, в своем распределении по территории как бы повторяет таковое у диких копытных — северного оленя и лося. В заповеднике «Вишерский» подавляющее большинство зимних стойбищ копытных находится в малоснежных местообитаниях, занимающих весьма ограниченные по размерам площади. Наличие этих местообитаний и степень их насыщенности стойбищами копытных и определяет количество индивидуальных охотничьих участков росомахи в том или ином районе охраняемой территории.

Росомаха по своим повадкам — хищник-одиночка. Они активно защищают границы своей территории от особей своего пола, и даже считается, что они патологически ревниво относятся к своим владениям. По этому примеру в США штат Мичиган издавна имеет

Для этого животного характерны перекочевки на охраняемую территорию, что, несомненно, вызвано в первую очередь наличием дикого северного оленя и отсутствием охотничьего пресса, в отличие от прилегающих территорий. В условиях Вишерского заповедника росوماха не испытывает отрицательного влияния факторов погоды, не имеет существенных врагов и, похоже, не подвержена эпизоотиям. Численность её определяется в основном обилием её главного корма — дикого северного оленя и лося.

Она часто поедает остатки добычи волков и медведей, охотно подбирает снулую рыбу. По деревьям лазает не хуже, чем передвигается по земле. В естественных условиях может прожить до 10 лет,

в неволе — до 17. Жертвами росомох являются дикий северный олень, лось, кабарга, марал, снежный баран и другие копытные животные, множество грызунов, птенцов. Но при этом, в связи со своей малочисленностью, ущерб, наносимый росомолами другим видам, вряд ли можно назвать существенным.

В хозяйственном отношении росوماха практически не используется, хотя северные народы и полярики делают из меха росомохи головные уборы или оторочку с капюшоном, так как мех почти не индееет и отлично противостоит морозу.

Благодаря своему скрытному образу жизни этот зверь и сейчас представляет большой научный интерес. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

неофициальное название — «штат росомох». Его он получил отнюдь не за высокую концентрацию хищников, а за ревнивое и даже агрессивное отношение к своим землям его жителей.

Случаев гибели росомохи от нападения каких-либо зверей или от болезней в заповеднике обнаружено не было. Исследователи при осмотрах погибших росомох обычно не обнаруживают каких-либо травматических повреждений, которые довольно часто встречаются на некоторых других хищниках, нападающих на крупную добычу.

Этот хищник попадает на глаза человеку чрезвычайно редко, что объясняется его большой осторожностью.

Некоторые исследователи считают, что росوماха ведет преимущественно ночной образ жизни, но в заповеднике «Вишерский» она зафиксирована фотоловушками только в дневное время. Мои личные встречи с ней также происходили практически в середине дня.

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Круглоносый плавунчик

▲ Так выглядит молодая особь круглоносого плавунчика перед отлётом на зимовку. Фото Василия Кречетова

Кулик, у которого всё наоборот

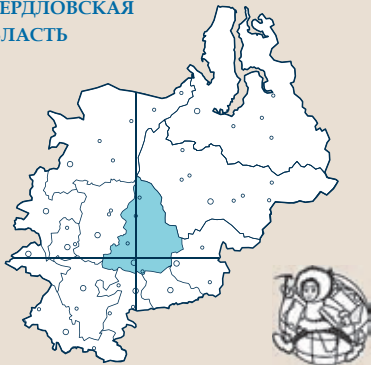

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Иллюстрации
предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

На одном из маршрутов, пролежавшем по сырой тундре в долине реки на острове Беринга, я как-то заметил на поверхности многочисленных мелких водоёмов крутящихся, как юла, небольших птиц.

Их поведение меня заинтересовало. Они постоянно быстро плавали по кругу и создавали на воде заметную воронку. Но самое удивительное, что они что-то быстро склёвывали из этой воронки. Мой научный руководитель, увидев моё любопытство, заметил, что это круглоносый плавунчик. Так я познакомился с этой не совсем обычной болотной птицей.

В 1971 году, когда вместе со своим научным руководителем Алексеем Гиляровым я отправился в экспедицию на Командорские острова для сбора материала для дипломной работы, мне посчастливилось познакомиться с природой этих экзотических островов. Я узнал, что два крупных острова — Беринга и Медный, и два крохотных — скалы Топорков и Арий Камень, образующие этот архипелаг, являются крайним западным продолжением Алеутской островной гряды, представляющим мост между Америкой (Аляской)

и Евразией (Камчаткой). Это место на географической карте удивительно. Ведь между Командорскими и Алеутскими островами лежат две невидимые, но зато какие по значимости для человека географические границы — линия перемены дат (между сегодняшним днём и вчерашним) и между двумя континентами (Америкой и Азией).

Два самых крупных острова — древние, потухшие вулканы, поднявшиеся из океанских глубин на многие сотни метров. На острове Беринга, например, при обзоре горизонта из единственного тут селения — села Никольского — их можно было видеть на северо-востоке от него. Они заметны в виде всем знакомых вулканических конусов, вершины которых будто «аккуратно срезаны» и напоминают усечённые пирамиды. Это так называемые столовые горы, они-то и являются доказательством вулканического происхождения островов. Помимо уникальной

природы — тут нет деревьев, их просто сдувают постоянные океанские ветра, а флора представляет смесь японских, евразийских и американских видов, на островах немало интересного для любознательных зоологов.

Относится к семейству бекасовых

Круглоносый плавунчик (*Phalaropus lobatus*), наречённый так ещё в 1753 году самим Карлом Линнеем, относится к семейству бекасовых. У него огромный ареал, охватывающий арктические и субарктические тундры Северной Америки и Евразии. Для жите-

▼ Так выглядит прибрежная зона о. Беринга. Фото Татьяны Долговой

◀ Приморская терраса о. Беринга. Фото Михаила Плотникова

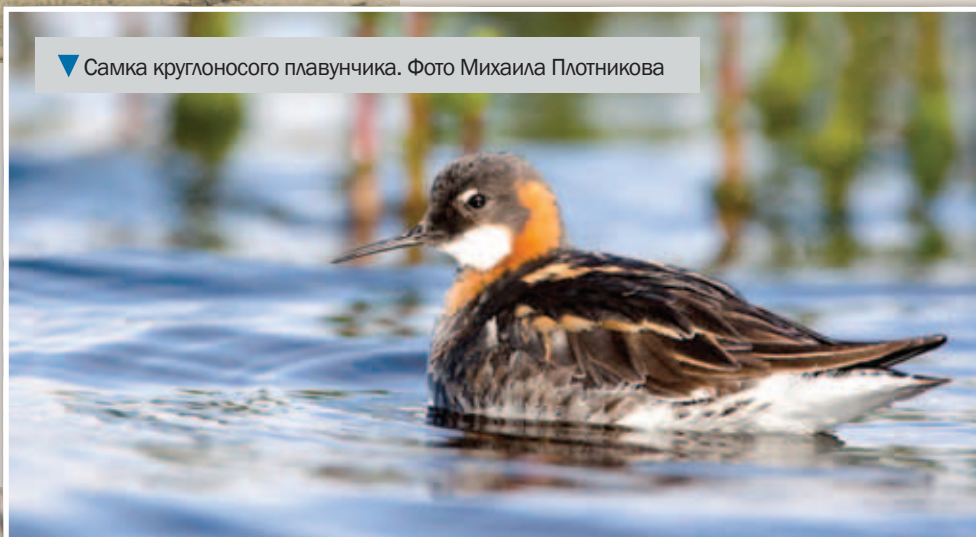
мая многочисленная в Евразии популяция круглоногого плавунчика.

Что же это за птица и чем она необычна?

Начнём с её названия. Раз её величают круглоносый плавунчиком, то ло-

лей Урала я специально замечу, что он во множестве встречается на Полярном и Приполярном Урале, являясь здесь обычным видом, идёт на юг по Уралу, но уже на широте юга Свердловской области является редким, экзотическим видом местной орнитофауны, залетает сюда случайно и даже гнездится. Прошло много десятилетий, прежде чем я узнал, что в далёкой молодости мне несказанно повезло, ведь на о. Беринга, куда мы приехали для сбора водных беспозвоночных животных, обитает са-

▼ Самка круглоногого плавунчика. Фото Михаила Плотникова

◀ Обычная картина на Севере, когда внезапный снегопад почти скрывает гнездо круглоногого плавунчика. 1981 г. Колыма. Фото Александра Андреева

гично предположить, что у него есть ещё собрат или братья. Из птиц России к этому роду куликов относится ещё один вид — плосконосый плавунчик, близкий по распространению и экологии к рассматриваемой нами птице. Третий вид, входящий в род плавунчиков, — большой, или трёхцветный плавунчик, живёт в прериях Северной Америки.

Почти все кулики — птицы, обитающие во всевозможных влажных и переувлажнённых угодьях, но за исключением всего нескольких видов, они всё же сухопутные, «бегают по суше». А вот плавунчики, как и некоторые

▲ Пара самок круглоногого плавунчика. Фото Василия Кречетова

другие представители семейства бекасовых, как, например, улиты (но это среди куликов скорее исключение, чем правило), имеют между пальцами округлые плавательные лопасти-перепонки и потому могут свободно плавать. Вот как объясняет название плавунчиков «Большая российская энциклопедия»: плавунчик объединяет «*водоплавающих птиц (отсюда назв.) с обликом маленькой утки*». В общем, увидев плавающего по поверхности водоёма плавунчика, можно с этим утверждением согласиться. Итак, плавающие кулики — первая особенность плавунчиков.

Иная закономерность окраски и не только...

Круглоносый плавунчик — небольшая птица с прямым клювом и длиной тела до 18 см. Летом, во время брачного периода и высиживания яиц, самки этого вида птиц окрашены ярче самцов, они преимущественно тёмно-серые сверху, с каштановой шеей и грудью, «черной маской на лице» и белым горлом, очень похожей по внешнему виду на белую манишку. Самец окрашен менее ярко, это хорошо заметно на представленных в статье фотографиях. Он с более равномерным серым окрасом и лишь с небольшими контрастными участками на горле и подбородке в виде белых и рыжих пятнышек. Такая особенность круглоногого плавунчика отличает его от абсолютного большинства птиц на Земле, для которых характерна совершенно иная закономерность в окраске особей разного пола. Ведь у «нормальных» видов птиц, наоборот, самцы выделяются более яркой окраской с многочисленными пестринами, «зеркаль-

▲ Самец круглоногого плавунчика. Фото Василия Кречетова

цами», завитушками перьев и множественностью других половых отличий, тогда как самки — невзрачные птицы, с тусклыми окрасом перьев, да ещё и часто меньших размеров. Это ещё одна особенность плавунчиков.

Обращает на себя внимание и разница в поведении самок и самцов у круглоносых плавунчиков в разные периоды их жизни. И тут учёные усматривают их ещё одну особенность по сравнению с большинством видов птиц. У плавунчиков токования как такого нет. Самки издают нескончаемый поток «чиркающих» или «пуркающих» звуков, привлекая тем самым самцов. Сигнальную функцию имеют и громкие «порхающие» зву-

ки, которые плавунчики издают крыльями при взлете. Именно самки выбирают самцов, а не как у других видов птиц, у которых самцы более активны и выбирают самок во время токования, а те лишь «покорно» ждут, кто же из самцов на них обратит внимание во время брачных ристалищ. «Дамы»-плавунчики часто конкурируют за территорию и агрессивно защищают гнездо и выбранного самца. Так что и тут у круглоногого плавунчика оказывается всё наоборот.

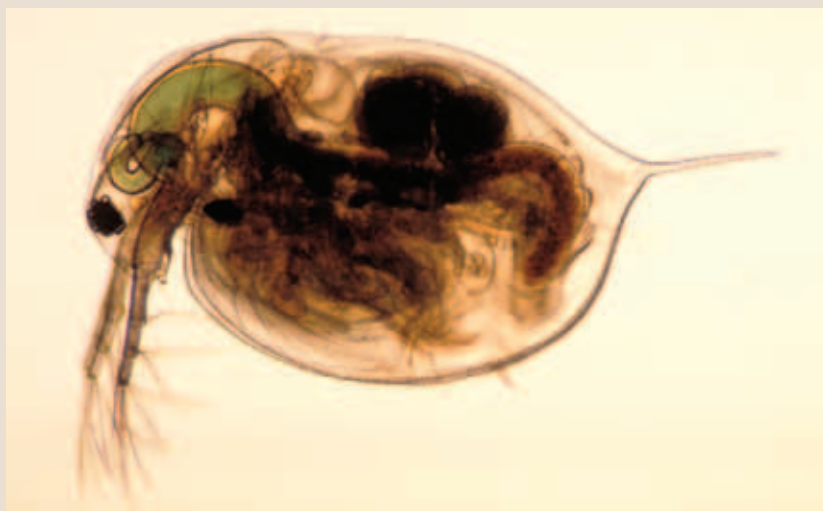
Яйца высиживают самцы

Гнёзда плавунчиков располагаются всегда вблизи воды, особенно они предпочитают мелководные

◀ Портрет самки круглоногого плавунчика.
Фото Василия Кречетова

◀ Дафния — основной пищевой объект круглоногих плавунчиков. Фото автора

сфагново-осоковые и пушицевые болота. Самка у круглоногого плавунчика только откладывает яйца. В кладке бывает от трёх до семи оливковых или коричневато-охристых яиц с густыми тёмно-бурыми пятнами, сверху она всегда закрыта нависающей прощогодной травой. Подстилка в гнезде — толстая, из всевозможного растительного материала.

Создавая «портрет» круглоногого плавунчика, зададимся таким вопросом, а настолько его самка предана своему супругу, даже если у этого вида птиц он находится на положении «прислуги» — насиживает яйца и приглядывает за птенцами (об этом чуть ниже)? Оказалось, что нет. Построив гнездо с одним самцом и отложив яйца, самка повторяет цикл размножения, но уже с другим самцом. Это явление у птиц учёные называют полиандрией.

Выполнив свою единственную задачу — откладку яиц, самки покидают гнездовой участок, живут отдель-

но от самцов и подрастающей молодежи и также отдельно летят на зимовку в южные страны.

Небезынтересно, что на долгие самцов приходится нелёгкая миссия, вся «трудная работа по дому», — они сидят на яйцах и заботятся о вылупившихся птенцах в первые дни их жизни. Это ещё одна особенность круглоногого плавунчика как биологического вида птиц. Высиживание яиц и воспитание потомства — прерогатива самок, самец лишь помогает им, принося корм или отвлекая врагов от гнезда. У круглоногих плавунчиков «отцы» высиживают яйца в течение трёх недель, причём сидящий на гнезде самец чаще всего подпускает человека вплотную и только тогда вылетает из-под ног. Но стоит немного отойти от гнезда, как самец почти не скрываясь, садится на гнездо обратно. Когда вылупляются птенцы, плавунчик-«отец» становится более спокойным, но отводит от гнезда ред-

ко, а чаще плавает или стремительно летает вокруг внезапно появившегося объекта-чужака. Плавунчики нередко объединяются вместе, чтобы защитить гнёзда и птенцов, совместными усилиями обороняя потомство. Птенцы плавунчиков весьма забавны, эти пушистые комочки, серо-коричневые сверху, коричневато-рыжие снизу, с тёмным ободком вокруг глаз.

Бывают ситуации, когда во время высиживания самцом яиц болото пересыхает, и тогда вылупившимся птенцам в сопровождении родителя приходится добираться до ближайшего водоёма, иногда довольно далеко. Выводки всегда держатся у воды. Птенцы, пока не подрастут и не начнут подлётывать, на воду выходят неохотно, хотя плавать могут сразу после рождения. Самцы приглядывают за своим потомством очень недолго. Ещё будучи пуховыми птенцами с пробивающимися перьями, молодь становится самостоятельной. Самцы же собираются в стайки и, постепенно линяя, скапливаются на мелких водоёмах, где много обильного корма, а потом летят к местам зимовки. Молодые птицы летят на юг самостоятельно. Ко второй половине лета плавунчики линяют, теряют свой яркий брачный наряд и к осени, как и подросшая молодь, «одеваются» совсем «буднично», в белое с серым оперение.

Шумные создания

Плавунчики — шумные создания. Голос их — негромкое шепелявое «чирк» или «пюрк». Этот короткий

▲ Самец круглоногого плавунчика. Фото Сергея Чумакова

звук с небольшими вариациями круглоносые плавунчики издают чуть ли не во всех жизненных ситуациях — на кормежке, в полёте, во время брачных игр. При тревоге у выводка — более продолжительное «чшшшк».

Интереснейшая особенность плавунчиков — их кормовые предпочтения, да и сам способ добычи пищи. Вспомним, что в начале этого очерка я писал, как меня заинтересовали круговые движения вокруг своей оси этих птиц. Со стороны птицы были похожи на заводные игрушки, постоянно крутящиеся на месте. Большинство орнитологов до сих пор считали, что такими движениями плавунчики, усиленно работая лапами, взмучивают ил, создают вокруг себя небольшие потоки воды, выносящие на поверхность ил и беспозвоночных, которых они и поедают. Так это на самом деле или нет?

Оказывается, не совсем так. Несколько десятилетий назад учёные установили, что круглоносые плавунчики питаются планктонными ракообразными — крупными дафниями (да и то всего одного вида — *Daphnia pulex*, дафнией-блохой). В естественных условиях, а такие крупные особи встречаются только в мелких водоёмах, подобно тем, что я наблюдал на Командорских островах, а позже и повсеместно в тундрах от Кольского полуострова до Чукотки, где их численность достигает нескольких десятков, а часто и сотен экземпляров на один литр воды. Можно себе наглядно представить (со мной согласится любители-аквариумисты, ко-

торые летом отправляются с сачками ловить живой корм для рыб в мелких прудах и лужах), что, достигая размеров 2–5 мм и при такой огромной численности, какой обильный кормовой ресурс эти дафнии создают для круглоносых плавунчиков.

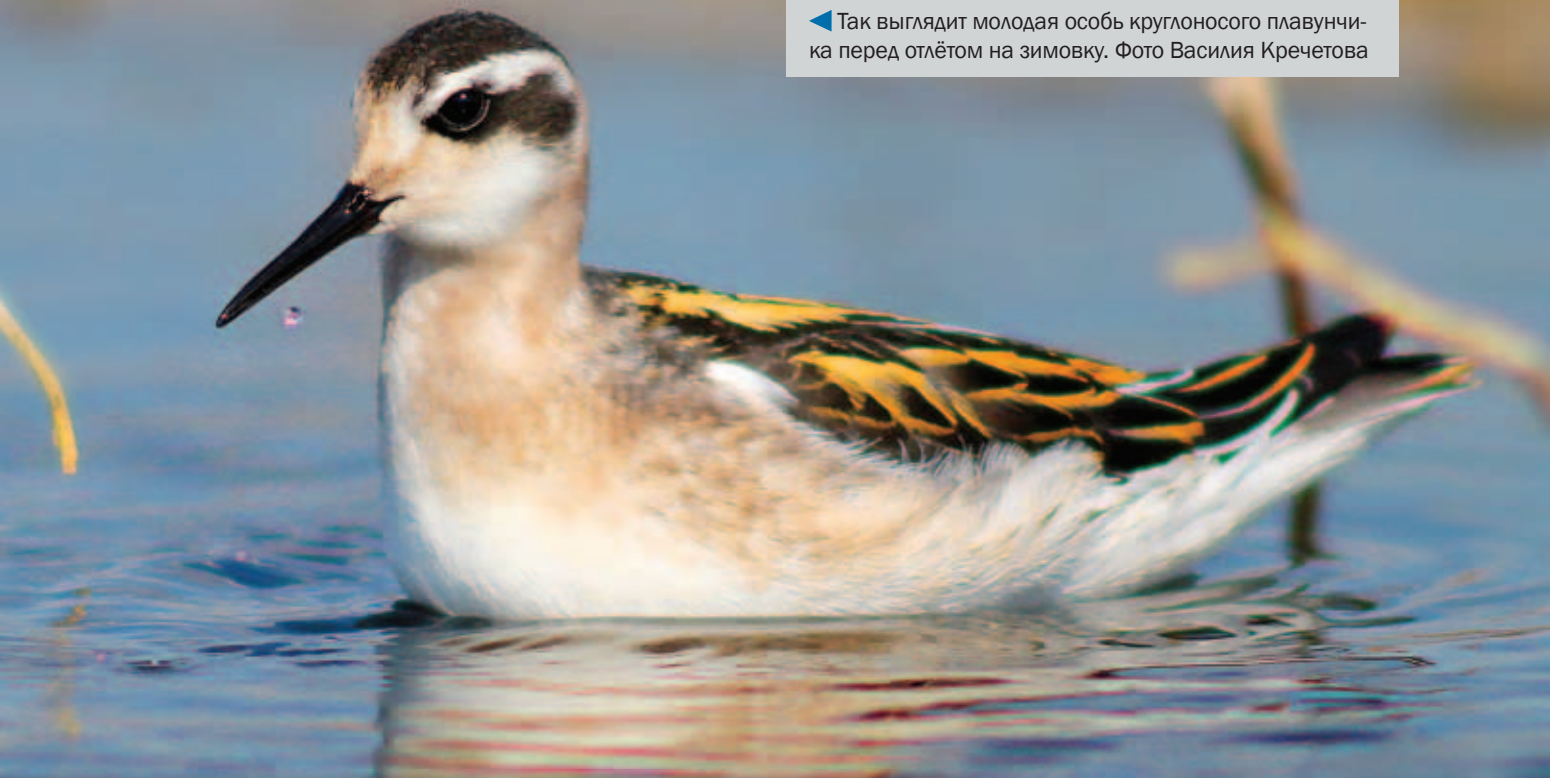
В ходе эволюции у этих птиц выработался уникальный механизм ловли дафний. Вертясь на месте вокруг себя, плавунчики создают своеобразную воронку, куда течением вовлекаются плавающие в толще воды дафнии. Вот из этой-то воронки и добывают плавунчики дафний. Но как именно? Экспериментальными исследованиями удалось установить, что ловля планктонных рачков происходит весь-

ма своеобразно. Процесс захвата рачка и последующей «доставки» пищи к ротовому отверстию у этих куликов сравним с действием так называемого «капиллярного храповика», явления использования поверхностного натяжения воды. Механизм его действия основан на том, что слегка зажатая клювом птицы в капле воды добыча его «стригущими» движениями (как у ножниц, чередованием сжатий и раздвиганий) перемещается толчками от кончика клюва к ротовому отверстию. Остаётся только удивляться, какую скорость и частоту таких движений должен иметь круглоносый плавунчик, чтобы «набить» свой желудок мелкими рачками.

▶ Самец круглоногого плавунчика. Фото Валерия Шахрина

◀ Так выглядит молодая особь круглоносого плавунчика перед отлётом на зимовку. Фото Василия Кречетова

▼ Самец круглоносого плавунчика. Фото Василия Кречетова

В северных широтах круглоносы́й плавунчик ведёт себя как сезонный гость. Всего в течение четырех-пяти месяцев его можно встретить в тундрах и лесотундрах Северного полушария. Зиму птицы проводят в далёких тропических широтах в основном Южного полушария. Благодаря многолетнему кольцеванию птиц орни-

тологи установили, что около девяти месяцев круглоносы́е плавунчики проводят на берегах тропических морей — Средиземного и Аравийского, на Азорских островах, в Индонезии и Меланезии, а также в Южной Калифорнии, Перу и Коста-Рике, на острове Святой Елены (этом интересном месте на планете, где в ссылке много лет

томился Наполеон Бонапарт) и многих других.

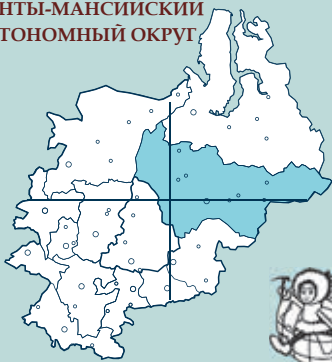
Интересные результаты наблюдений получили орнитологи Арктического научно-исследовательского стационара Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН по миграциям этих куликов. Прикрепив к семи птицам из популяции с полуострова Ямал миниатюрные геолокаторы, учёные впервые смогли установить маршрут перелёта отправившихся на зимовку круглоносы́х плавунчиков. Спустя год двое из семерых снабженных приборами плавунчиков вернулись к старым гнездам. Изучив данные геолокаторов, орнитологи выяснили, что обе птицы преодолели тысячи километров с промежуточной остановкой в районе Аральского моря и в итоге провели зиму на территории Объединённых Арабских Эмиратов. Скорость перелёта круглоносы́х плавунчиков тоже поразила исследователей. Согласно показаниям прибора, снабжённый геолокатором самец за четыре дня успел совершить то, что человеку представить сложно. Птица пролетела из Челябинской области до Ямала, самец был выбран самкой, смог оплодотворить её, и та успела отложить четыре яйца, а самец начал их насиживать. И все эти события уложились в четыре дня. 📌

Тондым

Запорное рыболовство на Конде

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Илья Абрамов

Научный сотрудник центра этноистории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург.

Фотографии
из архива автора

Спустя четыре часа пути вверх по реке мы причалили к запору, который перекрывал русло Тондыма. Вдоль загородки тянулся мосток на сваях. Впереди, в тридцати метрах, возвышался второй запор. Еще через 100 метров, в озере, виднелись сваи предохранительного запора. Вся конструкция звалась кондинским котцом и являлась специализированной рыболовной ловушкой. Мы приехали посмотреть ее устройство.

Первое, что сделали рыбаки, — очистили запоры от принесенного водой мусора, тростника. Каждый из запоров состоит из деревянных жердинок (жала) 1,5 см диаметром и такими же промежутками. Рамы с жалом перекрывают всю реку. Если их не прочищать, запор однажды превратится в дамбу и поднимавшаяся вода унесет все с собой — труды пойдут прахом. На памяти Виктора (12 сезонов) такое случалось один раз, на другой

речке. На Тондыме ему предстоял первый сезон.

Виктор из числа тех, кто сторожит рыболовные котцы, по 4–5 месяцев проводя в тайге. На запоры обычно берут людей пенсионного возраста, оставшихся без родни, или асоциальных. Виктор не был похож ни на того, ни на другого, ему едва миновало 35. Сложно было представить, что завело его в такие места и как ему живется в полном одиночестве. Нам показали

▼ Река Тондым, котец на истоке из Тондымского сора, фото автора

▼ Котец на истоке из Тондымского сора

нехитрые развлечения и старые лодочные моторы на переборку. Но куда более красноречив был мешок для окурков на черный день.

Вокруг на многие километры простирались верховые болота — полное бесплодие и бездорожье. Жизнь вертелась вокруг худой рыбацкой избы 3 на 4 метра. В двухстах метрах, за ивняком, был сосновый бор, но сухой ногой туда было не пройти. На бору мы нашли остатки старой избы и несколько древних поселений, что указывало,

что озеро обжили давно. Скорее всего, еще до нашей эры здесь рыбачили, загораживали реку и ручьи.

Сезонные загородки представляли собой быстровозводимые заборы из палок — такие можно видеть на архивных фотографиях. Лишь в XX веке их сменили фабричные конструкции с мостками на сваях — те самые кондинские котцы, которые были рассчитаны на полугодовой цикл. Наблюдать за ними ставили рыбаков, которых прозвали «речешниками». Избы для них собирали в леспромхозах и оттащивали по зиме к местам промысла. Ставили прямо у запора на болотный торф. Тондымская избышка сохранилась с советских времен, изрядно погрузившись в дерн. Весной ее топят так, что прямо с кровати можно отплывать на лодке.

Не будь в верховьях рыбного сора, никто бы по Тондыму не ездил. *Сорами в Приобье называют затопливаемые весной пойменные водоемы и проточные озера — их можно уподобить нагульным пастбищам.* Тондым перекрывают прямо на выходе из сора. Это узкая и вертлявая речка с коричневой болотной водой. Через 68 км она впадает в Каму, которая еще через 17 км впадает в Конду, приток Иртыша. Напротив устья Камы располагается одноименная деревня. Дорога от деревни до запора на лодке занимает почти 4 часа. На снегоходе в три раза быстрее. Раньше деревня звалась Камовскими Юртами, и населяли ее ханты, но сегодня из полутора сотен коренных камовцев никто не знает хантыйского языка. Люди живут рыбой, заготавливают ее для себя и на продажу, в деревне работает приемный пункт-морозильник от ханты-мансийского рыбокомбината.

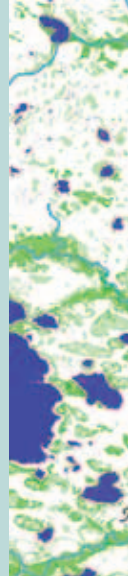

▼ Запор на реке Конде у юрт Чесноковских. Экспедиция Тобольского музея. 1910 г. Фотофонд Тобольского музея-заповедника

Р. Конда. Запор.

▲ Рыбак очищает жал

▲ Колотушки, запор на реке Тондым

Запорным ловом занимаются немногие — это хлопотный промысел в истоках кондинских речек. Работу начинают весной. Рыбаки пропиливают и растаскивают баграми упавшие в русло деревья. Берега Тондыма оцетинились пнями. Однако этого недостаточно — невидимыми остаются топляки, за которые цепляется винт. Мотористы просто запоминают места, где надо сбавить ход и приподнять движок. Случайных посетителей тут не бывает. Тондым сильно петляет, километр по кар-

◀ Древняя Кама

▲ Река Тондым, карта

те равняется трем по реке, руслу узкое и глубокое, — в какой-то момент ивняк сжимает реку так, что не видно прохода, и едва различимая струя воды бежит под ветками. Потом Тондым вдруг разливается в небольшое озерко и мелеет. Мотор захлебывается илистой няшей, пока снова не окажется на русле.

К четвертому часу однообразного движения по речным петлям и череды ударов по винту (каждый может оказаться последним) закрадывается мысль, что рыба не стоит всех трудов и трат. Можно прикинуть в голове: котец проверяют каждую неделю, 15–20 литров бензина в один конец. При цене в 50 рублей за литр поездка обойдется в 1,5–2 тыс. рублей. В 300–400 ты-

сяч оцениваются затраты по оборудованию рыболовного стана с нуля. Сам лов начнется только зимой, и результат его непредсказуем. Удачным считается год, когда счет идет на десятки тонн, тогда вложения окупятся. Но разница в уловах год от года отличается в десятки раз, неудачные года повторяются чаще. Средние цифры дает только многолетняя динамика.

Рыбой управляют стихийные силы, и все рыбаки в один голос утверждают, что промысел сродни лотерее. Никогда не угадаешь результат, пока улов не вырастет горой. Труд важен, но не он определяет конечный результат, а причуды природы. Зависимость от причуд — бремя человека, покуда он часть

природы. Кондинский человек до сих пор природен, опирается на ресурсы реки. И в этой своей ипостаси очень зависим от ее «капризов». Упала/не упала, прибыла/не прибыла, замерла/не замерла. Уровень воды напрямую определяет человеческую активность в тех или иных речных лагунах.

В рыболовстве критически важно поймать момент, угадать место. Настойчивость и усидчивость не помогут, если рыбы нет или упущен момент. Надо уметь читать погоду и действовать по ситуации. Погода не работает по графику, но имеет закономерности. Готовность к спонтанным интуитивным действиям по погоде отличает человека реки. Другое дело, что социаль-

▲ Рыболовный запор на реке Тондым, вид сверху (съемка — Дмитрий Люкин)

ная жизнь структурируется не погодой и одной рыбой сегодня сыт не будешь. Только поймав по-настоящему много рыбы, можно заработать на ее продаже. И речки загораживают в расчете на большой улов.

Тондымский сор славится язями — это достаточно ценная рыба, чтобы ради нее рискнуть и вложиться в котцы. Язь поднимается каждую весну с Конды метать икру. Только в эту пору он сбивается в стаи и доступен для массового лова. Но весенняя рыбалка не только запрещена сегодня, но и упирается в возможности хозяйств обрабатывать и продать рыбу во время беспутницы — Нижняя Конда по-прежнему отрезана от федеральных автодорог с апреля по декабрь. Значительно больше рыночных перспектив открывает зимняя мороженная рыба, ее проще вывезти с водоемов и сохранить. Не надо тратиться на электричество, обработку и упаковку.

После подъема нерестовой рыбы в апреле-мае сора закрывают. Запертые водоемы кондинцы называли «закромами» и «садами», удерживая там рыбу до ледостава и последующего замора. Время от времени стаи рыб подходят к запору проверить, не открылся ли выход. Дырку может прогрызть выдра или ондатра. Щели в три пальца достаточно, чтобы сбежала большая часть рыбы. Сильные язи могут перепрыгнуть загородку (против этого натягивают сетку) или, встав плотными рядами вдоль запора, «наваливаются на него», так что вода может пойти верхом и вымыть одну из секций запора. Зная язевые проделки, запоры иногда подсвечивают прожектором.

Водоемы Обь-Иртышского бассейна «старают» зимой от недостатка растворенного кислорода. Обычно замор наступает в декабре-январе. Горит Конда и большинство озер низменности. Чтобы избежать гибели, рыба заходит

в притоки с живой водой или скапливается у донных ключей. Из Тондымского сора основная часть рыбы устремляется вниз, но, пройдя первый запор, упирается во второй (крепостной) и стопорится в котце. Вода буквально замещается рыбой, которая бурлит и выскакивает из проруби.

Момент нельзя прозевать, поскольку в сильные холода замереть может и котец. Рыбу черпают саками или вываживают неводом, раскладывают на подготовленной площадке для проморозки, сортируют по мешкам и вывозят в поселок на тракторе с прицепом. Для этого специально «топчут» зимник. Если рыбы немного, вывозят снегоходами.

Но замора можно и не дожидаться: зима 2019–2020 года была самой мягкой в Сибири за всю историю инструментальных метеонаблюдений — многие озера не сторели. В таких условиях, чтобы нагнать рыбу в котцы, кислородное голодание могут стимулировать искусственно. Для этого ниже крепостного запора строят шлюз или трамбуют дамбу из снега, замедляя сток. Это рискованный способ — дамба может промерзнуть до дна и вся рыба умрет. За этим последует череда малорыбных лет.

Котцы десятилетиями стоят на одном месте, если оно было выбрано удачно. Русло под котец зачищается и углубляется, рядом оборудуют стан, — все это требует времени, денег, сил, разрешения на промысел. Промысел сегодня сильно бюрократизирован из-за отнесения к промышленному рыболовству — большинство избегает связываться с бумагами и отчетностью, предпочитая заниматься делом. Раньше загородки применялись очень широко, перегораживалась даже Конда, но фабричные сети и неводы потеснили дерево, одновременно ужесточились правила лова — котцы стали при-

◀ Река Конда

▼ Приемка рыбы на Конде

менять только на несудоходных речках для заготовки соровой рыбы. Сети оказались удобнее и мобильнее на открытой воде, тогда как котцы требовали подготовительных работ и зависели от замора.

Вернувшись с Тондыма в Каму, мы посетили приемный пункт, куда рыбаки сдавали улов дважды в сутки. Из приехавших рыбаков мало кто сдал меньше 150 кг, что говорило минимум о полудожине поставленных каждым сетей. Можно было подумать, что крупные язь, лещ и щука — основные обитатели водоемов и добыча сетей, мелочь отсутствовала. Но дело ис-

ключительно в том, что цена на мелкую рыбу (до 21 см длиной) не оправдывает даже ее доставки до приемного пункта. Карась размером с ладонь принимается по 8 руб./кг, хотя он вкуснее леща-лаптя.

Усредненная цена крупной рыбы — 35 рублей за 1 кг. Средний улов рыбаков тянул на 5 тысяч рублей, из которых надо вычесть подоходный налог 13%, стоимость ГСМ (25–35%) и поделить на количество занятых в промысле (минимум двое). В итоге получается по 1,5–2 тысячи на рыбака. Для большинства жителей Камы это основной доход. Зимой рыбаки предпочитают продавать рыбу приезжим торговцам, которые предлагают более выгодные цены, чем приемный пункт рыбзавода. Но спрос приезжих избирателен и непостоянен, закупают чаще всего один-два вида, которые максимально рентабельны в текущий момент или на которых нашелся оптовый покупатель на «большой земле». Мелочь частиковых не востребована.

В такой ситуации невозможны долгосрочные контракты: рыбаки не могут гарантировать объемы и состав рыбы, покупатели — покупку по оговоренным ценам. Каждый год договариваются ситуативно. Рыбак по умолчанию в проигрыше: он торопится продать, пока есть сезонный спрос, не просел зимник, не заветрилась рыба. Речную рыбу не глазируют, пролежав месяц на воздухе, она теряет до 10% мас-

сы. Это чистый убыток. Оптовик, напротив, не торопится и может ронять цену при торге. В таких условиях рыбаки благожелательно вспоминают советские годы с твердыми ценами и принципом «одного окна» — где сдал, там и отоварился. Авансы и кредиты в современном рыболовстве практически исключены.

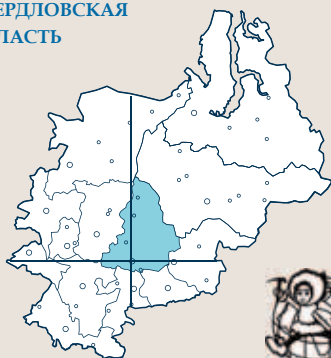
Сложившаяся в отрасли система регулирования и поддержки не способствует развитию запорного лова, где велики стартовые вложения, для вывозки рыбы используется тяжелая техника. Котцеву нужны оборотные деньги, страхование рисков, а не оплата через год, как в случае реализации рыбы через субсидируемые государством предприятия рыбопереработки.

В трех котцовых хозяйствах, что мы посетили в июле 2020 года, мы увидели разные стратегии использования места и рыбы. В одном случае рыбакам мешали нефтяники, в другом отсутствовали права на рыбучасток, только на Тондыме были условия для развития, оптимистический взгляд в будущее. Владелец сам занимался приемкой рыбы в деревне от рыбокомбината. Использование холодильных мощностей завода было конкурентным преимуществом, равно как и молодой состав команды. При нас на пилораме готовили новый жал для запоров, зимой собирались поставить новую избу взамен старой. Оправдаются ли эти вложения, покажет только опыт 2–3 лет пользования. **УТ**

Ограниченный штурм

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

«Ледовое граффити» и «Ледовый штурм» традиционно
прошли в столице Урала.

Не боятся мороза наши маленькие и взрослые художники! Именно они являются героями первого дня зимнего фестиваля «Уральский следопыт». Употребляем слово «герои» мы совершенно серьезно. Попробуйте порисовать на морозе, когда у тебя вместо холста — ледяная стена, краска сначала замерзает, а потом на льду подтекает. Не сразу и не у каждого художника это получится. А наши граффитисты — уже настоящие мастера рисунков на льду. Юных художники гимназии «Арт-Эпюд» разрисовали стены Ледового городка персонажами и сюжетами из сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

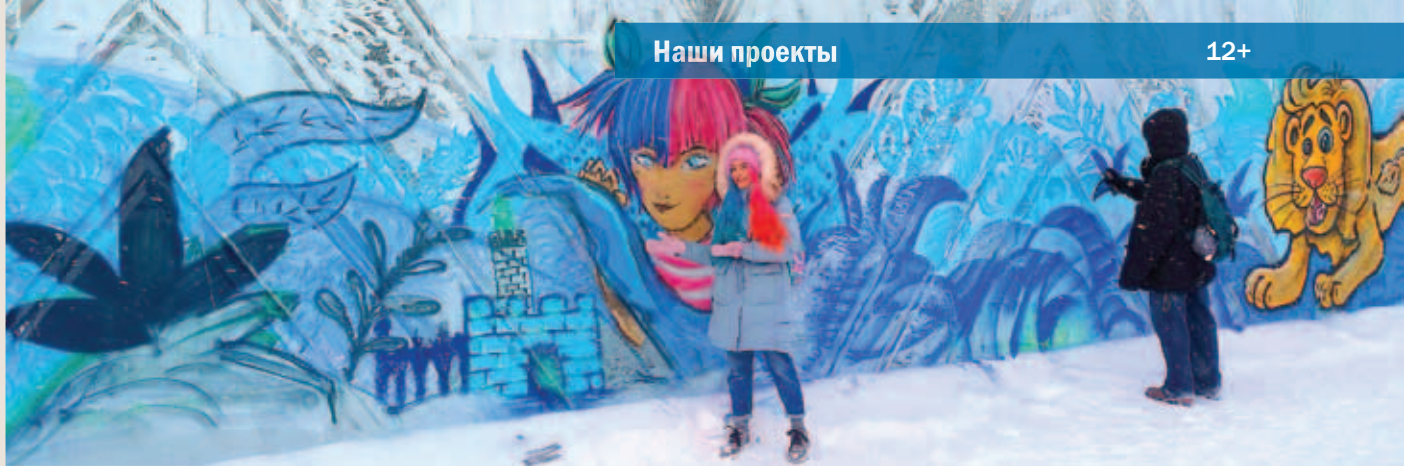
А взрослые художники нарисовали общую картину на стене вокруг елки — а она 50 метров в длину и 4 в высоту —

по сюжетам сказки. Эскиз был общий, каждый создавал свою часть картины. Рассказывает Владислав Ольшанский, художник, дизайнер, граффитист, организатор и вдохновитель группы художников:

— Все ребята, которые сейчас отогревают под куртками краски, рисуют на стене, это все настоящие художники, дизайнеры, у них есть серьезные работы, достижения. Но творец он потому и творец, что ему всегда хочется чего-то нового, необычного, интересного, поэтому мы здесь!

И пусть картины просуществовали недолго, они успели порадовать жителей и гостей Екатеринбурга. Второй день фестиваля — это уже сфера других наших героев — альпинистов, скалолазов, туристов. В «Ледовом штурме» приняли участие почти 60 альпинистов разных возрастов из Екатеринбурга, Перми, Ижевска, Нижнего Тагила, Челябинска, Черноисточинска, Нижней Салды. И хотя вышеперечисленные проблемы внесли свои коррективы, не было, например, традиционного ледяного столба, по которому на скорость залезали спортсмены, соревнования по ледолазанию все равно прошли интересно, остро, ярко, местами — драма-

тично. Альпинисты взбирались по ледовым сооружениям и покоряли стены зимнего городка. А вечером, для тех, кто «остался жив», гонка преследования — самое зрелищное, захватывающее, но и самое сложное и экстремальное соревнование. На гонке несколько спортсменов, спасаясь от догоняющего соперника, сорвались со стены. Зато победитель смог обогнуть ледовую стену вокруг елки три раза!

Рассказывает Матвей Захаров, альпинист из города Полевской, занявший II место среди юношей:

— Да даже если бы я занял первое место, все равно был бы недоволен результатом! Всегда хочется пройти лучше!

Зрителям тоже дали возможность испытать свои силы — попытаться хоть какое-то время удержаться на ледяной стене. Некоторые рисковали — пробовали, на собственном опыте убедились, как это сложно.

— Я и трех секунд не продержалась, — делится зрительница Мария, — еще больше удивляюсь этим альпинистам!

Да, вот такие они — участники «Ледового штурма» — азартные, сильные, смелые! «Уральский следопыт» гордится ими.

И сочувствует тем, кто оставался в эти дни дома и не присоединился к художникам, альпинистам, следопытам!

По следам пропавшей разведки

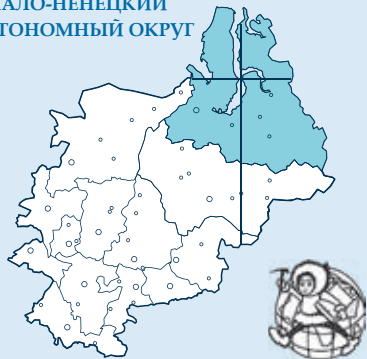
Забытые катастрофы на Урале

Юрий Мамонтов

В 1977 году закончил Армавирское училище летчиков. Служил в истребительной авиации ПВО. Летал на дальних перехватчиках в Заполярном Урале. Военный летчик 1 класса. Ветеран военной службы. Ветеран Труда.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

Этот случай много лет не оставляет мою память.

Особых подробностей того полёта в годы моей лётной службы в Амдерме никто не помнил. Но о нём кто-то слышал, кто-то где-то рассказывал. С того случая прошло более 70 лет, и я хочу поделиться воспоминаниями.

Самолёт Ли-2 МАГОНА (СССР — Н464) произвёл посадку в Амдерме. Почему именно самолёт МАГОНА оказался в Амдерме, никто пояснить не мог.

И почему МАГОН должен был осуществлять ледовую разведку, было непонятно.

Итак. Осень, а точнее давно начавшаяся зима 1948 года. 14 сентября. Посадка Ли-2 в Амдерме. В тот же день командир экипажа получил задание на ледовую разведку.

Длина маршрута Ли-2 МАГОНА «туда-обратно» почти 4000 километров. Командир Ли-2 лично проверяет заправку под «заглушку» четырёх внутренних баков Ли-2 и заправляет ещё десять бочек дополнительно

го топлива, грузит их на борт самолёта. Перегруз самолёта Ли-2 составляет более тонны. Общее время этого полёта по расчёту штурмана Ли-2 — 15 часов. Произведена предполётная подготовка Ли-2. Самолёт готов к вылету. На замечания диспетчера аэропорта Амдермы на недопустимый взлётный вес самолёта командир Ли-2 игнорирует. Самолёт взят под охрану. Экипаж убыл на от-

Автор благодарит за оказанную помощь, предоставленные уникальные фотографии музей Университета Гражданской авиации в Санкт-Петербурге, историка-исследователя, консультанта музея Геннадия Федоровича Петрова.

дых перед вылетом. В гостинице, если её можно назвать таким словом, товарищ командира говорит: «Твоя задача невыполнима».

Экипаж располагается отдыхать в комнате, завешивает окно одеялом, чтобы солнце полярного дня не мешало. И уходит в глубокий долгий сон. Вечером следующего дня получено радиogramмой «добро» на выполнение полёта.

В два часа ночи полярного дня экипаж поднимается, завтракает яичницей с тушёной и салом, чёрным хлебом, сладким крепким чаем и берёт в карма-

ны плитки шоколада. Завтракают молча. В три часа получают информацию по погоде, ещё раз уточняют маршрут. Предполётные указания закончены.

На борт поднимаются семь человек. Бортмеханик забирает стремянку и закрывает дверь времени навсегда. Между читателями и той семёркой возникает пропасть времени. Экипаж уходит в неизвестность. Разрешение на запуск. Время три тридцать — прогрев двигателей. Рано утром, в четыре часа 16 сентября, Ли-2 произвёл взлёт и направился на Север. Через пять часов под крылом самолёта Бухта Тихая. Это исходный пункт начала задания.

Далее Ли-2 выходит к северу от Земли Франца-Иосифа и затем выходит к острову Грэм-Белл.

У Грэм-Белла Ли-2 разворачивается на юг и выполняет полёт в сторону Амдермы. Проходит Мыс Желания. Это северная точка Новой Земли.

Погода по маршруту плохая. Начальник морских операций западного сектора Арктики настоял на выполнении задания. Экипаж нарушил требования безопасности полётов. Руководство летно-штурманской службой и службой связи МАГОН заняли выжидательную позицию. Погода окончательно ухудшилась. Влияние оказывает циклоническая деятельность. Новая Земля всегда закрыта облачностью (в 1980-х, выполняли полёты в этих районах, видел только облака. — Примечание автора).

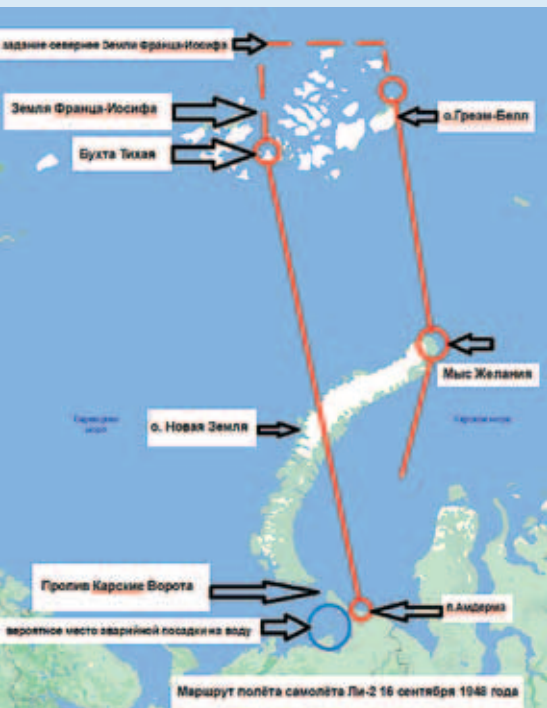
Длительность изматывающего полёта, болтанка, отсутствие нормальной видимости льдов, защищенных с воздуха облачностью, сделали своё дело.

Войдя в Карский мешок (Карский мешок — водное пространство Карского моря, ограниченное Новой Землей, Ямалом и материком. — Пояснение автора), экипаж Ли-2 стал терять ориентировку. Передаваемые через каждые 30 минут координаты не соответствовали фактическим.

Точное место полёта определить не удавалось, вероятно, в те часы начались магнитные бури. Сказывалась скудность радиотехнических средств в Арктике и необходимого оборудования на борту самого самолёта. Штурман экипажа просит командира снизиться для обнаружения хоть каких-то ориентиров.

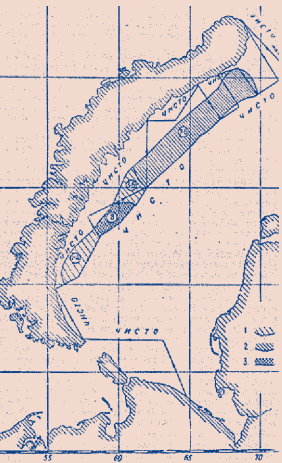
Ли-2 снижается до высоты 100 метров. Выполняет полёты поперечными галсами для уточнения своего местоположения. На малой высоте он теряет топливо — на такой высоте расход топлива много больше. Но нужно видеть маршрут, сличать его с картой, и это при плохой и неустойчивой работе радиостанции. Самолёт уклоняется к восточным берегам Новой Земли. Экипаж набирает высоту 800 метров.

Ледовая разведка

Лёд бывает молодой, многолетний, сплошной, с разводьями, ровный, торосистый, тонкий, толстый. Правильная оценка этого льда позволяет капитанам решать задачу прохода судов через ледяные поля. Даже ледоколы используют данные авиационной ледовой разведки. Разведка ведётся на больших площадях. Если ледовая обстановка особенно сложна — самолёты находятся в зоне видимости каравана. Значительная часть Арктики покрыта многолетними льдами толщиной до шести метров. Льды в дрейфе. Дрейф сопровождается сжатием, появлением трещин, каналов, разводий. Потребовались годы, чтобы экипажи самолётов научились понимать и правильно оценивать ледовую обстановку именно так, как необходимо морякам. В экипажи самолётов включены гидрологи, чтобы разгрузить пилотов и штурманов от тяжёлой работы на

блюдения. Первые полёты ледовых разведок были с прибрежных галечных и песчаных кос (п. Амдерма). Ледовая авиационная разведка была единственным в то время видом наблюдений, позволяющим получить точную информацию для обеспечения проходов судов по трассе Северного Морского Пути и их заходов в порты, расположенные в устьях сибирских рек.

Экипаж передаёт «земле» своё место с большой ошибкой. Это позднее подтвердили сотрудники геологической партии на Мысе Меншикова. Они видели этот самолёт в воздухе. Экипаж считает, что Ли-2 находится много восточнее Новой Земли, а фактически Ли-2 был западнее предполагаемого места более двухсот километров. С 17 часов связь с самолётом пропала. Экипаж перестал передавать своё место, курс полёта и высоту.

Но в 18 часов в эфире: «Мы выработали топливо. Остатка нет. Мы в проливе Карские ворота. Посадка на воду. Пеленгуйте нас», «Мы где-то в районе Вайгача» (остров Вайгач. — Примечание автора).

«Амдерма, Усть-Кара, пеленгуйте нас, мы без топлива. Посадка будет на воду!» Через 15 часов полёта, в районе 19 часов, связь окончательно

но была потеряна. Попытки найти самолёт и экипаж не увенчались успехом.

Через несколько дней в географическом треугольнике Хайпудырской губы, острова Большой Зеленец, Мыса Бельковский Нос были обнаружены семь пустых бочек из-под топлива, находившиеся на борту Ли-2 на момент взлёта. Ещё позднее — полузатопленная спасательная лодка, в которой фуражка гидролога, один меховой унт, поясной ремень, пояс, банка, шоколад с Амдермы. Вещи показывали борьбу экипажа за жизнь: к канату был привязан чехол от спального мешка. Цель: сделать парус либо плавучий якорь при борьбе с сильным ветром и большой волной. По синоптическим картам была восстановлена погода с определением вероятных течений и сделан трагический вывод: самолёт Ли-2 прозвёл вынужденную посадку на шторм

мощнее море, экипаж высадился на спасательную лодку, затем был выброшен за борт ветром и волнами, и при низкой температуре через несколько минут все члены экипажа замёрзли и утонули.

Наиболее вероятное место аварийной посадки Ли-2 в координатах треугольника: Варандей, остров Матвеев, мыс Медынский Заворот. Тел погибших не нашли. Самолёт найден не был. Виновным был назван экипаж: пренебрегли советом командира Ил-12, проложили маршрут длиной более 2500 км, нарушили взлётный вес, плохо использовали возможности бортовых радионавигационных средств, допустили полёт с беспорядочными курсами при восстановлении ориентировки, осуществляли длительный полёт на малой высоте 100 метров и даже (?) произвели вылет без согласования.

В этом районе в 1980-х катапультировались экипажи Ту-128 из Амдермы. Первый случай — столкновение пары Ту-128 в воздухе во время сопровождения. Второй — отказ техники (я был свидетелем второго поиска, катапультировался мой командир эскадрильи со штурманом полка). Оба экипажа «испробовали» низкую температуру воды. Случайно остались живыми. Был случай, когда в водах Севера нашли гидросамолёт с замёрзшим экипажем. Север небрежности не прощает.

Послесловие...

Статья была направлена в редакцию журнала и сдана в набор. И в это время у меня появились материалы, которые длительное время были под грифом «Секретно». Гриф секретности снят. Я даже посмотрел хронику 1948 года. Увидел карты того времени. Возможно, что читатели найдут дополнительные для ответов на вопросы, возникшие по этой статье. Редакция внесла «послесловие». Неоценимую помощь в написании окончания статьи оказал Российский государственный архив кинофотодокументов.

Сразу после войны Арктика стала активно осваиваться, так как США видели Арктику как район короткого полёта к СССР самолётов бомбардировочной авиации.

В конце 1946 года в СССР было создано Центральное управление капитального аэродромного строительства Вооружённых Сил. Одним из первых построенных аэродромов стал аэродром Амдермы. В 1948 году была организована «Высокоширотная воздушная арктическая экспедиция». Самолёты такой экспедиции работали два сезона в году: осенью и весной. Осенью необходимо было выполнить наблюдения в запланированных заранее точках Арктического бассейна.

Но «Высокоширотная воздушная арктическая экспедиция» имела другое название — «Север 2». Официально экспедиция была научной, а фактически её обеспечивали военные и военные лётчики морской авиации из добровольцев. При этом экипажи самолётов носили не военную форму, а штатскую и любые обозначения самолёта, выдававшие принадлежность к Вооружённым Силам, тщательно закрашивались. Таким образом проводились исследования в интересах Вооружённых сил.

1948 год. В США была готова военная операция с использованием ядерного оружия. Короткий маршрут бомбардировщиков проходил через Арктику. Перехватывать их должны были самолёты Ла-11. Эти самолёты были подготовлены к боевым действиям в условиях низких температур и коротких посадочных площадок на льду. Для этого Ла-11 был оборудован эффективной противообледенительной системой и установлен реверсивный винт. Второе — наша страна не имела атомного оружия, но был готов ответ с использованием ледовых аэродромов, т.е. аэродромов подскока (промежуточных аэродромов), где наши бомбардировщики должны были осуществлять дозаправку с целью увеличения боевой дальности. Строились аэродромы в сторону Северного полюса и Аляски. Начальником «Севера 2» был генерал-майор А. А. Кузнецов. Под его руководством было создано 32 ледовых аэродрома (А. А. Кузнецову за эту работу присвоено звание Героя Советского Союза). Отрабатывались методики базирования советских бомбардировщиков и истребителей на ледовых аэродро-

мах. В этом направлении специалистами проводились различные научные исследования. Первыми посадку на лёд производили самолёты Ли-2. Они же выполняли воздушную разведку мест ледовых аэродромов.

В 1980-х на аэродром острова Грем-Белл произвела посадку группа самолётов МиГ-31 с Архангельска, затем ещё одна с другого аэродрома материка. Аэродром на этом острове являлся стратегическим в случае возникновения военного конфликта. **УС**

МАГОН

По приказу Наркома обороны от 9 июля 1941 года «Об использовании Гражданского Воздушного Флота в военное время» на гражданскую авиацию возлагалось выполнение заданий Государственного комитета обороны и Наркомата обороны по специальным воздушным перевозкам военных грузов, высадке десанта и другого.

Была создана Московская Авиационная Группа Особого Назначения. Она была предназначена для обслуживания непосредственно НКО и НКВМФ. В этой группе была выделена особая группа для связи Генерального штаба с фронтами. Местом базирования определён аэродром «Внуково». Со всей страны были собраны наиболее подготовленные экипажи. Основа парка — самолёты Ли-2 и ПС-84. Работа этой группы планировалась непосредственно штабом тыла Советской Армии. За проявленное мужество и героизм при выполнении заданий большинство личного состава МАГОН было награждено орденами и медалями.

Три войны прапорщика Бормана Племянник «шоколадного короля России»

Его дядя Жорж был «поставщиком двора Его Императорского Величества». Он производил самый вкусный шоколад в дореволюционной России. Племяннику «короля сластен», инженеру-лесоводу по профессии, Петру Сергеевичу трижды пришлось защищать Отечество, вкусив горечь поражений и радость трудовых и боевых побед.

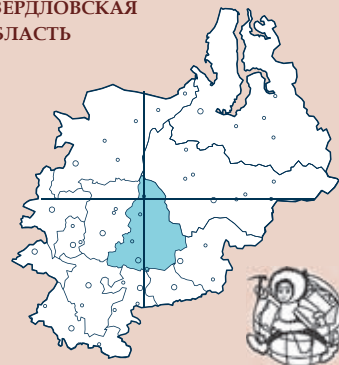
После Великой Отечественной войны ленинградец П. С. Борман «пустил корни» на уральской земле, работая в должности старшего преподавателя кафедры физической географии (картографии) географического факультета УрГУ имени Горького (ныне УрФУ), где он был руководителем геодезических практик и начальником Висимской экспедиции.

За годы своей военной службы он был награжден Знаком отличия ордена Святого Георгия, орденом Св. Станислава 3-й степени (1917), медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За победу над Германией» и орденом Красного Знамени (1948).

Наследие рода

Надо отметить, что предки Петра Сергеевича Бормана оставили заметный след в истории нашей страны. Род Борманов в Петербурге ведет свое начало от немецкого купца-предпринимателя Николая Александровича Бормана из города Бауск Курляндской губернии. В 1850-е — начале 60-х годов он занимался изготовлением лекарств для аптек и частных лиц в так называемом «лютеранском квартале». От двух браков у Николая Александровича было 6 сыновей, один из которых, Григорий (Егор) Николаевич (известный всей Российской империи как Жорж Борман (1862-1918)), стал впоследствии

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Николай Неуймин

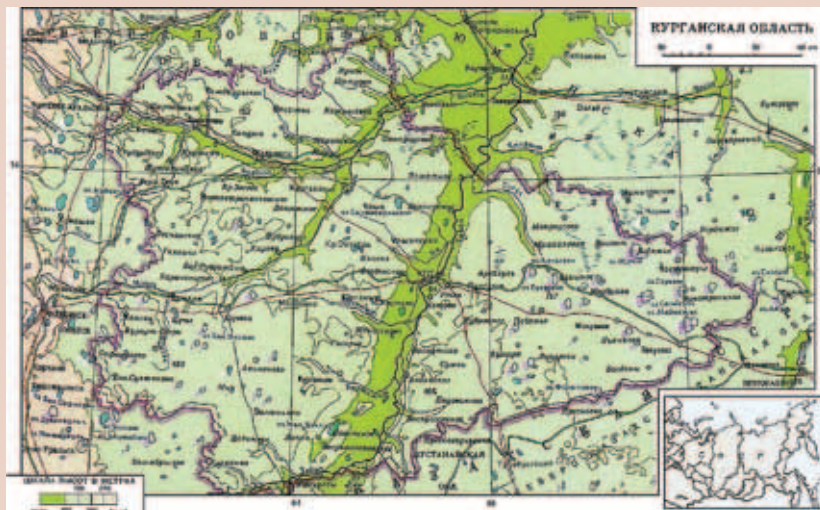
Заведующий отделом истории династии Романовых, ГАУК СО «Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е. Клера».

Ольга Потемкина

Старший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера.

Иллюстрации
из архива авторов

◀ Юго-восток Курганской области (озеро Медвежье) — место ссылки 30-х годов

▲ Родители С.Н. Борман и В.Д. Борман (Тыркова) с сыном Петром, С.-Петербург, 1899 год

▶ Петр Борман — юнкер Михайловского артучилища, 1916 год

«шоколадным королем» России, владевшим сетью кондитерских магазинов во многих городах Российской империи.

Герой нашего повествования родился 12 июня 1897 года в Бессарабской губернии в семье полкового врача 56-го Житомирского пехотного полка Сергея Николаевича Бормана (1869–1939), впоследствии ставшего врачом — ординатором больницы Императорского клинического института Великой княгини Елены Павловны в Санкт-Петербурге.

Мать Петра Сергеевича Бормана — Вера Дмитриевна (1874–1949) — происходила из потомственной дворянской семьи Тырковых, известной с XVI века. Родные братья матери П. С. Бормана — Владимир и Николай Тырко-

вы — были кадровыми офицерами Императорского флота, участниками русско-японской и Первой мировой войны. Владимир Дмитриевич Тырков — контр-адмирал, командир линкора «Император Павел». Николай Дмитриевич — капитан 1 ранга, командир крейсера «Адмирал Макаров», был комендантом Кронштадтской крепости.

Первая мировая

В 1915 году Петр Борман с отличием закончил училище (гимназию) при Евангелистско-Лютеранской церкви Святой Анны («Аннешуле») в Петрограде. После этого он поступает в Михайловское артиллерийское училище. В конце 1916 года закончил ускоренный курс обучения, был произведен в прапорщики артилле-

рии и направлен в 36-ю артбригаду 36-й пехотной дивизии, 13-го армейского корпуса 5-й армии на Северный фронт.

В Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва) нами были найдены неизвестные ранее документы об участии П. С. Бормана в Первой мировой войне в составе Российской императорской армии. С января 1917 года П. С. Борман принимал участие в боевых действиях под Двинском (Даугавпилс) и Ригой младшим офицером последовательно 2, 5, 6 батарей 36-й артбригады.

После февральской революции прапорщик Борман был избран председателем солдатского комитета 6-й батареи. С лета 1917-го и до демобилизации состоял в должности начальника разведки 6-й батареи 36-й артбригады. Вскоре он был произведен в подпоручики, награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и Знаком отличия ордена Святого Георгия Победоносца — солдатским Георгиевским крестом (бесстепенным).

С приходом новой власти подпоручик Борман был демобилизован, вернулся в Петроград и в этом же году поступил в Петроградский лесной институт, начал учебу, но учебное заведение закрылось из-за гражданской войны и он устроился на работу лесорубом

▲ Петр Сергеевич перед отправкой на фронт (с сестрой).
Стоят — родители и младший брат Георгий, 1917 год

(младшим десятником) Октябрьского Железнодорожного комитета (железкома), который находится на станции Любань Николаевской железной дороги.

Гражданская

В марте 1919 года Петр Сергеевич вступил добровольцем в Красную Армию (сделав в то время осознанный выбор, как он впоследствии рассказывал сыну) и был назначен командиром взвода 8-й роты 1-го стрелкового полка Петроградской отдельной бригады, участвовал в боях с Юденичем, наступавшим на Петроград под Пулковом, в должности помощника командира батареи.

Затем П. С. Борман служил в Красной Армии на должности начальника артшколы переподготовки среднего комсостава. В апреле 1921 г. был демобилизован и продолжил обучение в Лесном институте, но, испытывая материальные трудности, через некоторое время оставил учебу и устроился на ра-

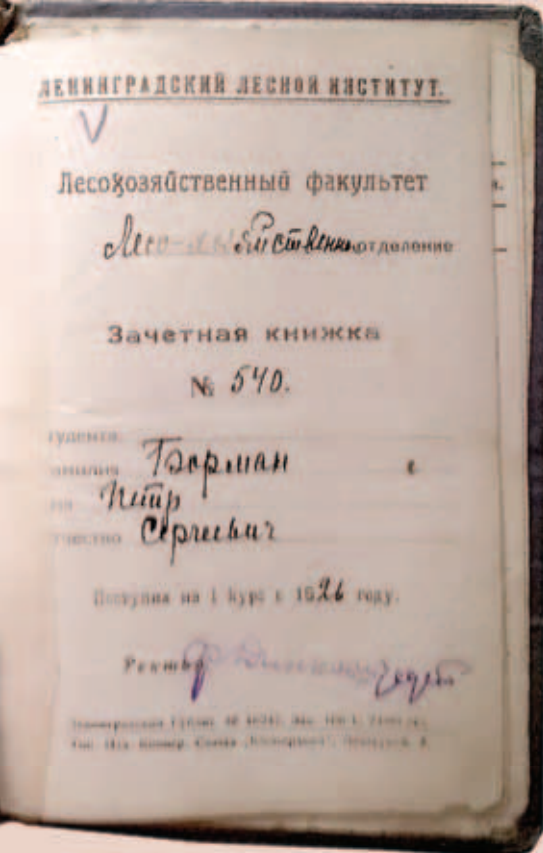
▶ Реклама шоколадного короля

боту техником-съемщиком лесо-устроительной партии в Тихвинском районе Ленинградской области. В 1926 г. он вновь восстанавливается на лесохозяйственном факультете Ленинградского лесного института, реорганизованного впоследствии в Лесотехническую академию (ЛТА), которую окончил спустя четыре года.

Мирные годы

После распределения он работает инженер-лесоводом, а затем и заведующим строительством Ружозерского леспромхоза Гостреста «Кареллес» АКССР (Карелия). Через год его переводят работать инженером Управления Западносибирской лесоинженерной экспедиции Ленинградской лесотехнической академии. Необходимо отметить, что Петр Сергеевич Борман был «пионером» проведения аэрофотосъемки при составлении карт лесов и рельефов и использовании авиации при осуществлении таксационных работ. Он участвовал в составлении карт лесов на основании дешифровки аэросъемок лесных массивов Управления «Куз-

▲ Зачетная книжка Петра Бормана, студента Ленинградского лесотехнического института, 1926 г.

▲ Радиолечебница С. Н. Бормана (2 этаж) — угол улиц (Колокольная 18, Николаевская, 19)

бассуголь», а также в составлении для треста «ЗапсибЛестяж» карт кедровых древостоев Горной Шории. В этот период Петр Сергеевич начинает работу над кандидатской диссертацией по теме аэрофото-таксации лесных массивов.

Черная полоса

Белая полоса заканчивается в июле 1937 года, когда семью Борманов, включая Петра Сергеевича, высылают из Ленинграда в Петуховский район Челябинской области (ныне Курганской). Здесь он работает помощником начальника строительства кинотеатра в Петухово, а по месту жительства в селе Юдино — прорабом курорта озера Медвежье.

Весной 1938 года П. Борман был арестован НКВД по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности (статья 58, пункты 6, 11). По 28 января 1939 г. содержался под стражей в СИЗО НКВД г. Че-

лябинска, откуда был освобожден за прекращением его уголовного дела. В марте 1939 года он работает энтомологом на малярийном пункте Петуховского райздравотдела (райцентр Курганской области), а с 21 августа — учителем Юдинской сельской школы Петуховского района.

В мае 1940 года после отмены административной высылки Борман был возвращен в Ленинград и принят на должность старшего таксатора-дешифровальщика в Ленинградское отделение конторы «Леспроект».

Великая Отечественная

Несмотря на непризывной возраст, с началом войны Сергей Петрович вступает добровольцем в ряды РККА и зачисляется рядовым в арtpолк 3-й Гвардейской стрелковой дивизии. С августа 1941 года он уже участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Стрельной, Урицком (бывший поселок Лигово) на подступах к Ленинграду, в тяжелых наступательных боях по ликвидации Киришского плацдарма немцев.

914; Химико-анир. м. удаление, пломбы, зубы из пластмассы и протезы, эмаль, ортопедия, и разрывные топы и электротомы и

Филимоновой, С. В. (Боннаевской И. Д. (Ровеского, 7. Т 6634).

пост. кров. для жен Дубичника, Я. С. (Скал, 116. Т 54896).

вское лечеби. съ ро- д-ра Арштагъ О.И. (Скал 63. Т 57948).

Спец. леч. по нахожи, сифил. и поч. бол. для приход. съ пост. кроват. д-ра Я. А. Рудштейна. (Петр. ст. Вольн. пр. 5. Т 54536).

штейна, М. А. и Магидсона И. Я. (Невский, 82. Т 21126).

Радио-лечебница Бормана, С. Н. (Николаевская, 19. Т 14424).

РАДИО-ЛЕЧЕБНИЦА.

Лучи Рентгена, Радия, ультрафиолетовые, лампы Кроулиера, электричество, токи д'Арсонваля.

Николаевская ул., 19. Телефонъ 144-24.

Директоръ д-ръ С. БОРМАНЪ.

Экзема. Лишай. Болванъ волосъ. Опухоль. Ракъ. Туберкулезъ. Ревматизмъ. Невралгия. Сифилисъ.

ПОСТОЯННЫЯ КРОВАТИ.

Спец. леч. поли-, вен. и сиф. б. Файнштейна, А. И. (Невский 76. Тел. 51234).

Лечеби. мочен. и венер. бол. д-ра Дубосарского Г. А.

ЛЕЧЕБНИЦЫ НЕРВНЫХЪ И ДУШЕВНЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ. БАРА А. Э., НАРПИНСКАГО А. И., МЕ- МИРОВСКАГО М. А., ТАРА А. В. (В. О., 5 лин., 68-60. Т 41234).

ВОЙТКЕВИЧА И. П. (Лин. 1, 10).

▲ Удостоверение советского офицера П.С. Бормана

В сентябре он получил звание сержанта и должность младшего командира взвода разведки, а в 1942 году — звание лейтенанта с назначением на должность командира взвода управления (КВУ) артотгем 4-й батареи 122-го артполка 44-й стрелковой дивизии 54-й армии Ленинградского фронта.

По поводу присвоения ему лейтенантского звания Петр Сергеевич позднее шутил в кругу семьи: «Вот я и дослужился до своего прежнего чина», поскольку после Первой мировой войны он был демобилизован в чине прапорщика, который приравнивается к званию лейтенанта, введенному в военный табель о рангах Красной Армии в конце 1930-х годов.

В 1942 году при наступлении на немецкий укрепленный район у деревни Ларионов остров (Киришский район Ленинградской обл.) Борман был тяжело ранен в правую руку с переломами и повреждениями нерва и с апреля этого года девять месяцев находился на лечении в эвакогоспитале № 3782 в г. Молотове (Пермь). По заключению медкомиссии он был признан негодным к строевой службе, установлена инвалидность второй группы.

После восстановления Петр Сергеевич был назначен преподавателем артиллерии Свердловского пехотного училища, затем старшим преподавателем топографии учебного артполка офицерского состава в г. Чебаркуле. В октябре 1944 г. он становится старшим преподавателем военной кафедры Уральского государственного университета имени Горького (УрГУ) в Свердловске и одновременно исполняет обязанности помощника ректора университета

по административно-хозяйственной части. В 1946 году он был демобилизован из РККА в звании лейтенанта.

После демобилизации

После демобилизации П.С. Борман работал в должности старшего преподавателя кафедры физической географии. Последние пять лет своей жизни, в связи с переводом географического факультета УрГУ в Молотовский университет (г. Пермь), Петр Сергеевич работает инженером-геодезистом Свердловской аэрофотолесоустроительной экспедиции и старшим преподавателем лесоустройства и лесной авиации Уральского лесотехнического института. Напомним, что еще в 30-е годы XX века он был инициатором использования авиации при проведении лесоустроительных и геодезических работ — аэрофототаксации.

Такова в общих чертах история жизни этого человека — скромно русского патриота с нерусской фамилией. Ярких событий и драматических поворотов, произошед-

ших в ней, хватило бы, вероятно, на несколько человеческих жизней. Ведь в биографии Петра Сергеевича Бормана отразилась почти вся история России конца XIX — второй половины XX века. И хоть его судьба подобна судьбам многих россиян его поколения, примечательна она уже тем, что совсем немногим российским солдатам и младшим командирам того времени посчастливилось, как ему, выстоять и выжить на полях сражений трех основных войн нашей державы в первой половине минувшего столетия.

На уральской земле проживает сын Петра Сергеевича — Андрей Петрович Комлев (он живет под фамилией матери) — член Союза писателей России, поэт, автор историко-филологических исследований и одного из переводов «Слова о полку Игореве», заслуженный работник культуры Российской Федерации. Во многом благодаря его помощи перед нами открылась яркая, героическая и одновременно трагическая судьба его отца. **УС**

► Награды П.С. Бормана и его наручные часы (фирмы Павла Бурэ)

Станция Верх-Нейвинск

Уральская горнозаводская железная дорога

В 1861 году нижнетагильский инженер В. К. Рашет в «Губернских новостях» опубликовал статью о необходимости строительства железной дороги на Урале. Спустя десять лет начались изыскательские работы на трассе будущей «железки». В это же время была заложена и станция Верх-Нейвинск.

Строить «железку»

В второй половине XIX века Российской империя активно взялась за строительство железных дорог. Уральская дорога, по мнению Рашета, должна была пройти в направлении от Перми через Лысьвенский, Кыновский и Гороблагодатский округа на Нижнетагильский завод, а от него к югу через Невьянские и Верх-Исетские заводы до Екатеринбурга. Идея понравилась и губернским властям, и владельцам заводов. В Сенат посыпались многие прошения о строительстве Пермской губернской железной дороги.

И вот в конце 60-х годов XIX века было создано «Общество горнозаводской железной дороги». Уже в 1871–1872 годах начались изыскательские работы на трассе будущей «железки», возглавляемые инженерами Соболевским и Миллером. Необходимо было произвести отчуждение частнозаводских и посессионных земель, вырубить просеки под линию дороги, устроить подъездные пути, провести телеграф, построить казармы-баракы для строителей и многое другое.

Первый камень

Первый символический камень в строительство дороги был заложен летом 1875 года. Строительство возглавил инженер путей сообщения Голубев. Вся линия была разделена на три огромных участка: от Перми до селения Камасино, от Камасино до Кушвы и от Кушвы до Екатеринбурга. Рабо-

тами на участках от Камасино до Екатеринбурга руководил инженер путей сообщения Борис Александрович Риппас, в будущем член Инженерного совета Министерства путей сообщения Российской империи, тайный советник. Им были спроектированы здания вокзалов и станционных служб.

Этюды Верещагина

Для создания положительного мнения русского общества по поручению Товарищества Уральской горнозаводской железной дороги художник Петр Петрович Верещагин пишет серию этюдов Урала и реки Чусовой — вдоль строившейся здесь железной дороги (1875–1876), среди них имеется Верх-Нейвинский пейзаж, на котором изображено место, на котором позже разместилась станция Верх-Нейвинск.

В августе 1875 года начались работы на участке от Невьянского завода до заимки Таватуй (будущая станция Таватуй, существующая и поныне). На берегу Верх-Нейвинского пруда были построены три деревянные казармы для 120 рабочих. Для проведения земляных работ были привлечены жители поселка Верх-Нейвинский, не занятые в заводском производстве и вольно нанятые со стороны.

«Чугунка»

Работа на строительстве «чугунки» была очень тяжелая, и, хотя заработки были обещаны приличные, система штрафов делала их мизерны-

▲ Официальный Герб Горнозаводской дороги

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Олег Лобанов

Ветеран МВД России, майор милиции, краевед, коллекционер. Проживает в городе Новоуральск.

Иллюстрации
из архива автора

▲ Бляха Уральской Горно-Заводской Железной Дороги (УГЖД)

ми. Об этом писал в своей книге «Кама и Урал» В.И. Немирович-Данченко в 1875 году. Были намечены места строительства вокзала, депо, поворотного круга. Верх-Нейвинская станция должна была быть узловой, то есть на ней был установлен поворотный круг для разворота паровозов. Это выводило станцию в разряд «классных», то есть все должностные лица ее должны были иметь классные чины.

К осени 1877 года все станционные сооружения были закончены: построено каменное здание депо, поворотный круг, деревянное здание вокзала, водонапорная башня. Сама станция была оборудована двумя путями, то есть имелась возможность разъезда составов, далее ветка шла на поворотный круг, другая — на линию основного направления (ее видно на цветной фотографии 1878 года). Строительство велось уже непосредственно на прокладке самого полотна. В декабре 1877 года строительство полотна на линии всей дороги от Перми до Екатеринбурга было закончено.

Первый поезд

27 февраля 1878 года по линии прошел первый рабочий поезд. Весь путь от Перми до Екатеринбурга он прошел за 20 часов. Тогда же было высочайше утверждено название дороги Уральская горнозаводская железная дорога, а также названия станций. Существует легенда о происхождении названия станции Верх-Нейвинск. Планируемое название ее было «Верх-Нейвинская», однако, когда название стали наносить на схему дороги для утверждения,

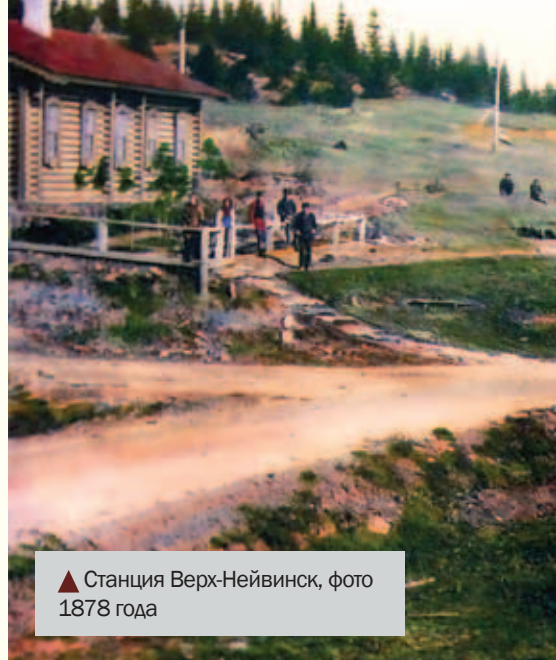

▶ На Чусовой. Этюд П. Верещагина

оно выглядело очень длинным и смотрелось, на взгляд чиновников, на схеме неэстетично. И запись была сделана «ст. Верх-Нейвинск.», точка показывала, что название сокращено. Так и было утверждено. Когда же название официально стали писать в документах и на здании вокзала, то появилось ст. Верх-Нейвинск, спорить с высочайшим утверждением не решились.

468 верст от Перми

1 октября 1878 года «последовало торжественное открытие всей линии Уральской горнозаводской железной дороги на протяжении от Перми до Екатеринбурга 468 верст (499 км). Управляющий дороги — инженер Николай Степанович Островский, начальник службы пути и сооружений инженер А.А. Свенцицкий, помощник его — П.С. Брадке, начальник службы движения — военный инженер Иванов, начальник подвижного состава и тяги — Парсонс, главных мастерских — Витвитский, телеграфа — Станкевич, контроля сборов — Тарасов, магазинного отдела — Баранов.

▲ Станция Верх-Нейвинск, фото 1878 года

Пассажирские поезда из Перми отходили в 10 часов вечера, по одному каждые сутки. В этот же день состоялось официальное открытие и станции Верх-Нейвинск. На торжества прибыли инженер путей сообщения Явлоков, товарищ екатеринбургского полицмейстера, управляющий Верх-Нейвинскими заводами, Верх-Нейвинский волостной старшина Тююшев. В присутствии официальных лиц и при стечении заводских жителей был отслужен молебен и произведено окропление зданий и служб станции.

Поезд на Екатеринбург

Поезд, идущий до Екатеринбурга, был встречен праздничной иллюминацией. Начальником станции был назначен губернский секретарь Крус. Для жительства ему в пос. Верх-Нейвинский была выделена квартира. Верх-Нейвинский вокзал был однозальный, с кассой и буфетом, в котором продавались: «пирог всякие, блюда горячие, конфеты; напитки: чай, воды зельтерские, пиво, водки и вина; закуски холод-

▲ Водонапорная башня. Сохранившееся здание

ные: капуста, огурцы бочковые, селедка бочковая».

Вокзал отапливался двумя печами. Дрова выделялись на Верх-Нейвинской посессионной лесной даче. Заготавливали их нижние чины станции, в зимнее время здание вокзала отапливал сторож. На здании размещался герб Уральской горнозаводской железной дороги и расписание поездов, а также название «Верх-Нейвинск».

К объектам станции Верх-Нейвинск относились Верх-Нейвинский разъезд и железнодорожный мост через реку Бунарка. Через станцию Верх-Нейвинск ходили составы, состоящие из классных и неклассных вагонов, то-

варные составы. Поезда останавливались на станции два раза и стояли 8-10 минут. С 1907 года к приходу поезда на перрон выдвигался чин 13 Земского полицейского участка, наблюдавший за правопорядком, при этом он делал запись в особой книге.

Товарищ Андрей

По воспоминаниям жителей, полицейский обычно обедал в буфете, а затем на тарантасе возвращался в поселок. В 1905-1907 годах на станцию Верх-Нейвинск неоднократно приезжал «товарищ Андрей» — подпольная кличка Я.М. Свердлова, который жил в поселке Верх-Нейвинский достаточно долго, участвовал в сходках революционно настроенных рабочих завода и станции.

От станции Верх-Нейвинск до пос. Верх-Нейвинский ездили тарантасы, возившие пассажиров, проезд стоил от 10 до 20 копеек в зависимости от расстояния. Сохранились фотографии деревянного Верх-Нейвинского вокзала, снятые в конце XIX века и в 50-60-е годы XX. Сам вокзал не дожил до своего векового юбилея два года — в 1976 году он был снесен, а на станции построено современное здание. От старого вокзала осталась только водонапорная башня.

Подарок Александру II

Одно важное событие позволяет нам спустя 140 лет представить и воочию увидеть станцию Верх-Нейвинск в момент ее пуска. В 1878 году в одном из первых рейсов по УГЖД от Перми до Екатеринбурга в вагоне отправились фотографии мастерской Его Им-

ператорского Величества. За время поездки они сделали около 180 снимков на всем протяжении магистрали. Снимали станции, перегоны, подьёмы, мосты, выемки. Снимали и населённые пункты, через которые проходила дорога, эти снимки вошли в красочный альбом «Альбом видов Уральской горнозаводской железной дороги». Данное издание легло на стол императора Александра II и значится в императорской библиотеке.

Станционный телеграфист

Уже в 1878 году был утвержден штат станции Верх-Нейвинск: начальник станции, три рядовых стрелочника, линейный сторож и два стражника. Чины железнодорожной администрации имели установленную форму и соответствующие кокарды, поясные пряжки и должностные бляхи. В конце XIX века в штате станции Верх-Нейвинск появилась должность телеграфиста, на станции ему было выделено помещение, в нем был установлен телеграфный аппарат Бодо. Долгое время телеграфистом на станции служил Кречетов Сергей Ильич. Он жил в поселке Верх-Нейвинский в выделенной ему квартире. Телеграфист имел специальную форму, носил ремень с оригинальной бляхой. Именно от станционного телеграфиста в 1917 году поселок узнал о событиях в столице. Станция Верх-Нейвинск продолжает принимать поезда и сегодня... **УС**

▼ Альбом видов УГЖД. Подарок Императору

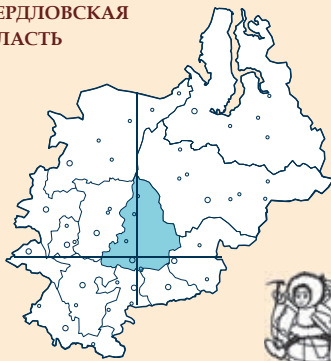

Ирбитская загадка

Находки Татарского кургана

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Богата историческими загадками ирбитская земля.

Ярмарка Ирбита была одной из крупнейших

в России с середины 17-го века. Наиболее известной

археологической находкой этой земли является бронзовая

фигурка бегущего лося, найденная на Ирбитском

городище — древнейшем меновом торге Евразии.

Михаил Смердов

Учредитель и директор ЧУКТ «Ирбитский музей народного быта», член Русского географического общества, учредитель Ассоциации ремесленников Урала.

Бляшке больше полутора тысяч лет, она изображает, казалось бы, обычное скачущее животное (оленья или лося). Но есть много загадочного в самом изображении. Древние степняки чаще всего изображали образ бегущего оленя. ...Мастер-литейщик, живущий в лесной глуши, переосмыслил по-своему этот степной образ и изобразил не скачущего оленя, а таежного лося с его характерным грузным телом, лопаткообразным рогом и серьгой. А ноги лося соединены в виде идущей под брюхом полосы. Именно так воспринял мастер обычный для степных изображений прием передачи ног. Сбоку на лосе изображены две овальные, сердцевидной формы личины с глазами, выполненные точно в та-

кой же манере, что и изображение на Томской скале-писанице. Причем, несмотря на их миниатюрные размеры, они передают все особенности техники нанесения рисунка по камню: двойные линии, обрисовывающие овал лица, обозначают края выбитого пространства. Очевидно, эти личины были заимствованы с сюжетов писаниц мастером, которому они были близки и понятны по содержанию. Фигура эта датируется серединой I тысячелетия до н.э. (Окладников, Мартынов).

Иногда телята крупного рогатого скота рождаются не с четырьмя конечностями, а с пятью. В таком случае лишняя конечность ампутируется. Еще в относительно недавнее время,

◀ Старые подъездные пути к кургану. Фото Евгения Рулева

когда легом колхозные стада крупного рогатого скота паслись на пастбищах, можно было изредка увидеть таких теллят с культей от отрубленной лишней ноги. И культя отрубленной задней конечности выглядит именно так, как на бронзовой фигурке лося, найденной на Ирбитском городище.

Но лось никогда не был домашним животным, хотя легко приручается. Таким образом, такая ампутация лишней конечности исключается. Однако если обратиться к финно-угорской мифологии, то в ней есть сюжет об ампутации лишних конечностей у лося. Известный российский историк В. Петрухин в своей монографии «Мифы финно-угров» пишет: Небесное происхождение (наряду с медведем) приписывается в финно-угорской мифологии также лосю: некогда он имел шесть ног и мчался по небу так быстро, что никто не мог догнать его. Тог-

да на охоту отправился некий сын бога или человек Мось — первопредок обских угров — на лыжах из священного дерева. Охотнику удалось согнать лося с неба на землю и отрубить ему лишние две ноги, но следы небесной охоты навсегда запечатлелись на небе: Млечный путь — это лыжня охотника, Плеяды — женщины из его дома, Большая Медведица — сам лось. Небесный же охотник с тех пор поселился на земле, где было изобилие дичи. При этом лося

он заклял, чтобы зверь уставал и позволял обычному охотнику догнать себя хотя бы на второй день.

Отметим, что мастер, отливший бронзового лося, был угром, то есть должен был знать миф о происхождении охоты. При этом, согласно другому изложению этого мифа, в первой охоте участвовали два человека — охотника сопровождал его тесть, — с чем, возможно, связано то, что на лосе изображены две личины. Но должны же быть и другие свидетельства, указывающие, хотя бы косвенно, на Ирбитское городище как место, связанное с охотой, дикими животными и охотничьими трофеями.

В дореволюционное время на Татарском кургане (Ирбитском городище) стояла часовня, посвященная свя-

▲ Татарский курган (Ирбитское городище). Окраина Ирбита. Фото Евгения Рулева

◀ Вид на Общественный сад, Татарский курган и часовню. Открытка начала XX века

▼ Ирбит купеческий. Здание Ирбитского госмузея изобразительных искусств

▼ Дворовые постройки. Музей народного быта

▼ Окрестности Ирбита. Фото М. Константиновой

▼ Бронзовый лось. Находка из Ирбитского городища.

религиозный мыслитель Николай Федоров писал, что «мифология не басня, а истина, действительность». Для ирбитчан миф о зарождении охоты как искусного мастерства и промысла на этом месте — истина, следование которой вело к процветанию этой земли. **УС**

▶ Птицевидный идол. Юдинская культура. Экспонат Ирбитского музея народного быта

тому Власию Севастийскому — покровителю домашних и диких животных. Причем на весь Ирбитский уезд было всего две Власиевских часовни, и одна из них «случайно» стояла там, где будет найдена бронзовая фигурка лося.

И последнее, Ирбитское городище было местом древнего менового торго Евразии. Очевидно, что видное место на древнем торгове занимала пушнина — основное богатство легендарной Биармии (Перми) и Югры. Ирбитская земля признается также и колыбелью мансийского этноса (Викторова). Таким образом, всё сводится к общему знаменателю — охоте. Конечно, это только гипотеза. Но она дает Ирбиту серьезное конкурентное преимущество. Русский

▶ Ирбит с высоты птичьего полета. Фото Евгения Рулева

Финка-Т: инкарнация НР-40

Нож хозбыт с военным духом

Тема культового ножа НР-40 играет в нашей стране важную роль в сознании лиц, увлеченных ножами.

Каких только изделий на эту тему не было, практически все производители так или иначе имеют в своей линейке то или иное приближение к этой теме.

НОКС (НОжи Конструкции Скрылева) и непосредственно дизайнеру Александру Бирюкову в Финке-Т удалось грамотно обыграть тему НР-40, добавив в нее изрядно от другого культового военного ножа — Финки НКВД — и замешав полученное на стиле «техно». Получился осовремененный сплав всего самого лучшего и легендарного, что есть в отечественных военных ножах, который фактически ныне является самым что ни на есть воплощением национального русского ножа. Стремительные выверенные линии и присутствие всех канонических элементов, эксплуатационная прочность, стойкость и надежность.

За дизайн «пятерка»

Финка-Т имеет сертификат хозбыт ножа, при этом удалось сохранить тот самый настоящий дух военного ножа 1930–40-х годов, еще и до-

бавив рабочих свойств и прочностных характеристик. Еще бы, теперь клинок из тоненького 2.6 мм стал полноценным 3.5 мм, а монтаж рукоятки фуллтанг значительно увеличил прочность ножа на излом, попутно оставив возможность для легкой кастомизации и ремонта ножа, путем простой замены накладок (что делается в полевых условиях значительно проще, нежели самостоятельно производить всадной монтаж рукоятки).

Нож сделан интересно, харизматично, имеет ярко выраженный стиль «техно», грамотно совмещая в себе черты обоих легендарных предков, с сохранением духа хищного военного 100% отечественного ножа. За дизайн твердая «пятерка». Нож плоский и компактный, что значительно добавляет очков к удобству его ношения и к мотивации на покупку.

Михаил Колотов

Турист, охотник, стрелок-спортсмен. Родился и проживает в Екатеринбурге. Умеет метко стрелять, быстро ездить и разрабатывать эффективные стратегии. В первый поход отправился в 7 лет. Сплавы по рекам Урала начал с 1990 года. Предпочитает велосипед автомобилю и вообще за здоровый образ жизни. Считает Урал опорным краем державы.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

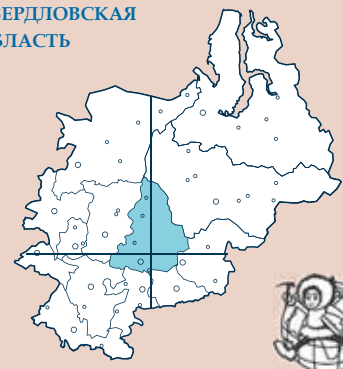

Фото автора

В итоге получился более военный, нежели «сугубо гражданский» нож, хотя, естественно, это разделение более чем условно. Его ниша в современных условиях — это повседневный нож для военнослужащего/бойца ЧВК/ополчения/сверхсрочника в армии, хотя в общем нет никаких противопоказаний использовать его в качестве охотничьего, полевого, туристического или городского ножа. Абсолютно универсальный нож. Он отличается высокой прочностью конструкции и подчеркнуто бюджетной ценой на фоне всех остальных НР-оидов как отечественного, так и импортного производства и является, пожалуй, самым лучшим из них по критерию стоимость/эффективность. АУС8 не будет сильно корродировать (чем страдают оригинальные НР-40, которые изготавливались из стали У7), а рукоятка, в отличие от деревянной, не рассыпается и не ломается, даже если нож переедет БТР.

Тактико-технические характеристики

Тактико-технические характеристики ножа Финка-Т: длина клинка 148 мм, толщина клинка 3,5 мм, сталь AUS8, общая длина ножа 272 мм, материал накладок рукоятки — G10, крепление на три сквозных винта. Сборка на «отлично», заточка заводская годная. Ножны — кордура. Острие не по центру симметрии клинка (как у НР-40), а немного оттянуто вверх.

Баланс ножа — в рукоятку, точка балансировки — в 10 мм от оси первого винта в сторону рукоятки. Сведение в 0,7 мм, что для его ниши представляется абсолютно оптимальным решением. Кому надо — переточит.

Как показал опыт использования ножа НР-40 в гражданской жизни, этим ножом можно успешно делать абсолютно любую работу: от резки продуктов,

разделки дичи до хозяйственных работ по лагерю и дому. Плюс в Финке-Т потенциал использования простирается еще шире, так как 3,5 мм и фуллтанг уже позволяют восво использовать такие функции, как батонинг и силовые работы. Глок, конечно, пошел еще дальше и при скопированном с того же НР-40 клинке довел его толщину до 5 мм, но получился по сути полупломик вместо ножа.

Фуллтанговый монтаж рукоятки добавил ему веса против оригинала (весит он около 178 г), но увеличение массы в данном случае не критично, зато фуллтанг придает дополнительную прочность данному ножу. Пожалуй, это один из немногих случаев, когда фуллтанг даже без дополнительных выборок металла в рукоятке полностью оправдывает себя (хотя и не помешало бы их сделать).

Верхний ус гарды с полукруглой выемкой (сделана для охвата материала ножен при существующем наклонном дизайне гарды) может быть использован как открывашка для бутылок (но не банок). Также за него цепляется темляк, расширяя удобство эксплуатации ножа.

Темляк же на такого типа ножах, на мой взгляд, весьма желателен, так как обращению с ножом он не мешает, добавленная масса мизерна, момент инерции ножа не меняется, стоимость — копейки, а польза в дополнительном удобстве удержания ножа присутствует.

Рукоятка хороша и удобна, хотя найдутся обладатели больших ладоней, кто сочтет ее несколько короткой и тонкой. Но это было сознательное решение дизайнера для визуального увеличения длины клинка при заданной общей длине — клинок имеет почти каноническую длину 148,9 мм, практически как у НР-40 (152 мм). Профиль

накладок хорош. Хват с использованием чоила устраняет любые проблемы с длиной рукоятки при резе. В таком положении ножом резать удобно. Рыбу тоннами и картошку мешками этим ножом не чистил. Но бытовое количество данных продуктов, включая все овощи средней полосы России, разделяется без малейших проблем.

Верхний выступ гарды слегка мешает силовому резу, когда надо упираться большим пальцем. Но можно разместить палец впереди гарды, обводы гарды это позволяют. Вопрос наличия верхнего уса гарды носит дискуссионный характер. С одной стороны, несомненно, что, убрав его, ножом станет удобнее работать по хозяйству. С другой, это получится уже какой-то другой нож, начисто лишенный военной харизмы НР-40 и Финки НКВД. Верхнего уса гарды нет на ближайшем родственнике данного ножа — Вятиче-Т, так что те, кому он сильно мешает, могут выбрать именно Вятич-Т.

При доставании из ножен происходил несколько раз зацеп гарды о кнопку-застежку. При вкладывании в ножны верхняя часть гарды периодически цепляет хлястик застежки, не позволяя штатно вложить нож в ножны, — приходится задействовать вторую руку. А ведь техническое решение по устранению этих двух проблем элементарное — достаточно пропустить охватывающую нож застежку не поверх, а между ремней петли ножен и сделать два стежка с каждой стороны петли вместо одного — ремень застежки будет как бы обнимать ремную петлю, и она своей упругостью будет разводиться ремешки кнопочной застежки, и они не будут попадаться под гарду. По счастью, эту доработку легко сделать самостоятельно.

Развитый чоил поначалу мне казался спорным элементом, но по проше-

ствии времени использования данного ножа стало понятно, что, наоборот, он очень удобен в использовании и реализован на твердую пятерку.

Отдельно хочется отметить ножны. Ножны впервые (!) на ножах от НОКС стали реально функциональными,

а не транспортировочными и могут быть использованы именно как ножны по прямому назначению. Сделаны они из материала типа кордура и тонкого пластика. Дешево, удобно и практично. И легко! Не намокают, позволяют большое количество вариантов ношения. Как ни странно — для НОКС это большое достижение, и начинание не может не радовать! Сзади даже появилось крепление под молле (или брючный ремень)! Нижнее полукольцо функционально и за него удобно привязывать нож в некоторых способах ношения (например, за отворотом жилета, когда нижнее кольцо выполняет функцию стопора, не позволяя ножнам выпадать).

Слива воды в ножнах нет, если ножны забьются грязью и жиром, будет то скливо это оттуда вымывать, так что отверстие для стока бы не помешало. Организовать это несложно.

Ножны долговечные и износостойкость на уровне — я в ходе освоения ножа раз уже более 1000 сделал доставание-вкладывание клинка в ножны — видимых изменений нет никаких. Помещение клинка в ножны легкое и надежное. Звук болтания клинка о стенки ножен теоретически есть, но очень слабый, реально об этом говорить бессмысленно.

Съемная ременная размыкаемая петля на ножнах весьма свежее и хорошее решение. Такой размыкаемый вариант позволяет носить нож, например, за отворотом жилета или даже поперек туловища под магазинами, при этом петля закреплена на поясе и нож в любое время, если это необходимо, можно перевесить с жилета на пояс и обратно. Или, имея две такие петли, оперативно менять место его размещения (Фастекс стандартный 30 мм). Нож имеет длинный подвес, что удобно, когда на носителе надет широкий варбелт.

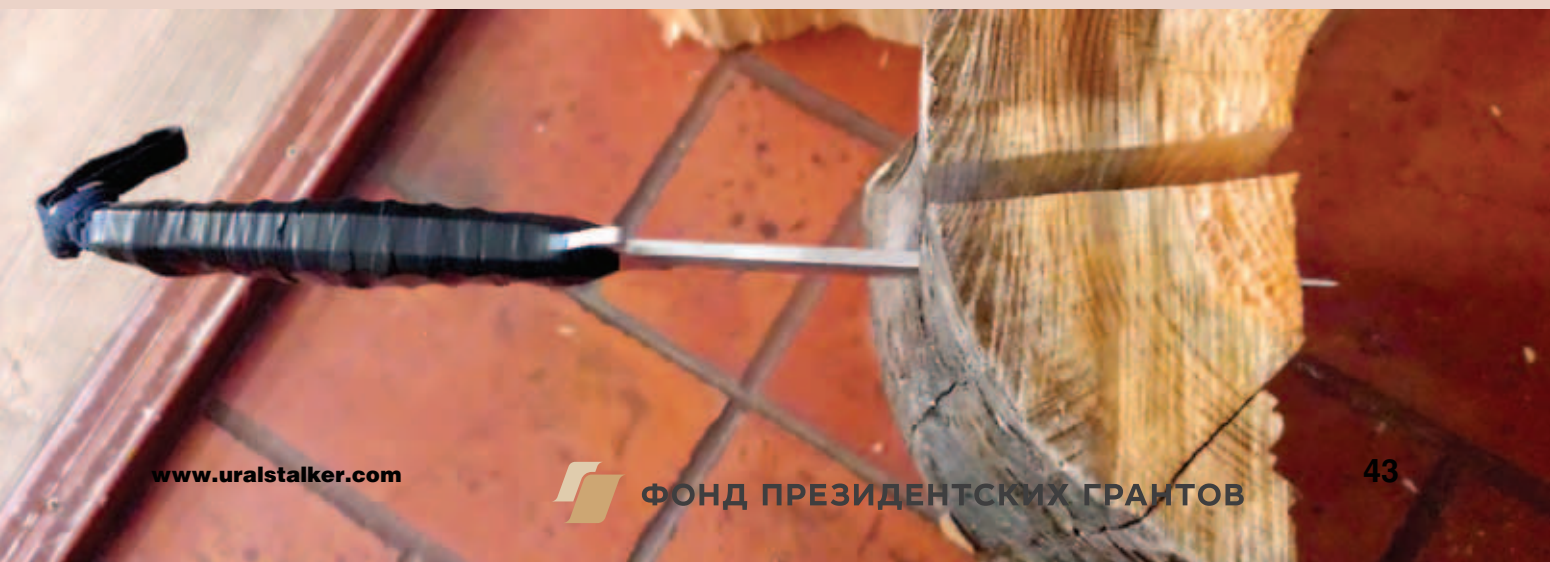
Удобство в ношении

Фишка ножа в том — что он плоский и компактный по ширине, что,

собственно, было важным моментом при отработке оригинала, но тут создатели пошли еще дальше по части компактности, уменьшив еще и рукоятку. Это сильно добавляет Финке-Г очков в удобстве ношения, так как нож часто носят, но не постоянно используют. Здесь же получается, что и ножны компактны тоже, и, в целом, мы имеем абсолютно другой типоразмер, нежели, скажем, у отечественного боевого ножа 6Х9-1 (700 г вместе с ножнами при изрядной толщине и ширине всего комплекта!) или американского Ка-Вар — смотрите сами на фото — две совершенно противоположные концепции армейского ножа.

Почему я такой акцент делаю на компактности ножа? Потому что компактный легкий нож носить удобнее. А ношение — это вот самое главное в армейском (и не только) ноже вообще. Потому что снаряги много, нож — предмет не то что не первой, даже не десятой необходимости. По большому счету подойдет абсолютно любой нож, но лучше на эту роль — военного или походного ножа — подойдет тот, который максимально удобно носить, так, что он не мешает на снаряжении и его можно носить массой разных способов. Еще из пожеланий: чтобы производитель озадачился сделать к этому ножу пластиковые ножны по типу, как у ножей Глок, которые бы помещались в одну стандартную ячейку молле.

В итоге Финка-Г — один из самых лучших и продуманных нерубящих ножей от НОКС с фиксированным клинком. Неожиданно, но так и есть. Недорогой, коррозионно стойкий, прочный для силовых применений и батонинга, компактный и удобный в носке, с оптимальными массогабаритными характеристиками для постоянного ношения. Материал рукоятки прочен и не впитывает влагу, при этом нож ремонтпригоден (сломавшие рукоятку ножа Глок меня поймут). И в довершение всего — сертифицирован как хозяйбт. **УС**

Народо-Итгинский

Новое о Приполярном Урале

Евгений Тампон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

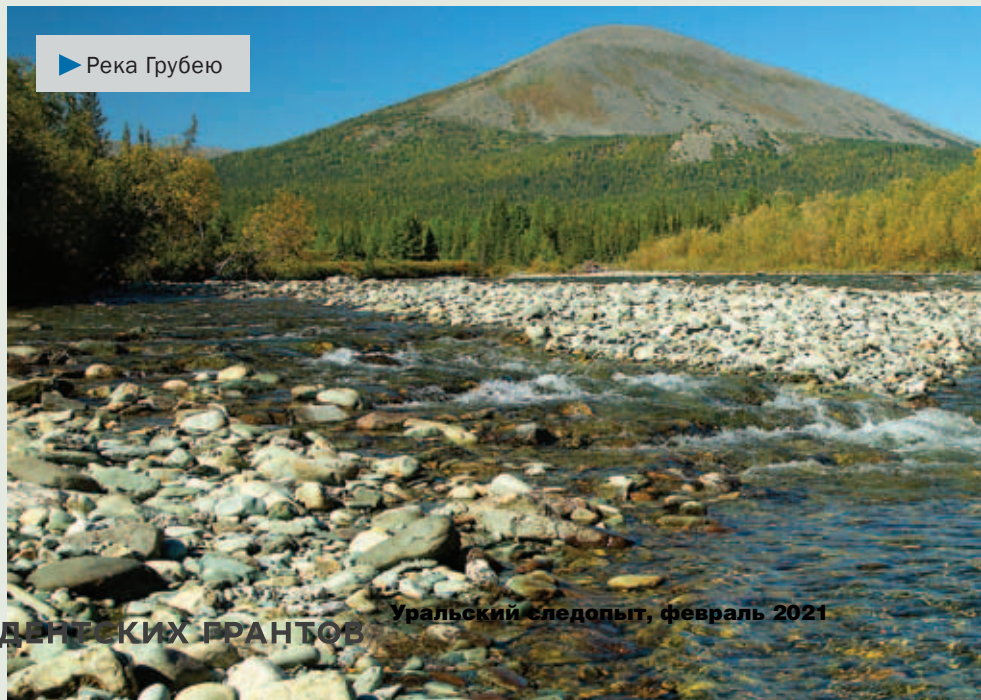
В 2020 году состоялась экспедиция Русского географического общества на Приполярный Урал. Этот край издавна привлекает исследователей и путешественников своей первозданной красотой. Именно здесь находится самый высокий горный массив Уральских гор — гора Народная, растиражированная во многих изданиях о природе и путешествиях — гора Манарага (Медвежья лапа).

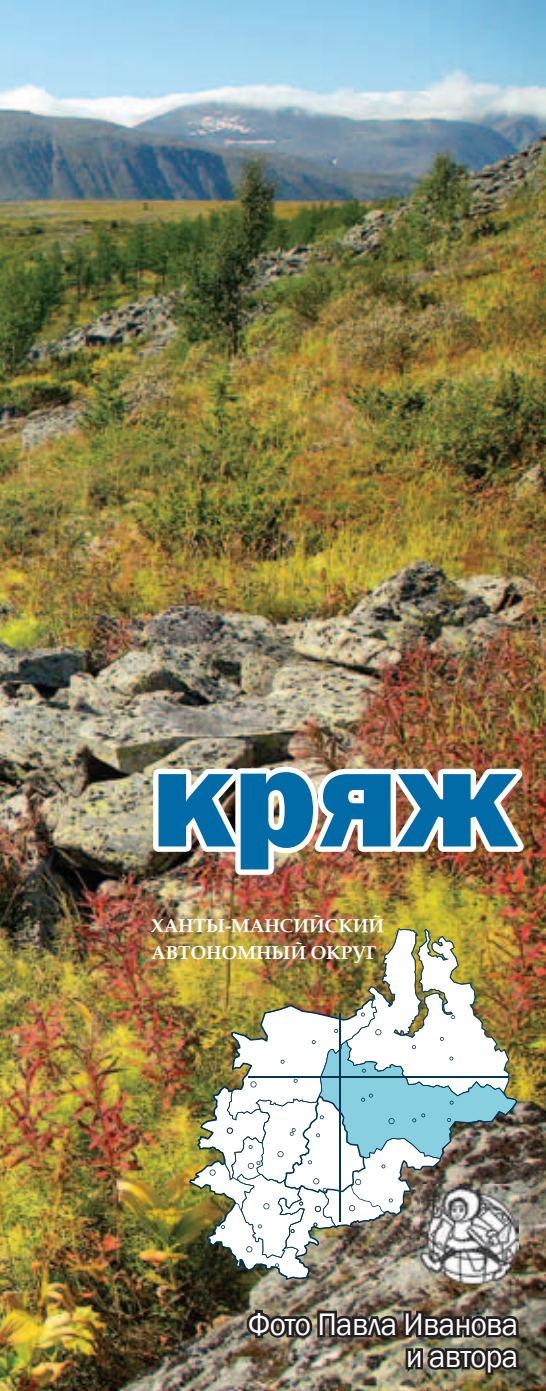
Здесь текут чистые реки, стоят девственные леса, в горах есть уникальные месторождения горного хрусталя, есть и золото.

Но целью экспедиции были не эти известные многим красоты Приполярного Урала, цель лежала несколько севернее мощного горного узла с горой Народной — экспедиция отправилась на Народо-Итгинский кряж, расположенный выше 65 градуса северной широты и протянувшийся на 130 километров в сторону Ледовитого океана.

Исследовательские и туристические тропы практически миновали этот поистине уникальный уголок Приполярного Урала. На то были свои основания. Проведенная в 1960-х годах геологическая съемка местности не выявила здесь промышленных запасов полез-

▶ Река Грубею

КРЯЖ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

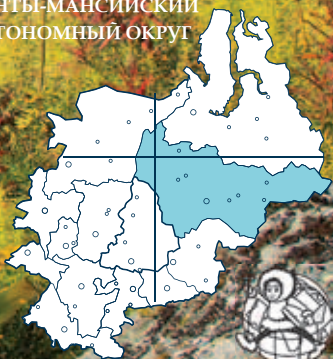

Фото Павла Иванова
и автора

▶ Горные озера

ных ископаемых, туристы предпочитали ходить южнее, где горы повыше и много «раскрученных» природных достопримечательностей, охотники и рыбаки тоже эти места не жаловали. Рыбы в небольших горных реках относительно немного, бордовая дичь и водоплавающие птицы, конечно, есть, но для охоты на них нет необходимости забираться в столь труднодоступные места. Только медведь и лось — настоящие хозяева здешних мест.

Так и получилось, что в начале XXI века на Урале остается одно из немногих белых пятен — Народно-Итынский край, о котором мало кто слышал, а еще меньше людей там бывало.

◀ Народно-Итынский край,
зона альпийских лугов

▼ Центральная (водораздельная)
часть края

Нетронутый цивилизацией уголок Урала

Именно труднодоступность горного массива и отсутствие сведений о нем подвигли организовать туда экспедицию. Одной из ее целей было описание территории как эталона нетронутой цивилизацией уголка Урала. Выявление таких территорий очень важно, поскольку позволяет вести оценку воздействия человека на окружающую природу, сравнивая задействованные в хозяйственном плане территории с природными комплексами, развивавшимися без участия людей.

Для исследований был выбран участок восточного склона Народно-Итынского края, расположенный в его центральной части, в районе истоков рек Тыкатлова, Грубею и Хоймадю. Было решено, что именно этот участок представляет наибольший интерес для исследовательской работы, поскольку здесь, на сравнительно небольшой территории порядка 350 квадратных километров, при-

← Место работы экспедиции

существуют все наиболее характерные уральские ландшафты, свойственные этим широтам. Это и пойменная северная тайга, лиственные редколесья, альпийские луга, горная тундра, гольцовые пустоши, горные озера, небольшие ледники и арктическая пустыня. И все это практически в одном месте. Чтобы полюбоваться всеми ландшафтами, местами нужно пройти по маршруту длиной всего 10–12 километров.

В качестве основного участка для высадки экспедиции была выбрана пойма реки Грубею, где были оборудованы два базовых лагеря. В верхнем лагере расположились члены экспедиции, имеющие альпинистские навыки. В их задачи входило исследование высокогорной водораздельной части кря-

жа. Им же было поручено подняться на несколько самых высоких безымянных вершин и провести высотные измерения. По задумке организаторов экспедиции, этим вершинам в дальнейшем будут присвоены имена: вершина Юбилейная (в честь 175-летия Русского географического общества), пик Екатеринбург, пик ДОСААФ России и пик П.П. Бажова. Нижний лагерь стал базой для исследовательской группы, в задачи которой входило изучение ландшафтов восточного склона кряжа с высотами от 150 до 850 метров над уровнем моря. А также изучение основных рек территории и подводные исследования нескольких озер.

«Сюрпризы» от дикого края

Что удалось экспедиции за те 12 дней августа, что прошли на Приполярном Урале? Сделано многое. Альпинисты отработали свою высокогорную программу, и, возможно, скоро на карте появятся названия новых вершин и пиков. Исследовательская группа в ходе длительных маршрутов прошла все основные ландшафты этой территории. Составлен подробный отчет, сняты фото- и видеоматериалы. Члены экспедиции — все люди бывалые, но и для них абсолютно дикий край принёс массу сюрпризов. Сначала удивила река Грубею. Вдоль всего ее русла, начиная от истоков и кончая местом впадения в реку Тыкатлова, не удалось обнаружить ни одного притока, кото-

← «Голова идола» — знак Народо-Итъянского кряжа. Массив алеврита с прожилками кварца, напоминающий голову человека. Найден на берегу р. Грубею

рый бы классически в нее впадал, хотя на карте таковые обозначены и у одного из них даже есть название — Варгашор. Далее выяснилось, что притоки у реки есть и их очень много, но задолго до устья они уходят в мощные речные наносы, состоящие из крупного галечника, перемешанного с песчаными отложениями. В результате, Грубею питается тысячами мелких ручейков, незаметно струящихся из-под обрывистых берегов. Но стоит уйти от Грубею к верховьям ее притоков, как перед изумленным взором предстают многочисленные бурные ручьи и речки с порогами и высокими водопадами. Удивило и многообразие горных пород на сравнительно небольшой территории. Начиная от молочно-белых кварцев, выхо-

дящих на поверхность мощными жилами и кончая цветными яшмами и яшмоидами, разноцветными алевритами. Удалось даже найти образец редкой горной породы — периливта, о наличии которого в этих местах не пишет ни один справочник.

Искали участники экспедиции и следы древних цивилизаций. Места эти во времена неолитического максимума были заселены, и в одном из маршрутов удалось выйти на плато, на котором были найдены несколько археологических памятников. Плато располагается у одиноко стоящей невысокой горы, напоминающей по форме правильную четырехгранную пирамиду. Подобные формы рельефа хорошо известны геоморфологам, они име-

ют ледниковое происхождение и называются карлингами. На плато у подножия «пирамиды» был обнаружен менгир (охранный камень), обработанная небольшая плита, подобные плиты известны как переносные жертвенники, а также несколько спорных объектов, которые можно было бы, при подробном изучении, отнести к ритуальной площадке и захоронению. На берегу Грубею в ходе обследования прибрежных галечников был найден также предмет, являющийся фрагментом каменного грузила времени неолита.

«Изюминкой» экспедиции стали подводные погружения в несколько горных озер. Без сомнения, это были первые погружения в горные озера Приполярного Урала. В ходе погружений выяснилось большое разнообразие строения озер, оценено качество воды и описан состав животного и растительного мира.

Одинаковых озер здесь практически не оказалось. Водоёмы, находящиеся далеко от основных рек Грубею

и Тыкатлова, не отличаются глубиной, берега их местами заболочены, вода почти не прозрачна, а животный мир крайне скуден. Озера же, находящиеся поблизости от рек, соединены с ними протоками и полны жизни. Здесь нерестится сибирский хариус, много беспозвоночных и водной растительности. Вода в этих озерах чиста, а глубины довольно велики, достигая 20 и более метров при очень небольшом размере самих озер.

Исследования Народо-Итьинского кряжа 2020 года завершились 28 августа, но это только начало. Район действительно уникален и представляет огромный интерес для исследователей. Тайная надежда участников экспедиции, что этот участок Народо-Итьинского кряжа получит статус особо охраняемой природной территории, а еще лучше — внести его в Список природного наследия ЮНЕСКО, и тогда появится реальный шанс сохранить эту жемчужину Приполярного Урала для будущих поколений. **УГ**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Февраль 2021

Аэлита

50

Законы Вселенной

АНЖЕЛИКА ФОРС
Авроры

50

52

Законы Вселенной

ГЕОРГИЙ МИХАЛЕВСКИЙ
Береги их тут...

52

69

Координаты чудес

ИРИНА ДОМНИНА
Вуко

69

75

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДР АТАЯНЦ
Время от ума

75

80

Повод для улыбки

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВА
Жизнь и смерть
Валентина Овсянкина

80

Авроры

Анжелика Форс (псевдоним)

22 года. Проживает в Беларуси, г. Гродно, учится в Гродненском государственном медицинском университете. Активный участник литературных конкурсов. Лауреат международного молодёжного конкурса «Горизонт — 2100». Начала писать рассказы в школьном возрасте, вскоре обнаружила в себе тягу к описанию фантастических, выдуманных событий. Главное правило творчества — правдивое описание внутренней психологии и взаимодействия героев. А фон из необычных событий оттеняет предвечные жизненные проблемы как нельзя лучше.

Над горизонтом Марса сияют авроры. Они не гаснут никогда. Лишь изредка скрываются за облаками, столь же необычными для Марса, как и дожди.

Авроры становятся особенно яркими к вечеру, когда Солнце уходит за горизонт. Розоватый углекислый воздух слегка дрожит, и разнообразные цвета над головой перетекают друг в друга, как разводы на боках мыльного пузыря, который вот-вот лопнет.

Эта аллегория немного пугает любого, кому приходит на ум. Ведь от источника аврор зависит жизнь колонии. Без генератора магнитосферы, висящего между Солнцем и Марсом и отражающего солнечный ветер, атмосферу опять разорвёт и унесёт прочь, а вода на Марсе снова замёрзнет. Радиацией выжжет всё, что не сумеют эвакуировать. Пылевые бури восстановят природный марсианский пейзаж. И на этом колонизация закончится. Хорошо, если не навсегда.

Однако каждое утро в конце прогноза погоды по радио Новых Помпей неизменно сообщают: «Позиция магнитного щита стабильна, к вечеру над горизонтом ожидаются синие авроры. Удачного дня!». После чего на волнах передают очередную прилипчивую мелодию, присланную с Земли. Под задорные аккорды колонисты завершают завтрак, проверяют запас картриджей в личных системах для дыхания и выходят на изрезанную реками поверхность по назначенным делам. А забот здесь немало. Строительство, хозяйство, промышленность, досуг... им предстоит промчаться экстерном по пути, который Земля прошла за долгие сотни лет. Только тогда Марс сможет считаться вторым домом для землян. Лабораторией, дачей, убежищем, а может, даже курортом.

Все пути открыты.

Но, так или иначе, ни для кого нет сомнений: первое поселение на Марсе, основанное двумя годами ранее, в 2100-м, растёт буквально на глазах. Сейчас оно тянется на полмили, вплоть до подножия Олимпа, величествен-

но громадного и давным-давно погасшего. Новым Помпеям вряд ли грозит судьба тѣзких.

Но взор наблюдателя редко останавливается на огромной, как великанская тарелка, вершине вулкана. Ведь в звѣздном небе над Олимпом сияет Земля. И каждому из колонистов хоть раз, да приходит на ум: не так ли видели их дом олимпийские боги — или любые из существующих? Яркой звездой, синевато-жѣлтой на невооружѣнный взгляд, плывущей по небосводу в сопровождении двух марсианских лун?

Такая маленькая! Такая далѣкая! Такая родная...

Да, простому человеку, не богу, отсюда ничего не разобрать. Но поселенцы точно знают: где-то там, далеко-далеко отсюда, мировые державы, сцепив зубы, отодвигают собственный эгоизм на задний план, едва дело доходит до обеспечения жизни Новых Помпей.

Да, они так в этом преуспели, что произошло немѣлимое событие: Часы Судного Дня разом отступили на восемнадцать минут назад.

Марс не остался в долгу. Спустя неделю, что весьма быстро для перегруженных заботами «марсиан», секретарю ООН на электронную почту прислали снимок со спутника. Тускло-рыжая железистая почва, исчерченная длинными тенями камней, на каждом из которых — по колонисту. Круг и линии изображают часы со стрелками ровно на 11:40. Руки людей вскинута к небу, ладони раскрыты. «Привет! И спасибо вам!».

И ни один из миллиардов землян, увидевших снимок во всех возможных СМИ, не выказал сомнения: каждое из лиц, скрытых за дыхательными масками, счастливо улыбается. Эти часы... Бестолково, дурашливо, но как вдохновляет! Истинно в духе человечества.

Да, и на Марсе можно взглянуть не только на это.

Как насчѣт отдельной жизни?

Доктор Амелия села на корточках и прицелилась фотоаппаратом в рядок зеленѣх ростков, на два пальца

показавшихся из толщи вод неторопливого ручья. Их ограждал заборчик лихого вида, собранный из упаковки одного из марсоходов. На ближайшем штырьке бешено трепетала красно-белая ленточка.

«Не наступать. Не лезть в эксперимент. Не трогать. И вообще, ты что тут забыл, работы мало?!».

Это, конечно же, не первый рис на Марсе, но, видимо, ближайший из съедобных, выросших в открытом грунте. Скоро подтянется, расцветѣт, завяжет зѣрна — и после исследований на вредные примеси станет ясно, сколько акров земли отвести под первый серьезный урожай.

Сделав все необходимые снимки, доктор Амелия убрала фотокамеру, погладила побег кончиком пальца и встала. Огляделась. Потѣрла пальцы: еѣ перчатки испачкала влажная рыжеватая пыль. Защитить посадки от колонистов — ерунда, все все понимают. А вот от пыли и бурь да в открытом грунте — задачка не из простых...

Протирать ростки или оставить как есть?

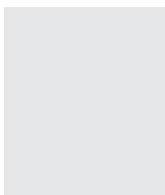
Пока их десять, это не проблема, но вот потом, тысяча пять... Еѣ же и назначат на водные процедуры. Нет уж, пускай обходятся поливом. Пыль — не беда.

Что ж. Доктор Амелия отѣрла лоб, вытянулась и улыбнулась, глядя вдаль, на переливы аврор. Рис — это только начало. А там ещѣ год-другой опытов по очистке почвы от тяжелых металлов — и роза из еѣ комнаты, привезѣнная на Марс из сада бабушки, перекочет в клумбу перед окном. Подрастѣт, вытянется, окрепнет, напитается светом Солнца и углекислым газом. А затем гордо вспыхнет карминово-красным — ярче блеска аврор и живее огня, который не загорится, пока в юной атмосфере не накопится достаточно кислорода.

И тогда каждый поселенец непременно придѣт, чтобы мысленно вознести хвалу первому марсианскому племени. Первому и негасимому.

Во имя жизни и процветания Новых Помпей. **У**

Береги их тут...

Георгий Михалевский

Родился в солнечной Киргизии погожим майским днём 1980 года. Первое, что увидел в окно роддома, — пики Тянь-Шаня. С тех пор беззаветно любит снежные вершины и синее небо. По окончании вуза по специальности «Биотехнология» работал координатором экологического объединения «Алейне». Имеет ряд публикаций популярного характера об экологии Киргизстана. Активный защитник природы и участник движения «Зелёный город». Увлекается альпинизмом и горными лыжами. Коллекционирует народные предания и легенды, пока только в собственной голове. Проживает в г. Бишкек.

Тишина, запах сырой земли, влажные листья... Смотрю на свисающие с шестов буроватые томаты, невольно улыбаюсь. Капли воды стекают по глянцевым бокам, собираясь на рыльце. Нехотя отрываются, падают вниз искрящимися звёздочками. Не прав насчёт тишины. В оранжерее стоит чуть слышный шелест: «Шлёп-шлё, шлёп-шлё...» — листья и вода шепчутся, строят планы побега за ячеистые стены купола.

Не думал, что так соскучился по зелени.

Полёт продолжался семь месяцев — не такой большой срок, но как же надоел пластик, безвкусный воздух и высококалорийные концентраты в тубиках!

Протягиваю руку к шероховатым листьям. Почти сакральное ощущение — притронуться к первым «марсианским» растениям и ощутить пальцами заветную мечту человечества.

Листья кивают, здороваются. Роняют бусинки воды на ладони, шуточно осыпают брызгами. Тоже соскучились по людям. За растениями до нашего прибытия присматривали стерильно-белые роботы с руками-манипуляторами. Вон, стоит один такой, смотрит на меня одноглазой камерой, а сам поправляет что-то на грядках с картофелем. Выверенные движения, взвешенные добавки, точное время — ничего человеческого: ни любви, ни заботы, ни ошибок. Вся оранжерейка — как картинка, смоделированная на компьютере: строго, просто, функционально. Идеально.

Шагаю на усыпанную красным песком дорожку. Песок хрустнул, шепнул, заговорил под подошвами кроссовок, рассказывая всем: «Смотрите! Человек пришёл».

— Привет, зелёные! — Голос чужеродно звучит под кварцевым куполом, испугавшись, тает на мо-

крой ботве, прячется. Но я упрямо продолжаю: — Буду к вам заходить, проверять, как дела.

Хорошо, меня никто не слышит из персонала колонии. Подумают: свихнулся... слышу тихое пшиканье открывающейся двери и саркастический вопрос:

— Вы заблудились?

Оборачиваюсь... Не знаю его, но судя по нашивкам — геолог, точнее ареолог. Незнакомец тем временем продолжает:

— В столовую шли?

— Нет, в оранжерею.

Весёлые серые глаза оббегают мою форму, задерживаются на нашивках спасателя, серьёзнеют. Ареолог протягивает руку:

— А я вот рад видеть вас! Мы тут успели хлебнуть за первый же месяц... Я — Леонид Кузнецов из ареологического отдела. Как жаль, что ваш отряд не прибыл с нами. Мы чуть двоих не потеряли...

Жму руку в ответ:

— Алекс Щербаков. Слышал на инструктаже о...

Ареолог перебивает:

— А вот нам обещали, что с вами прилетит тот самый эксперт по выживанию, ну знаете, который вывел команду наших учёных из жуткой метели в Антарктиде. Так?

При этих словах смущённо улыбаюсь, но Леонид строчит автоматом дальше, не дав сказать:

— А вот интересно, этот эксперт настолько же хорош, как про него пишут? Вот, вы знаете, очень жаль, что вся подготовка проходила на Земле. Антарктида там, Сахара... Чушь всё это! Марс — враждебен, жесток и бездушен... Вот так. И в той же Антарктиде есть чем дышать, а тут... проткнул костюм и всё, ты — покойник.

В недавно весёлых глазах Леонида возникает пустота, голос звучит глуше. Ареолог продолжает то-

ропливо рассказывать о передрыге с первой ареологической партией. Кажется, парню нужно выговориться. Киваю в сторону коридора:

— Идём в бар, расскажешь...

Невольно вспоминаю, как препирались с начальником программы колонизации в «Спейс Роад». Я говорил: спасотряд должен быть в первом эшелоне. А нас отправили — третьим, зато дали две недели дополнительных тренировок на лунной базе «Содружество». NASA считало, спасатели — лишние рты на Марсе. И «Спейс Роад» вынужденно ввела спасотряд по категории «дополнительные сотрудники». В итоге мы прибыли на третьем транспорте третьего эшелона, самыми последними из колонизаторов.

Идём по белой дуге коридора. Тут всё ещё витает нежилой запах. Холодно поблёскивают металлические перила, лимонные деревца вдоль стен выглядят пластиковыми, ненастоящими. Коридор выводит к лифту на нижние жилые ярусы, упрятанные от солнечной радиации под землю Марса. Как странно звучит: земля Марса. Непривычно. Многое ещё непривычно.

Стеклопакетные двери бара расходятся в стороны. Тихая музыка льётся почти неслышными звуками. Киваю несколькими знакомым за крайним столиком, Леонид вдруг восклицает:

— О-па! Вот и он! — кивает в полутёмный угол бара и сообщает, понизив голос: — Смотри, там Том Энжел!

Хмурюсь при этом имени, прослеживаю взгляд Леонида... Ареолог продолжает захлёбываться:

— Легендарный эксперт по выживанию Том Энжел, собственной персоной!

Еле сдерживаюсь, чтобы не развернуться и не уйти немедленно. Желательно прямо с Мар-

са шагнуть в космос и не встречаться с Энжелом никогда больше. Ведь говорил этому проходимцу, чтоб на пути мне не попадался! Откуда он тут взялся? Замечаю логотип NASA на его рукаве. Вот оно что...

Энжел видит меня, тоже мрачнеет. Резким движением допивает содержимое бокала, встаёт, размашисто шагает ко вторым дверям. Вот и отлично, давай, проваливай.

Леонид изумляется:

— А я вот не понял... что с вами обоими?

— Нам приходилось раньше встречаться, — подхожу к бару, сажусь на высокий стул. Леонид молчит, ждёт продолжения фразы.

Нехотя добавляю:

— Не знал, что Энжела направили на Марс, — делаю запрос смарт-сьюту, получаю ответ: Энжел был в нашем эшелоне вторым транспортом, который комплектовало NASA.

Ареолог усаживается рядом, заказывает роботу-бармену «фирменный марсианский».

Исподтишка кошусь на Леонида, он широко улыбается, взбалтывает напиток, с удовольствием «выстреливает» в рот. Повторяю за ним: выстрел удался! Гранатовый сок взрывается на языке после обжигающе-холодной водки. Леонид толкает стопку к роботу:

— Ещё по одной.

Бармен вежливо изрекает:

— Не положено, сэр. Не более одной порции алкоголя в неделю. Возьмите сок.

Нас пробивает хохот. Ареолог дружески толкает меня:

— Рассказывай, что не поделили с Энжелом.

Отрицательно качаю головой. «Фирменный марсианский» поднял настроение, не хочу никаких по-

ганных воспоминаний, тем более о Томе Энжеле. Леонид с любопытством разглядывает меня, крутит стакан и выдаёт:

— Вы враги, что ли?

— Ну... не то чтобы враги... Ты об Энжеле откуда узнал?

— Его фото на обложке National Geographic было. Гид года. И вот там эта история про Антарктиду.

Молча глотаю сок, словно это виски, крепко ставлю стакан на стойку. Пытаюсь взять себя в руки, но невольно вырывается:

— Гадёньш он, а не гид года...

Леонид ухмыляется:

— Крепко Энжел тебе насолил!

— Это мягко сказано, — раздаётся позади нас.

Оглядываюсь: к стойке идёт моя Джесс. Наконец-то! Полдня ждал, когда она освободится в медблоке. Встаю навстречу, пододвинув стул. Джесс усаживается и тут же выглядывает через моё плечо, чтоб увидеть ареолога:

— Лёня, привет! Ты что — серьёзно не знаешь историю про Тома и Алекса?

Он перегибается через стойку, выглядывает из-за меня:

— Нет, не знаю. А я вот смотрю, ты Алекса знаешь. Он же только с реабилитации вышел!

Ощущаю себя столбом. Молча отодвигаю стул, сажусь так, чтоб они могли друг друга видеть без гимнастических вывертов. Киваю бармену:

— Молочный ванильный. Один.

Джесс лукаво подмигивает ареологу:

— Я не просто его знаю! Тут такое дело, Лёнь.

Он — мой муж.

Выражение лица ареолога — бесценно. Мы с Джесс еле сдерживаем смех.

— Муж?! Но... почему...

— Потому что Джесс — врач, и её отправили первым эшеленом, — наклоняюсь слегка вперёд, заслоня Леониду обзор.

Он отодвигается:

— Понял, всё понял. Ну вы это... ребят, извините, а я вот... мне же к начальству.

Суетливо встаёт, смотря на экранчик смарт-съюта. Останавливаю:

— Никуда тебе не надо. Посиди с нами.

— Нет, Ал. А я вот забыл, мне идти пора. Извините. Хорошего дня.

Смотрю, как ареолог неловко пробирается между столиками, исчезает в коридоре. Джесс тихонечко смеётся, потягивая в трубочку любимый ванильный коктейль. Она неотразима с этой трубочкой, сложенными бантиком губами и озорным взглядом. Невольно люблю её. Джесс, пододвинувшись ближе, серьёзно сообщает:

— Помнишь, я писала, у нас на базе есть смешной парень Аявот?

— Да.

— Я сначала думала, что парня так и зовут Аявот. Но оказалось — Леонид.

Секунду смотрю в её лукавые глаза, до меня медленно доходит смысл сказанного. Начинаю тихо смеяться. Джесс, наблюдая за моей реакцией, хохочет:

— Жирафик!

Смеёмся вместе. Она допивает коктейль, отодвигает стакан, сцепляет руки в замок перед собой. Хорошо знаю этот жест. Намерилась говорить о чём-то серьёзном. Начнёт издалека.

— Спасибо за коктейль, дорогой, — улыбается, смотря вполоборота. — Интересно, когда сухое молоко закончится, они из чего будут коктейли делать?

— Видел в оранжерее плантацию сои. Из неё, наверное.

Джесс задумчиво продолжает:

— С помидорами ходил разговаривать? И как они там?

— Скучали без людей.

— Медитировать пробовал?

— Ещё нет.

Жена с улыбкой кивает, отводит взгляд:

— Ал... прости, не написала, что Энжел зачислен в команду. Просто не знала, как сказать. Эх... как вы по-русски говорите? Балдай? Вот я — балдай.

— Ты чего, солнышко? — придвигаю стул ближе, беру её за руку. — За что тебя прощать? И никакая ты не балда.

— У нас проблема на борту, — она прикусывает нижнюю губу, — вы же убьёте друг друга...

Невольно распрямляюсь: «Неужели... я веду себя так?» — пытаюсь пошутить:

— Первое марсианское убийство — настоящая сенсация.

— Ал, не смешно. Давай думать, что делать. Ты до сих пор не можешь забыть... Почти год прошёл!

Отпускаю её руку:

— Предательство прощать нельзя. Никогда.

— А ты не пытался посмотреть под другим углом?

— Под каким? Он чуть не убил всех вас! Бросил умирать! Я нашёл тебя полузамёрзшую, голодную, без сознания. Ты не помнишь, как мы выкапывали вас из-под снега... не знаешь, как молились, чтоб все оказались живы... Ты не помнишь, а я не могу забыть. И простить ему — тоже.

На лице Джесс неподвижная полуулыбка. В уголках глаз поблёскивает влага, голос дрожит:

— Зачем тебе помнить зло? Я всегда прошу: ищи хорошее во всём. И если б не тот случай, мы бы не встретились.

Хочется возразить: мы бы встретились здесь, на Марсе. Она — специалист NASA, а я — из «Спейс Родд», и оба в одной программе. Но какой смысл возражать, если с ресниц жены сейчас сорвутся слёзы?

Снова беру её руку в свои:

— Прости. Я постараюсь, ради тебя. Хорошо?

— Хорошо. А ты знаешь... Никто из обеих команд не рассказал ни психологам, ни руководителям программ, как ты избил Тома Энжела. Никто. Тебя просто прикрыли. И сам Энжел на медосмотре заявил, что трещина на челюсти — это старая травма от падения.

— Трещина?

— Да. По темпам и срокам заживания совпадает с походом в Антарктиду.

Вертится на языке, что челюсть Энжела от перелома спасли перчатки. Мои перчатки. И не избивал я его! Так, двинул пару раз в морду за всё хорошее. Но молчу, не говорю ничего, а то Джесс не выдержит и разревётся. Она не выносит чужой агрессии. Помню: метнулась между мной и Энжелом, встала, закрыв собой. Дерзко так посмотрела, будто беззащитное дитя спасает.

Не выдерживаю, улыбаюсь: маленькая отважная героиня с таким горячим взглядом, что льды Антарктики растаяли вместе с моим сердцем, а кулак, летящий в нос Энжела, сам собой остановился.

— Ал, на Земле-то никто ничего не сказал, а тут уже с прибавками рассказывают.

— И? В ближайшие два года меня отсюда не депортируют. Не на чем просто.

Она всплскивает руками:

— Ты невозможен!

— Возможен. И у нас, кажется, два спасательных отряда, не имеющих единого координационного центра. И вот это — проблема.

— Нет. NASA не прислало команду, лишь одного Энжела. Он зачислен экспертом по выживанию.

— То есть будет в случае чего давать советы? Да пошёл он...

Джесс мягко касается моего колена:

— Ты — начальник спасотряда, тебе решать, кого слушать. И я предлагаю забыть об Энжеле, у нас ведь есть чем заняться?

Её глаза становятся тёмными и глубокими. С невыносимой остротой понимаю: не видел их слишком долго. Мне жизненно необходимо заполнить пустоту тех дней её дыханием, улыбкой, шёпотом... Увлекаю Джесс прочь из бара во вселенную, где нет Энжела, предателей и проблем...

* * *

За рабочей суетой не замечаю полёта ясно-оранжевых солов — марсианских дней. Ритм колонии привычен, знаком ещё с Луны, точнее — с Антарктиды. Там сначала отстроили прототип базы по проектам профессора Лихачёва. Затем на Луне испробовали искусственные гравитационные поля, привязанные к масконам. И вот теперь на Марсе под куполами маленькие кусочки дома: с почти такой же гравитацией. Жизнерадостный учёный часто твердил: люди могут колонизировать что угодно, главное — найти энтузиастов. А узнав мою команду, заявил: «Это больше, чем энтузиазм, это одержимость». Он видел, как мы работаем в ледяной Антарктиде и на безжизненной Луне. Жаль, не видит нас на Марсе.

Зато колонисты видят. Заходят на тренировки, спрашивают разности о скалолазании и специфике спасработ. Когда кто-нибудь из нас без страховки взбирается по отрицательному уклону до потолка, снизу слышны крики:

— Красиво! Bravo! — И аплодисменты.

Джесс по часу за нами наблюдает, говорит: в медицинских целях.

Все довольны — кроме нас, мы хотим прочь от тренажёра на нетронутые скалы Марса. Но комендант не даёт «добро» на полевые выходы. А мы не должны терять формы.

Из любопытных колонистов никто не рискует шагнуть на скалодром. Лишь Аявот, и он в восторге.

Карабкается ко мне, боясь посмотреть вниз, чертыхается, спрашивает, зачем он в это ввязался. И сам же смеётся. Хороший парень. Работает правильно, хотя ещё медленно. Уроки помнит. Выбирает опору для руки, тут же для ноги, проверяет... подтягивается. Двигается сонным гекконом: медленно, но цепко.

Из него выйдет отличный скалолаз. Хвалю его, подбадриваю, ареолог останавливается передохнуть:

— Слышь, Алекс, а я вот заметил, Энжел к скалодрому даже не подходит.

Пожимаю плечами. Откуда мне знать, когда и где тренируется Энжел? Но в спортотделении его не видел. Ни разу. Аявот не понимает:

— Слушай, может, он настолько крут, что ему не нужны тренировки? Я читал в той статье, он в одиночку пересёк Гренландию...

— Он всё делает в одиночку. Потому и зачислен экспертом по выживанию... самого себя. Доверили ему отряд однажды в Антарктиде... И давай не будем об этом?

Леонид упрямо наседает:

— А я вот хочу знать, что же там было?

Меня спасает срочный вызов коменданта. Слептаю со стены на страховке, Аявот — за мной. Мчимся в центр, как были в спортивках. Некогда переодеться. Леонида никто не вызывал, он хвостом влетает за мной. Тут же забываю о нём, смотря на экран.

Там со склона клубами падает ржавая масса марсианских пород. Пыль, песок, белые хлопья, то ли снег, то ли сухой лёд.

— Где это?

— Снимает поисковая партия «Скаут». И мы не решились: покинуть им район или всё безопасно, расстояние до обвала около пятисот метров.

— Это не обвал, это сель, — голос Энжела самоуверен, холоден, — и сель просто так не остановится.

Искоса бросаю на него взгляд. Том явился раньше и сидит с усмешкой, рассматривает наши взмыленные лица. Перевожу взгляд на коменданта:

— Энжел прав. Это сель. Партии лучше убраться оттуда. Немедленно!

Выживальщик удовлетворённо хмыкает, Леонид восклицает:

— Смотрите, начались подвижки породы вдоль основного жёлоба. Видите синие глины? Сейчас весь склон по ним скользнёт вниз!

Комендант отдаёт распоряжения, операторы созваниваются со «Скаутом», наблюдатели что-то вносят в компьютеры... Как же они медленно двигаются!

— Мы выезжаем на место!

Разворачиваюсь к двери и слышу энжеловское:

— Напрасно. Вы там никому не нужны...

Через пятнадцать минут наш вездеход у кромки каньона. Машина «Скаута» отчаянно буксует в местном болоте: соляном растворе песка и той самой глины. Исследователи в панике мечутся, толкают ровер, безрезультатно месят ногами синюю жижу. Неспешный вал селя всё ближе. Ползёт рыжим удавом, плотоядно заглатывая камни и обломки скал. Ухмыляется белыми кусками льда, урчит валунами в утробе.

Быстро зацепляем фалом ровер, сдергиваем с места... Сель накрывает колею «Скаута», отчаянно врёмся из каньона. Вовремя! Бурый вал заглатывает

болотце и уползает дальше, волоча за собой камни
раза в два больше ровера.

В ангаре базы нас встречает Энжел. Подходит
к поисковику. Закидывает вопросами, осматривает
машины, трогает присохшую глину, разминает
в пальцах, затем поворачивается ко мне:

— Не подумал, что сель — всегда грязь. Даже
на Марсе. И в ней можно увязнуть. А ты знал это.

Молча смотрю на него, жду продолжения,
но выживальщик уходит прочь, улыбаясь чему-то
своему.

* * *

Бледное утро застаёт меня в оранжерее. Квар-
цевые стёкла защищают от радиации. Можно здо-
ророваться с сиреневыми марсианскими зорями, на-
блюдать, как гаснут звёзды, смотреть сквозь ячей-
ки на длинные игольчатые облака. Ближе к полуд-
ню поднимут плотные щиты. А пока почти живую
прикасаюсь к безмолвной марсианской душе.

Джесс приучила медитировать по утрам. Погру-
жаться в неспешную тишину, растворяться в пусто-
те Вселенной, впитывая в себя свет звёзд.

Песок поскрипывает под чьими-то осторожными
шагами. Чувствую тепло подошедшего человека,
слышу дыхание... опускается рядом... Моя медита-
ция с треском проваливается, любопытство побеж-
дает! Открываю глаза. Рядом в идеальной позе ло-
тоса сидит Энжел! Зажмуриваюсь, потом тихонечко
приоткрываю один глаз... Нет, не показалось. Эн-
жел.

Он не шевелится, застыл каменным изваяни-
ем. Исходящее от него спокойствие умиротворён-
но изливается вокруг. Мне неловко за любопыт-
ство, главное в медитации — не отвлекаться. А я от-
влёкся.

Энжел неожиданно выдыхает:

— Видел тебя на скалодроме...

Молчу. Он — тоже. Слушаем тихий голос капа-
ющей воды, лёгкое жужжание робота.

Лавандовое небо стремительно поддрумьянивает-
ся. Просыпается грязно-оранжевый пыльный день
с белым, непривычно маленьким солнцем. Камен-
нистая равнина исчерчивается длинными тенями.
Чуть заметная рябь искажает горизонт: тает ноч-
ной иней, сразу испаряясь в атмосферу.

— Красиво.

Киваю:

— Необычно.

— Я не о Марсе, — Энжел легко поднимается, —
я о тебе на скалодроме.

Успеваю захлопнуть челюсть, не дав раскрыться
рту. Что?! Встаю на ноги:

— Скалодром общий. И если...

— Я приду, если не возражаешь.

— Окей.

Энжел протягивает руку:

— Другзя зовут меня Том.

Жмём руки, не отрывая взгляда друг от друга...
Я — настороженно, Энжел — улыбочиво.

Позволяю ему уйти. Без объяснений. Хотя
на языке вертится: «Какого чёрта?!»

Ну да ладно, какой бы повод для мира ни поя-
вился, его надо принимать.

Джесс выслушивает мою историю за завтраком,
поднимает брови домиком, потом хохочет:

— Ты жирафик!

Смотрю непонимающе.

Она накрывает мою руку ладонью:

— Знаешь, когда я в тебя влюбилась?

— А ты в меня влюбилась?

— Прекрати, я серьёзно.

Улыбаюсь:

— Ну хорошо. Когда?

— Когда увидела на скалодроме в центре NASA.

В глубинах тёмных глаз вспыхивает неподдельное обожание. Моё сердце уносится в звёздные высоты над марсианским Олимпом.

— Поэтому ты отказываешься тренироваться и сидишь внизу, смотришь на нас?

— Да... потому что это кайф, видеть вашу команду, скользящую по стене как тени, будто над вами не властна гравитация.

Ощущаю неловкость и гордость одновременно. Джесс восклицает:

— О! Ты умеешь краснеть!

Окончательно теряюсь, меня выручает Энжел, зашедший в столовую. Идёт прямо к нам, под любопытными взглядами половины колонии нарочно громко изрекает:

— Алекс, нужна твоя консультация по поводу размещения спасстанций...

В столовой повисает ошарашенное молчание. Ложки и чашки перестают звенеть. Робот на раздаче застывает с недолитым стаканом кофе. Все смотрят на меня, ожидая ответа.

— Хорошо... Том... идём.

Материализовавшееся удивление провожает нас до самого выхода. И взрывается разноголосым гомоном, не дождавшись, пока захлопнутся двери.

* * *

Марсианский месяц прокатывается по небосводу дуэтом Фобоса и Деймоса: яркая звёздочка гоняется за мелкой лунной.

Со скрежетом и упорством Том вживается в команду. Ребята смотрят на него исподлобья, недоверчиво, ждут подвоха. Прошу их дать время вы-

живальщику. Ему трудно стать не одиночкой. Он учится, спрашивает, даёт дельные советы...

Наконец безграничное спокойствие Тома ломает лёд отчуждения. Ему доверяют, опыт перенимают. Облегчённо вздыхаю и благодарю Джесс. Месяц, целый месяц! я сам себе напоминал укротителя, притащившего ко львам тигра.

Про Антарктиду никто не вспоминает. Даже Аявот не донимает меня этим вопросом. С удовольствием вижу: команда снова — безотказно действующий механизм.

Начальник базы наконец даёт «добро». И через полчаса мы стоим у подножия Сирийского плато, вздымающегося отвесной стеной над плоской пыльной равниной.

Красная скала, прочерченная белыми прожилками, сухая, трещиноватая, в мелкой крошке каменной пыли. И сейчас меня ничего больше не интересует. Только эта скала: её выступы, камни, полки, трещины... Куда можно вбить шлямбур, упереться ногой, зацепиться рукой. Подниматься легко, несмотря на тяжесть баллонов с кислородом, вес оборудования и толстые перчатки. Цепляюсь пальцами за камень и супергеройски выбрасываю тело вверх. Почти лечу. Невероятное ощущение! Спасибо низкой гравитации.

При малейшем прикосновении пыль со скалы поднимается рыжим облаком, окутывает нас, оседает на плечах и стёклах шлемов, мешая смотреть. Мы с Томом, как два песчаных джина, стремительно карабкаемся вверх в клубах красного пыльного тумана.

В наушниках вместо ритмичного дыхания выживальщика раздаётся ликующее:

— Я сделал это!

Выбираюсь на край плато вслед за ним, оглядываюсь и восхищённо замираю. Три фарсидских ис-

полина стремительными контурами пронзают гряды облаков. Вершины вулканов уходят за атмосферу Марса, в космос, где восходящее солнце опалает их оголённые склоны. Конусы гор сверкают огненно-красным, отбрасывают тени на белёсые облака, теряются в сиреневой дымке у подножия, словно висят над равниной.

Накатывает странное чувство. Ощущение чего-то прекрасного и давно утерянного. Чего-то настолько знакомого и ускользящего одновременно, что невольно говорю:

— Я будто видел всё это...

Том отвечает, медленно растягивая слова:

— Потерянная родина, страна трёх гор, мир красного океана...

— О чём это ты?

— Легенды мексиканских индейцев.

Невольно поворачиваюсь к нему, но вижу лишь бликующий на солнце бок круглого шлема.

— То есть ты думаешь, что они пришли с Марса? Но...

Том тихо фыркает и замолкает. Он не единственный сторонник теории «древнего исхода с Марса». Кто знает, кто знает... Но острое ощущение чего-то утерянного, что уже не вернуть, накатывает на меня с новой силой. Зов забытой родины или просто сопричастность к планете, на которой мы надумали поселиться? Её тихий вопрос к нам: «Что вы тут делаете? И зачем пришли?»

Перед отлётом на Марс мы с Джессикой как раз говорили об этом. Кто мы в космосе? Туристы, заботливые хозяева, нерадивые временщики? Или всего лишь пыль на вечном лике Вселенной? Джесс тогда сказала замечательную фразу: «Даже если мы пыль, то пусть она будет сверкающей и яркой, как звёзды».

С медцентра Колонии-1 приходит поздравление с успешным окончанием адаптации. А Джесс начинает задавать кучу медицинских вопросов.

В эфир врывается позывной диспетчера станции. Выслушиваю его и переключаюсь на ребят:

— У нас ЧП. Робот-сейсмограф из «Скаут-4» подал аварийный сигнал и больше не выходит на связь. Там четыре человека, освобождаем место в марсоходе. Кому-то придётся идти пешком до базы. Проверьте кислород.

Отряд разделяется: пятеро человек во главе с Томом отправляются в пеший переход до базы, а я с ребятами мчусь в марсоходе к учёным... «Скаут-4», там же Аявот! Надеюсь, у них просто барахлит передатчик и мне не придётся откладывать семейный ужин с Джесс.

Добираемся слишком долго — почти час! Связываемся с базой. Докладываем:

— Нашли сейсмограф. Он исправен. Рядом нет признаков лагеря ареологов. Сверьте координаты для уточнения.

— Координаты верны. Лагерь где-то рядом с вами. Будьте внимательны.

— Принято, база. Работаем.

Осматриваюсь по сторонам. Пыльное солнце выкрашивает пейзаж бледной сепией, приглушает тона, растворяет дальние скалы в оранжевой дымке. По равнине, среди разбросанных камней, танцуют джинны пустынных вихрей. Бегут, огибая синие тени, насакивают на скальные обломки, рассыпаются серыми призраками, не оставляя следов на ржавой земле...

Долина окружена барьером морщинистых скал. Они равнодушны к незванным пришельцам. Возвышаются седыми великанами, охраняют дно кратера миллионы лет. И будут стоять столько же после

нас — настырных букашек с роверами, бурами, сейсмографами. Кажется, кожей ощущаю равнодушие Марса. Его полную безучастность, спокойную уверенность в своём вечном безлюдии. Вечном ли?

Спутник показывает: час назад лагерь ареологов стоял почти в центре кратера. И вот их нет. Сквозь Марс они провалились?! Своеобразный юмор у этой планеты... Следующие снимки мы получим ещё через час, когда спутник вновь будет над нами. Но это слишком долго.

Разбиваю отряд на две поисковые группы, отправляю обследовать кратер по периметру от сейсмографа.

Моё внимание привлекает вздыбившаяся скала недалеко от центра. Смотрю на снимки: её тут не было, когда стоял лагерь. Очень странно.

Надо проверить, что там. Завожу вездеход. Ровер урчит, катится, кроша колёсами хрупкие камни. За ним взлетает хвост рыжей пыли. Подскакиваем на ухабах, кабина наполняется хрустом, слышным сквозь шлем. Внезапно щербистый скрежет сменяет странный вибрирующий звук. Торможу... Поздно! Машина падает во тьму. Гаснет тусклый марсианский день, в лобовое стекло летит неизвестность.

Вжимаю сильнее тормоз в пол: бесполезно! Скрип колодок, скрежет... Стремительно скользим дальше. Справа и слева скачут камни, ударяют по кузову, отскакивают, уносятся вперёд. Пытаюсь дать задний ход, куда там! Каменная лавина увлекает вниз, хоть бы не перевернуло! Трясёт и мотает нещадно. Пару раз стукнулся шлемом о раму, пытаюсь пристегнуться, защёлка ремня вырывается из рук, выскальзывает на подскоках, танцует вместе с ровером. Натягиваю ремень. Сильнее! Щёлк, пряжки сомкнулись, вздыхаю, подлетая на очередном камне, вце-

пляюсь в руль... В голове одна мысль: «Только бы не разбиться!»

Марсоход ныряет в пыль, сердце ухает от невесомости, желудок подскакивает к горлу... Секунда, вторая, третья... Мы всё ещё свободно падаем. Не к добру это. Удар! Ровер подпрыгивает ещё раз и замирает. Конусы света от фар освещают столбы пыли.

Бортовой компьютер услужливо показывает: лопнула задняя ось, связь с базой отсутствует. Затем выдаёт: можно продолжать движение на вспомогательных боковых колёсах. Спасибо. Только куда ехать-то?

Несколько секунд прихожу в себя, пытаюсь отдышаться от встряски. Кажется — живой. Ничего не переломал... Руки-ноги шевелятся, побаливает пятая точка, нелегко ей пришлось во время тряски.

Перевожу машину в экономный режим. Выбираю из вездехода, смотрю вверх... Темнота.

Прохожу осторожно метров десять. Натыкаюсь на камень. Лучом фонарика обшариваю обвал, по которому скатился ровер. Каменюки громоздятся друг на друга, как гигантская разрушенная лестница. Выключаю свет. Где-то очень высоко маячит желтоватое пятно. Ощупываю несколько камней, привычно ставлю ногу на самый подходящий, зацепляюсь пальцами за камень повыше... Огромная глыба сдвигается с места, качается и... падает, едва успеваю прыгнуть в сторону. Больно шлёпаюсь на дно пещеры под грохот камнепада. Только бы ровер остался цел!

Каменюки летят, прыгая, как мячики. На Земле ни за что не стронул бы такой камень с места. А тут — на тебе. Камнепад затих, раскатившись по дну пещеры. Осторожно поднимаюсь, иду к вездеходу. Он присыпан гравием, сбоку привалился обломок скалы. Ничего не трогаю. А то опять посыпется-понесётся и уробит без того повреж-

дённую машину. Залезаю в кабину... Думаю. Ребята очень быстро заметят: нет моего сигнала. Найдут следы вездехода, уходящие в провал. И, конечно, попытаются спуститься.

Так, стоп. Основной запас верёвок лежит в кузове ровера. Так же как спасснаряжение. Значит, они вызовут помощь с базы... Прикидываю время. В лучшем случае до меня доберутся часов через пять. Но считать надо худший вариант и умножать время на три... В баллонах скафандра кислорода должно хватить на двенадцать часов... Смотрю на датчик, а нет, уже на десять с четвертью. В кузове лежат четыре сменных баллона. Продержусь!

Усаживаюсь удобнее. Ожидание будет долгим, и заняться нечем. Надо же было так влипнуть! Засаю время...

Оно наваливается немой тишиной, погружая в беспросветную, отчаянно-чёрную тьму. Непроизвольно напрягаю глаза, пытаюсь увидеть хоть что-то, и физически ощущаю свои расширенные до предела зрачки. Темно и тихо. Лишь кровь стучит в ушах. Наверное, час прошёл. Смотрю на часы: две минуты!

Пересаживаюсь. Не сидится... хочется предпринять хоть что-то.

Проверяю бардачок: аптечка с картриджами инъекций, запасной фонарик, антистатик... Небольшой моток верёвки. Остальное — в багажнике. Хм... Длины верёвок должно хватить выбраться. Прикидываю высоту сводов, всё получится, если стена минутах в десяти от ровера.

Выхожу на поиски, включив картограф. Стены нет ни через десять минут, ни через пятнадцать. Своды пещеры растворяются в чёрной бесконечности. Возвращаюсь к машине. Снова включаю таймер и картограф, иду в другую сторону...

Сценарий повторяется. Через два часа обреченно сажусь под бок ровера, смотрю на вычерченную картографом шестилучевую звезду недостижимости. В радиусе восьмисот метров не обнаружено стен. Пещера больше двух километров в поперечнике? Хм, мы отправляли роботов, чтобы вырыть котлованы для базы. А тут всё готовое. Бери и размещай жилой купол со всеми пристройками...

Решаю ехать по азимуту центра кратера, туда, где стоял лагерь ареологов. Как только вездеход огибает завал, включается рация смарт-съюта, огорошив меня тихим голосом Аявота:

— Ну хоть кто-нибудь, отзовитесь...

— Алекс на связи.

— Слава Богу! — в голосе не столько облегчение, сколько отчаяние. — Я вот думал, мне тут крышка будет! Наконец-то!

— Уже еду. Держись!

Ровер ходко катится на дополнительных колёсах. Повезло: дно пещеры почти ровное. Ругаю себя: раньше не сообразил обойти завал, давно бы нашёл Аявота. Оказывается, эти марсианские камни имеют способность глушить сигнал даже на прямых отрезках.

Лёня без умолку говорит, намолчался бедолага. Поддерживаю его. Он с юмором рассказывает, как провалился сквозь Марс вместе со всем оборудованием. Спрашивает, большая ли дырка осталась и не по пыльному ли столбу я его заметил.

Конусы света фар натываются на геологического робота. Он повреждён: кособоко стоит на уцелевших опорах, мигает красным аварийным глазком. Рядом чертит темноту лучик нашлемного фонарика, обходит робота, и в свете фар появляется прихрамывающий человек...

Выбираюсь из машины, Леонид сгребает меня в охапку, в наушниках вопит его голос:

— Как же я рад тебя видеть!

— Взаимно! Что с ногой?

— Наверное, подвернул, когда падал. Больно, но комп говорит: перелома нет.

— Хорошо. Залезай в ровер, разговор есть.

Леонид, поохивая, забирается в кабину и облегчённо вздыхает, вытягивая ноги:

— Тут хоть по-человечески сидеть можно!

В двух словах объясняю ситуацию. Спрашиваю, где остальные ареологи. Аявот мрачнеет:

— Они пошли ставить сейсмограф, ну не больше двухсот метров, и тут я рухнул вниз... так что про других не знаю. Тут их нет.

— Наверху их тоже нет. Мы пришли на аварийный вызов сейсмографа.

— Аварий... Да с чего бы?! Он сломан?

— Цел, абсолютно.

— Тогда почему аварийный?

— Не знаю. Возможно, кто-то из ребят успел включить. Чтоб вызвать помощь.

Леонид скребёт перчаткой шлем. Хмыкает.

— Этот Марс нас погубит.

Чтоб отвлечь, спрашиваю мнение Аявота о пещере. И тут Лёня включается на полную, будто перед ним сидит целая аудитория.

Хорошо! Подкидываю вопросы о земных пещерах. Ареолог забывает об окружающей нас тьме, отсутствии сигнала и своей больной ноге.

Как долго хватит меня задавать ему вопросы? Отвлекать от нерадостной реальности?

Аявот сделал предположение, что пещера, в которой мы сидим, — газовый метановый карман в застывшей лаве. Значит, кратер наверху не ударный, а вулканический. Кальдера имеет тонкую кору, под которой пещера. Долгие тысячелетия сюда не падало ничего достаточно тяжёло-

го. Низкая гравитация и отсутствие осадков способствовали сохранению «пузыря»... и вот пришли мы. Проехал вездеход ареологов, начал работать георобот, включил бур. И тонкая кора проломилась... Вздрыгнула рваным куском, спустив во тьму Леонида и его робота. И так же проломилась под моим ровером...

Не исключено: весь свод пещеры может рухнуть и похоронить нас. Но я молчу об этом. Поглядываю украдкой на время... Мы уже три часа говорим, прошли первые запланированные пять часов.

Тьму над нами разрывает грохот... Шум оглушает через скафандр. Жму газ, срывая марсоход с места.

Огромные камни падают во тьме, хаотично освещённые фарами... удар! Вскрик Аявота, треск... Мы влетели в скалу, лобовое стекло пошло зигзагами, по крыше ровера гулкие частые удары, словно катятся теннисные мячи. Бортком пищит, панель мигает красным, но ходовая часть цела. Сдаю назад, разворачиваю, и мы мчим куда-то, где не падают камни.

Грохот остался позади. Отъезжаю ещё немного и останавливаю вездеход. Аявот странно притих, окликаю. Стон... снова молчок. Смотрю данные смарт-съюта ареолога. Перелом левой руки. Только этого не хватало!

Ненавижу скафандры! Как мне сейчас наложить ему шину? Кто всё это разрабатывал? Думали, мы по паркету гулять будем? Ввожу Лёне обезболивающее через контакт на запястье. Ну хоть что-то. Минут через десять он снова стонет, приходит в себя, спрашивает, что случилось.

Не знаю. Обвал, видимо. Под завалом остался георобот и походные солнечные батареи... Выхожу, осматриваю наш ровер. Кроме чудом уцелев-

ших потрескавшихся стёкол и погнутой крыши, обнаруживаю смятый рваный багажник. Секунду смотрю, не веря себе.

Мозг отказывается принять простую истину: мы остались без запасного кислорода.

Руки, не слушаясь, открывают крышку. Там лежит один баллон. Кислород на шесть часов для одного человека.

— Лень, посиди пока в машине. Я схожу к завалу.

В надежде: вдруг баллоны выкатились и лежат где-то, иду, обшаривая фонариком колею ровера. Камни, пыль, песок... и никаких признаков баллонов.

Возле завала включается рация смарт-съёма на общей частоте. Даю команду «приём», сквозь помехи пробивается стандартный SOS... Затем голос Тома Энжела. Слабый, прерывающийся, еле слышный:

— Том, это Алекс. Как слышишь?

— ...сло... на. — Тяжёлый выдох, шипение помех...

— Том! Повтори...

В ответ только свистящий шум эфира. Подхожу к завалу, переключаюсь на частоту Энжела — тишина.

Бегу к роверу. Завожу системы, направляю вездеход к обвалу. На удивлённые вопросы Аявота коротко бросаю:

— Там Энжел.

Метрах в пяти от завала снова включается связь на общий приём. Ловлю SOS, компьютер определяет вектор... Огибаем завал... Сигнал слабеет, но я надеюсь, найдём Тома по ту сторону каменной осыпи. Нет. Сигнал пропадает окончательно, как только мы объезжаем завал.

Возвращаемся.

Подъезжаю вплотную к груде камней... Вектор пеленга указывает на неё. Снова пытаюсь вызвать Энжела.

— Наконец-то! — Вздых и характерный энжеловский смешок: — Поехал спасать тебя и лежу под обвалом.

— Том?! Ты цел?!

— Ног не чувствую.

— погоди, сейчас разберёмся.

Направляю свет фар на неплотно лежащие камни. Вылезаю из машины, осматриваю завал, высвечивая в темноте каждый сантиметр. В щелях между камней что-то металлически поблёскивает. Не иначе — ровер. Осмотреть бы завал целиком, но в треклятой тьме ничего не видно. Фары высвечивают картину фрагментарно, отбрасывая резкие, искажающие восприятие тени.

— Том... Сможешь включить свет в кабине?

Груда камней вспыхивает лучами, бьющими во все стороны. Конусы света прорываются сквозь щели, растворяются блёстками в пылевой взвеси. Отхожу чуть поодаль. Да, пару камней можно убрать и добраться до марсохода. Сообщаю свою мысль друзьям. Аявот, кряхтя, вылезает из кабины:

— Че двигать-то? У меня одна рука есть.

Том почти кричит:

— Не смей, Ал! Завалит всех к едреной фене!

В голос с Аявотом восклицаем:

— Что?!

Леонид нервно смеётся, я тоже. Вот так начинается обучение великому и могучему... С известной фени.

Показываю на обломок породы, стоящий немного впереди. Ареолог понимающе кивает. Наваливаемся на камень, не тут-то было. Он прочно лежит на основании.

— Сдёрнем ровером, — Аявот хромает к машине, — у нас же верёвки есть, ты говорил.

Не успеваю остановить его, как он открывает искорверканную крышку багажника, замирает. Через секунду слышу:

— Нет-нет-нет... — Вздох и вопль: — У нас что?! Один баллон в запасе?! Ал, какого...

— Панику прекратил, — звучу как можно резко, — и болтовню тоже. Кислород экономь.

Аявот замолкает испуганным ребёнком. В наушниках — сопение. Мягко добавляю:

— Мы выберемся. Всё будет хорошо.

— Обязательно, — эхом откликается Том, — мы с тобой, Леонид.

— Да, — поддерживаю друга, — а сейчас мы сдвинем этот камень.

Аявот молчит. Вижу, как кивнул его налобный фонарик... Понятно, надо парня тормозить, выводить из шока, отвлекать от мыслей о кислороде.

— Давай, Лень, верёвки тащи сюда.

— Хорошо. — Ареолог шарится в бардачке и вскоре появляется в полосе света с бухтой верёвок.

Обвязываем камень и сдвигаем ровером. Немного. Машина дёргает рывками, волоча его по скалистому дну пещеры. Наконец-то щель расширилась, можно пройти. Пара камней сверху угрожающе качнулись, но остались лежать на месте.

Беру аптечку и пролезаю к роверу Тома.

Марсход раненым шестиколёсным монстром лежит на боку. Стёкла вылетели, передняя ось сломана, кузов измят. С ужасом понимаю: это могло произойти со мной, не начни я тормозить на спуске. Похоже, на Тома свалился весь пласт, по которому падал Аявот.

Взбираюсь в кабину через искорёженный капот. Энжел — в кресле, левая нога придавлена изогнутым

куском рамы. Правая рука застряла между рулём и разбитой панелью управления.

Надо срочно осмотреть Тома, но снять скафандр нельзя. Вокруг тьма, холод, низкое давление и нет кислорода... У меня двое пострадавших и я не могу оказать им помощь! Внезапно накатывает паника, сжимает горло беспощадной рукой, останавливает мысли. Руки резко холодеют.

Так, стоп. Делаю глубокий вдох... Выдыхаю медленно, с чуть вибрирующим «о». Как советует в таких случаях Джесс. Голова проясняется, паника исчезает.

Том пытается выдернуть застрявшую руку, морщится, стискивает зубы, глотает крик.

— Тихо, тихо... Я сам. — Осторожно включаю экран смартфона, просунув руку под руль.

Показывает переломы левого бедра и правой руки. Замечаю пониженные гемоглобин и артериальное давление... Неужели где-то разорвана вена? Открытый перелом?

Осторожно снимаю с ноги кусок рамы, отодвигаю в сторону.

Том нетерпеливо спрашивает:

— Что там?

— Два перелома. Есть и хорошая новость. Скафандр цел. Я тебе введу кеторалак. Окей?

— Окей. Но не вздумай тащить меня!

— Не вздумаяю. Да и тащить особо некуда.

Том усмехается, следит за мной одним глазом, ревниво наблюдая, как ставлю картридж с анальгетиком в разъём. Чуть заметно морщится, когда раствор впрыснулся в руку...

— Ну вот и всё. Скоро легче будет.

К нам протискивается Аявот. Видит придавленного Энжела, вскрикивает.

Выживальщик усмехается:

— Зря ты, Лёня, пришёл сюда. Обвал...
— А я вот знаю, что камни ненадёжные... давай вытащим его?
— Нет!!! — Голос Энжела срывается на фальцет, трясущей головой от звона в ушах, Аявот морщится:
— Да не ори ты так. Весь Марс разрушишь!
— Я сказал «нет», — уже спокойно повторяет выживальщик. — Вы меня ещё больше переломаете.
— Он прав, — сажусь на капоте, — Том, что там со спасотрядом и ареологами?
— Ареологов нашли. Они провалились не так глубоко. Уже все в медцентре. А наши ребята стоят на краю кальдеры.
— Кальдеры? — оживился Аявот. — Значит, всё-таки вулкан? Как определили?
— Со спутника и данных георобота, которые ты успел передать...
Слышу в наушниках характерный вздох Леонида, который он делает перед длинными тирадами, опережая вопросом:
— Объясни, Том, какого дьявола ты рванул по кальдере, если уже знали о пещере под ней?
— Мы всё выгрузили... Думали, облегчённый вездеход проскочет. Поэтому я тут один, а не с командой.
— Теперь они пойдут пешком... — смотрю на время, — их надо ждать у пролома.
— Идите, — тихо откликается Том, — я тут никуда не денусь.
Слышу, с каким трудом ему даются слова. Голос гаснет. Смарт-сьют показывает продолжающееся падение гемоглобина и артериального давления.
— Мы будем дежурить возле тебя по одному. Сейчас выйдем на рекогносцировку, осмотримся, и я вернусь.
Том лишь слегка кивнул.

Выбираемся из завала и через четверть часа стоим под синееющим проломом с поблёскивающей далёкой звёздочкой. Аявот возится с антенной, смотрю на отвесную стену, упирающуюся в конус обвала. Это наш шанс. Здесь можно вылезти наверх!

Вдруг ареолог чертыхается, выбирается из вездехода и витиевато расписывает, куда надо провалиться треклятому Марсу.

— Что случилось, Лень?

— Мне надо сменить баллон... Кислорода на три минуты осталось.

— Как?! — смотрю на свой уровень кислорода: всё по графику. Один баллон пуст, на втором продержусь ещё часа четыре... Не густо.

— Я же раньше тебя провалился, — ареолог садится у ровера, — всё напрасно. Мы тупо задохнёмся. Помнишь? Я говорил, что Марс враждебен...

— Есть запасной же. Не паникуй.

Молча меняем баллоны. Уже устал отвлекать ареолога от мрачных мыслей, но выхода нет, его надо продолжать тормозить.

— Ты настроил антенну?

— Да.

— Вот и отлично. Видишь эту стену? Я выберусь по ней наверх.

— Шутишь?! Это ж... Че, серьёзно?

— Абсолютно. Только сначала к Тому схожу. А ты не пропусти сигнал!

Ареолог нехотя идёт в машину.

Протискиваюсь меж камней к искорёженному роверу, окликаю друга, получаю в ответ пугающую тишину.

— Том! Том, не молчи! — Взбираюсь по капоту в кабину, читаю показания смарта. Гемоглобин 50 ...

Лихорадочно роюсь в аптечке, перебирая картриджи. Должен быть с плазмой крови. Должен. Нахожу.

Один. Всего 200 г. Ну хоть что-то. Вставляю в разъем для капельниц...

Том тихо вздыхает:

— Ал, не надо. Это конец.

— Не носи чушь! Я нашёл выход наверх.

— Ал, — левая рука Тома поднимается, невольно беру её за ладонь. Сквозь все оболочки скафандра ощущаю слабое пожатие.

Энжел почти шепчет:

— Прости за всё... Я знаю, ты злился на меня... тогда в Антарктиде...

— У всех бывают ошибки.

— Нет... Я должен сказать... Это был приказ. Без права разглашения. Я... я просто выполнил его.

— Приказ?! — В глазах на мгновение темнеет. Рой мыслей проносится, оставив звенящую тишину. — Какой приказ?

— Выяснить, сколько смогут не профессионалы продержаться одни. Я должен был оставить группу в самом опасном месте.

Том замолкает, а я сижу опустошённый. Ведь это равносильно приказу убить всех. Неподготовленные люди, брошенные в ледяной пустыне.

Том вслушивается в эфир, но я молчу. Не могу, да и не хочу говорить...

Энжел, не дождавшись ответа, продолжает:

— Я не соглашался, но меня заверили, что погода будет хорошей...

Перед глазами снова встаёт слепящий антарктический день, синий после свирепой метели. Сугробы в искрах танцующей радуги, где острыми осколками замёрз холод. Мы вышли на точку с двухдневным опозданием из-за непогоды. Стали разбивать лагерь и... наткнулись на заснеженный купол палатки, в котором лежал человек с нашивками NASA. Ещё живой человек, судя по данным смарт-съюта.

Мы лихорадочно кинулись расчищать площадку и вытаскивать полузамерших людей, не понимая, как такое может быть.

— Алекс, ты слышишь меня? — Том сжимает руку, выдёргивая из воспоминаний. — Я не знал, что будет метель.

Ощущаю дрожь в руке Тома, смотрю на смарт... Гемоглобин понижается.

— Сейчас не время для разговоров. Кислород экономя.

— Ты тогда врезал мне... Правильно! Я не имел права соглашаться, но...

Руку Тома трясёт. Знаю этот тремор. Знаю, чем закончится, если не принять срочных мер. Рука слабеет, уже с трудом удерживаю её.

— Мне холодно...

— Том, смотри на меня. Сейчас придут ребята, и мы тебя вытащим.

— Знаешь... почему ... я подписался?

— Да забудь уже. Это не важно.

— Важно. Я не хочу уходить непрощённым. Я написал о неразглашении... Не говори им, пусть не знают. Но ты... ты прости, ради Бога, за всё.

В голосе — благоговение и просьба одновременно. Вдруг понимаю: реально простил Тома тогда, когда с размаху врезал в челюсть. Сразу отпустило, а всё остальное — лишь амбиции, гордость, нежелание признать чужое право на ошибку.

— Давно простил, и меня прости. Ведь я думал, ты подло бросил людей, спасая свою задницу. Забрал провиант и ушёл, оставив их погибать в метели.

Энжел шепчет:

— Нет... Я знал, что твоя группа идёт за нами. Что маршруты совпадают... Я всего лишь выживальщик, а команду «Спейс Род» вёл спасатель. Я доверил свою группу тебе лично... Тебе, Алекс. Береги

их и тут, на Марсе... И... живите! — Энжел уже чуть слышно шелестит в наушниках: — Кислород кончился? Возьмите мой...

— Так, перестал глупости говорить. Сейчас пойду наверх, за помощью. А ты не вздумай умирать...

Связь замолкает, вижу, как шевелятся губы Тома, давая голосовую команду смарт-сьюту.

— Ты что там затеял?

В ответ тело Энжела конвульсивно выгибается в скафандре, сотрясаясь судорогами. Смотрю на смарт, баллоны отключены! Подключаю их вручную назад, врубаю принудительную вентиляцию...

Биометрический монитор мигает красным... Взгляд Тома застывает, устремившись мимо меня куда-то вверх.

В сердцах ударяю кулаком по своей ладони. Не догадался, что Том отключит кислород! Что ж ты натворил, Том Энжел! Жил бы ещё да жил...

Выключаю подсветку шлема:

— Прощай, друг...

Нахожу Аявота заснувшим в ровере. Рядом пустой картридж. Проверяю, что он себе ввёл... Морфин. Молодец, теперь его не добудешься.

Но это хорошо, пока спит, он не паникует. Осматриваю скальную стену, шаря фонариком. Лучше без света. На ощупь. Резкий свет только мешает, делая ямки слишком глубокими, а бугорки не видными.

Возвращаюсь к Аявоту, обвязываю верёвкой, взваливаю себе на спину. Неизвестно, когда нас вытащат, а Леониду нужна помощь. Мало ли!.. Хватит с меня потерь!

Прикасаюсь рукой к камню... жаль, через скафандр. Марс, я выберусь наверх, поможешь?

Немая тишина в ответ... Прислоняюсь шлемом к зернистому камню, закрываю глаза. Вспоминаю свой первый день после реабилитации...

И резко приходит понимание: я выберусь. Марс уже помог своей низкой гравитацией. Он видел меня на своих склонах, он не мог не ощутить ту тоску по утерянному, которая поселилась во мне...

Рука поднимается вверх, цепляется за длинный выступ, нога пошла вперёд. Скала ребристая, шероховатая, удобная.

Каменные полки словно подставляются под руки и ноги. На Земле всегда помогало доверие к горе, поможет и здесь, ведь все едины во Вселенной. Из одних и тех же звёздных атомов склеены, одним Зодчим построены.

Картограф показывает: пройдено сто шестьдесят три метра. Смотрю вверх. Рваные края пролома вычерчивают лужицу звёздного света. Край всё ближе. Лезу дальше, поглядывая вверх.

Шарю рукой над головой. Нет зацепки! Не видно, где ближайший выступ. Перевожу дыхание, снова выкидываю руку повыше. Цепляюсь за край, подтягиваюсь на руках... Наконец-то!

Шлёпаюсь на бок, инстинктивно подхватив Аявота рукой. Встаю, оглядываюсь... Ноги подкашиваются, делаю глубокий вдох. Шепчу в никуда:

— Спасибо.

* * *

Над первой марсианской могилой тихо шелестит флаг. Ребята сворачивают полотнище отточенными движениями. Отступают от гроба. Джесс сжимает мою руку...

Зачитывают последнюю волю Тома Энжела, надиктованную в смарт-сьют: рекомендация в NASA назначить меня специалистом по выживанию, приемником Тома... Шагаю вперёд, над речью думали всем отрядом, но вдруг говорю совсем не то:

— Он доверил вас мне. И сказал «живите». **У**

Вуко

Ирина Домнина

Живёт и работает в г. Ижевске. Пишет рассказы в жанрах фантастики и фэнтези. В 2007 г. в Ижевском литературном журнале «Луч» был опубликован её первый рассказ «Пилюли радости». Затем последовали публикации в журналах «Edita» (Ганновер), «Ave» (Одесса), «Наука и жизнь» (Москва).

Никогда не подбирала случайных пассажиров в пути, тем более на такой, едва живой, разбитой, забытой богом и людьми дороге. Неблагодарное это дело в наше время и даже опасное. Для меня до сих пор загадка, зачем тогда остановилась? Парень как парень, невысокий, худой, изрядно промокший под нудной осенней моросью. Пожалела скорее не его, а кота.

Морда круглая, что чайное блюдце из-за пушистых серых бакв. Торчит из-под куртки у парня на груди, глазами лупает. А глаза удивительные — грустные-прегрустные и разные. Один тёмно-карий, другой небесной голубизны. Несёт хозяин котика бережно, укрывает насколько можно от дождя.

Всё это, конечно, я разглядела позже. Вот и говорю, зачем остановилась, непонятно. Парень подбежал, приоткрыл дверь машины. Спросил с сомнением, ещё не веря в удачу:

— До города подбросите?

В это время разноглазый кот с отрешённым достоинством не моргая уставился на меня. Хозяин его, напротив, заморгал, суетно тряхнул мокрой непокрытой головой и шумно фыркнул, сдувая скопившиеся на носу дождевые капли. Их контрастный вид так позабавил меня, что последние сомнения отделились сами собой.

— Подвезу, подвезу. Садитесь уже!

Парень юркнул на сидение рядом. Старенькая «Лада» послушно тронулась с места.

— Спасибо, что остановились. Это просто чудо!

— Ну да, — невольно усмехнулась, — обычно я пассажиров тут не беру.

— Наверно Вуко постарался.

— Кто? — не поняла я.

— Вуко... а кота Кузей зовут. — Неожиданно переключился он с непонятного имени на другое.

От такой его поспешности я странное «Вуко» сразу запомнила.

— А почему, если не секрет, вы с таким красавчиком пешком и под дождём?

Ближайший участок дороги был сносно залатан, скорость я не превышала, так что могла спокойно разглядеть котяру. Его-то хозяин поначалу меня вообще не заинтересовал. Обычный, скромный деревенский парнишка.

— Нет, пешком мы не собирались. Сосед обещал довести. Но вот... Кузя не смог. Совсем. Заорал страшным голосом, когти даже выпустил. Не захотел к соседу в машину, и всё тут.

Я с сомнением посмотрела на солидного с виду разноглазого. Тот вылез из-под куртки. Дымчато-серый пушистый красавец спокойно сидел на коленях хозяйина, помалкивал и когтей не выпускал. Разве что головой вертел без усталости, словно выискивал лазейку и мечтал-таки удрасть. Но парень крепко его держал правой рукой, а левой успокаивал, поглаживая за ухом.

— А если бы он и со мной не захотел ехать, вы бы что, все тридцать километров до города пешком бы шли? — усомнилась я.

— Не-ет, — протянул парень и улыбнулся, — бабушка сказала, иди, говорит, на дорогу, добрая душа остановится.

— Это как?

Парень несколько смутился и взглянул на меня с недоверием, может, уловил насмешливые нотки в голосе, хотя я изо всех сил старалась выглядеть и говорить серьёзно.

— Добрая душа добрую всегда чувствует, бабушка так говорит. Вы же остановились! — выдвинул он, наконец, железный аргумент.

— За добрую душу спасибо, конечно. Только я всё равно не понимаю, зачем нужно было так рисковать? — продолжила я его подначивать. — Посади-

ли бы кота в коробку, как все делают, и довели бы до города без приключений с соседом.

— Что вы! С Вуко так нельзя. Только лаской.

— Опять Вуко?! Кто это?

— Ну... только не смейтесь. Кузьма у нас не совсем обычный кот. В нём живёт душа Вуко. Что, никогда не слышали о Вуко? — в голосе парня прозвучало неподдельное удивление.

— Не слышала.

— Странно, я думал, не только в нашей деревне, но и во всей округе про Вуко должны знать.

— А ты из какой деревни? Ничего, что я на ты?

Внимательно глянула на парня: *«Лет восемнадцати-двадцати, значит, почти в сыновья мне годится».*

— Конечно, можно, — его мой переход на ты, кажется, даже приободрил. — Я из Петровки. Это там, где Вы нас подобрали. Поворот рядом совсем.

— Знаю, где поворот на Петровку, — перебила я. Ты лучше про Вуко рассказывай. Заинтриговал же...

— Ну... — опять неуверенно затянул парень, — Вуко — это типа душа кого-то очень древнего, очень мудрого. Я и сам не совсем разобрался, но, кажется, даже взеземная.

— Нехило! И как это, по-твоему, угораздило взеземную, да ещё и очень мудрую душу сюда попасть?

— Ну, бабуля говорила, что точно этого никто не знает. Но вроде как Вуко настолько старьёй, что блуждать по вселенной устаёт и к нам на Землю поселяется на время, отдохнуть.

— А почему в кота? И как вы догадались вообще, что именно в вашем Кузе живёт этот самый Вуко?

— Бабушка поняла. И... петровские все знают.

Паренёк пожал плечами, но сказал так утвердительно, что и не возразишь. И потом, мне действительно никогда не приходилось слышать ничего похожего про Вуко. Конечно, я давно вышла из возраста, когда, от-

крыв рот, внимают деревенским байкам, но надо признать, среди них случаются весьма любопытные. Почему бы эту не послушать?

— Хорошо, допустим, петровские знают, что в Кузе поселилась душа древнего и мудрого Вуко. И что это значит? — со всей возможной серьёзностью спросила я. — В чём его присутствие для деревенских проявляется?

— Да вроде ни в чём, — парень снова характерно повёл плечами. Поджал губы и сосредоточенно уставился в автомобильный бардачок немигающим взглядом. Выживал из себя нужную информацию он довольно долго. — Этот Вуко появился в деревне не так давно. Моему Кузе ещё четыре года только. Бабуля говорила, если к нему с уважением относиться, не тревожить, то ничего плохого не случится. Потому что вообще-то Вуко добрые. Просто нам их не понять, они другие совсем, и они к нам не очень-то серьёзно относятся. Ну... мы для них что малые несмышлёные дети. От нас требуется только их уважать. Обычный человек может даже и не понять, что в коте поселилась душа Вуко. Поэтому к котам вообще всегда нужно относиться уважительно. Доброго хозяина Вуко всегда защитит, а злого может и наказать. В деревне разное говорят. Говорят, не помню, в каком году, ещё до войны, в одну ночь вся скотина передохла, потому что мужик один Вуко обидел. Кот из деревни ушёл, а скотина сдохла.

Парень шумно выдохнул и умолк с выражением удовлетворения на лице, как будто отлично справился с нелёгкой работой. Напрасно он успокоился, ехать нам ещё было прилично, и мои вопросы не кончились.

— Серьёзный, выходит, парень — этот Вуко. А почему он в кота вселяется? Почему не в человека?

— А зачем ему в человека? В каждом человеке своя душа есть — земная.

— Ну да, ну да... А в других животных?

— Этого я не знаю! — озадачился парень. — Хотя в каких других-то? В корову что ли?

— Зачем в корову? — было очень забавно наблюдать, как ответственно мой пассажир относится к разговору, но я по-прежнему старалась держать исключительно строгое выражение и в лице, и в голосе. — В собаку, например?

— Ага! А вы собаку в вольер запрёте или, того хуже, на цепь пожизненно.

— Да, — пришлось согласиться, — котам из домашних животных живётся вольготнее всего. А в диких?

— Ну... — растянул своё любимое мой пассажир.

— Вяа-ау... — неожиданно перебил кот пронзительным ором, я даже вздрогнула. И понеслось...

До сих пор не понимаю, с чего всё началось? То ли с того громогласного вяка котяры, то ли с моей собственной ошибки. Я так увлеклась разговором, что пропустила момент, в который закончилась приличная дорога и начались колдобины. Машину здорово трянуло, и она пошла по мокрому асфальту юзом. Чёрный, идущий на обгон джип нарисовался сзади вообще неизвестно откуда.

Дальнейшая действительность обернулась мрачной чудовищной мозаикой, из круговерти которой разум успевал выхватывать только фрагменты. Мохнато-серая тень проскользнула надо мной. Резанула боль — это острый коготь полоснул плечо. Ещё один дикий кошачий вопль над самым ухом. Но всё ушло на второй план, когда тошнотворное отчаяние накрыло сознание и пришло понимание того, что машина больше не слушается меня. Невыносимо долго длился момент, когда казалось, что я напрасно выкручиваю руль и привычные законы физики бездействуют. Но обошлось. Ещё несколько жутких мгновений, и моя Ладушка с тихим скрежетом остановилась. Мы даже каким-то чудом удержались на дороге.

— Вья-ау... — продолжал с короткими интервалами стелать кот откуда-то из-под сидений заднего ряда. На парня я даже не взглянула. С нарастающим ужасом я смотрела в зеркало заднего вида на то, как тормозит джип. Очевидно, вихляния моей машины заставили его принять резко влево. Хорошо ещё, что не было встречных машин. Мы не закончили движение по небольшому мостку, вдоль которого шло ограждение. Его-то чёрный монстр и бороздил сейчас, обдирая лоснёный бок.

О чём я тогда думала? Не знаю. Кажется, в моей голове образовалась маленькая горячая пустыня, мозговые клеточки съёжились и потеряли на время способность мыслить. А жуткое действо никак не заканчивалось и тянулось слишком медленно, как в каком-нибудь дурацком фильме.

Наконец джип нехотя оторвался от ограждения и ленивым зверем прошёл мимо. Моя маленькая легковушка, казалось, ещё ужалась в размерах, когда чёрный застыл перед нами, загородив необъятной глыбой полнеба.

Синхронно открылись и тяжело хлопнули глыбовые двери. А для меня, словно некто ткнул в переключатель, в мир за хлёстким звуком вернулось прежнее течение времени. Два крепких угрюмых мужика из джипа неотвратно приближались. С пустыней в голове или нет, но необходимо было что-то немедленно предпринять.

Едва открыв дверь, я услышала:

— Сука... — и не только. За первым словом последовала такая отборная родная речь, какую, и сильно постаравшись, мне не повторить.

Тем не менее, я заставила себя выйти из машины и изо всех сил старалась удержать нейтральное выражение лица. Уж не знаю, насколько хорошо мне удавалось последнее, но злости на мужских физи-

ономиях с каждым словом только прибавлялось. Тот, что справа, высокий красавчик, вроде бы даже получал особенное, понятное только ему удовольствие от происходящего. С его лица не сходила едкая слащавая ухмылка. Он ругался меньше и не так шумно, но охотно поддакивал бритоголовому крепышу слева.

Я и не пыталась вставить хоть словечко. Лихорадочно соображала, чего бы такого предпринять, чтобы перестать действовать на них как красная тряпка на быка. Но как часто со мной происходит, когда я растеряна и боюсь наделать ещё больше глупостей, отвлекаюсь на самую что ни на есть никчёмную мысль. Вот и тогда подумала: «А ведь при других обстоятельствах мужики бы мне понравились. Холёные такие, солидные, моих лет. С высоким понятно, красавчики не про меня, а вот бритоголовый... несколько бандитский вид, но...»

— А можно без мата? — меня словно ушатом холодной воды окатило. Это прорезался тоненький голосок справа. Мой пассажир, о котором я и думать забыла, встал рядом.

Надо признать, мужиков его выход тоже впечатлил. На пару секунд они умолкли и притормозили. Я с интересом посмотрела на неожиданного заступника. Паренёк вовсе не выглядел храбрецом. Едва согретый и просохший от дождя. Светлая чёлка нелепо взъерошена, ошетибилась, как маленький ёжик над скуластым бледным лицом. А вот глаза, в противовес, живо блестят, и какая-то шальная смелость плещется в них.

Меня парень здорово удивил, но не мужиков.

— Мамка твоя? — ехидно оскалился бритый.

— Не-ет, — мой неожиданный заступник с видимым усилием «держал лицо», — просто пассажир, а какая разница? Она не нарочно, я видел. Дорога...

плохая... — последняя фраза, как он ни старался, никого не убедила.

Высокий внезапно шагнул вперёд и с силой толкнул парня в грудь.

— Не мамка, так и не лезь! Пошёл вон, щенок!

Парень отступил, иначе от тычка он бы просто упал, но упрямого взгляда от высокого не отвёл и уходил, похоже, не собиравшись.

А у того глаза остекленели. Намертво. Живые чувства остались в злоеющей ухмылке, но лучше бы я их не видела, так изуродовали они лицо.

Меня будто плетью кто стеганул.

— Оставь парня!

Движение было не вполне осознанным, сработало что-то сродни материнскому инстинкту, я думаю. Не успевая вклиниться между мужчинами, вскинула руку. В глаза высокому смотреть больше не могла, поэтому крикнула крепьшу:

— Давай гаишников вызовем!

— Гаишников?! — оживился бритоголовый и тоже подошёл слишком близко. — Они что ли мне заплатят? Да у меня одно крыло дороже всего твоего корыта стоит! — просипел мне в лицо.

У меня от его слов заледенела душа. Высокий, между тем, на разговоры вообще отвлекаться не собиравшись. Он вцепился ручищей в моё запястье и дёрнул на себя. Я споткнулась и упала бы, если бы не наткнулась на капот. Ударилась. Упёрлась, пытаюсь освободиться. Какое там...

Я заорала — дико, громко, как никогда в жизни, наверно, не орала.

Опять не сразу поняла, что случилось, но внезапно моя рука освободилась и я, не перестав упираться, по инерции полетела назад. Взметнулся какой-то мусор, листья. Зажмурилась. Хватала руками воздух, но не нашла опоры. Упала на спину. А когда припод-

нялась и открыла глаза, мир вокруг снова неузнаваемо изменился.

Прямо над нами страшно завывал ветер. Небо почернело.

— Лежи! — прокричал мне в ухо парень и толкнул в плечо. Он теперь тоже лежал на земле. — Лежи! Это Вуко!

Послушно вжалась в траву, но никак не могла оторвать взгляда от происходящего впереди. Высокий, который секунду назад сычом нависал надо мной, оказался теперь метрах в пяти на противоположной стороне дороги. Сильные порывы ветра валяли его в грязи на обочине. Мужик крепко вцепился обеими руками в последнюю поперечину дорожного ограждения. Что-то орал, но сквозь вой ветра я не могла разобрать слов. Непонятно как возникающие воздушные хлёткие вихри с огромной силой снова и снова обрушивались на него, пытаюсь разлучить с опорой и выбросить с дороги прочь.

Близкие тонкие придорожные берёзки гнуло легко и низко, как траву. Последняя листва срывалась с них, пускаясь в круговорот, смешивалась с лежалым лесным мусором и мчалась бурой тенью на дорогу, казалось, с одной целью — отхлестать высокого, погрести его под собой.

Я перевела взгляд на крепьшу. Тому доставалось не меньше. Бедняга хотел, наверно, заскочить в машину, но не успел или не смог. Он держался за дверную ручку, но видно из последних сил, так что даже не орал. Он и смотреть не мог. Побледневшее лицо плющило ветром и тоже закидывало лесным мокрым сором.

Какой-то слабый звук сквозь шум донёсся до меня справа. Я обернулась и услышала чётче.

— Вуко! Вуко! Пощади их, Вуко! Пощади, Вуко!

Проследила взглядом направление, куда сквозь непрекращающийся вой ветра вопрошал мой пассажир, и увидела кота.

Кузя, про которого все забыли, сидел на задних лапах прямо перед нашей легковушкой. В тот момент он смотрел в сторону бритоголового. Я со своего места глаз кота видеть не могла, а в профиль он выглядел вполне обычно, только хвост нервно подрагивал.

Но отчего-то, глядя на него, я внутренне сразу успокоилась. Уверенность пришла, что для меня опасности никакой нет. И только после этого передо мной открылось самое поразительное свойство во всей видимой картине. Граница действия бешеного вихря пролегла у лап кота. Меня и его хозяина, можно сказать, лишь слабое подобие того ветра гладило по головке. По-настоящему туго приходилось одним нашим обидчикам.

Но и на этом странность не заканчивалась. Повертев головой, я убедилась в том, что странный ураган и вправду сильно ограничен в размерах. И небо вовсе не всё чёрное. Нечто похожее на густой тёмно-серый туман сгустилось сугубо над нашим пятачком дороги и имело форму скорее эллипса, чем круга.

Пока я так рассуждала лёжа в относительно безопасном месте, ураган внутри эллипса усилился. Крепыша оторвало от джипа и будто лёгкую кеглю покатило по дороге. Тут уж я не выдержала и закричала тоже:

— Вуко, пожалей их! Вуко-о-о...

Я подползла вплотную к парню, и мы как ненормальные, обращаясь к коту, орали теперь вместе. Может, мой голос что-то значил, а может, и нет, только ураган начал утихать.

Я видела, как бритоголовому удалось встать на четвереньки. Потом он, битый ветром, мелкими ветками и листвой, всё ещё кружившими в воздухе, медленно пополз обратно к машине. Высо-

кого тоже перестало вихлять по обочине, он обрёл вес и лежал теперь мешком, плотно облепленный грязью и мусором. Мужик больше не орал. На его лице застыло скорбное выражение боли и усталости, зато оно вновь походило на человеческое. Поперечину он решился выпустить из рук только тогда, когда убедился, что бритоголовый благополучно добрался до машины. Резко поднялся и, нелепо размахивая руками, словно пловец, зашагал к джипу.

Ветер был ещё силён, и я боялась, что высокий упадёт. Не упал. Он мог что-нибудь нам крикнуть. Шум утихал вместе с силой ветра, и мы могли бы услышать его. Но тот молчал, старательно делая вид, что вообще нас не видит. Дойдя до джипа, он мгновенно исчез в его чреве.

Вот и всё. Больше тех мужиков я в жизни не видела. Кузя... а что Кузя? Вскоре ураган утих, словно его и не было. Только берёзки в ближайших метрах десяти от того места, где мы стояли, так и остались стоять, низко согнувшись, да по-сиротски оголёнными. Кузю паренёк подобрал. Гладил, обнимал, слова ласковые нашёптывал. А он кот как кот — мурлычет, радуется.

Я в глаза Кузины глянула — ничего особенного. Нет, глаза-то особенные — один карий, другой ну совершенно голубой. А в остальном обычные глаза, кошачьи. Довезла я и кота, и парня до города в целости. Про Вуко мы больше и слова не вымолвили, только я с тех пор очень уважительно к котам отношусь, ко всем без разбора. И заметила ещё одну за собой странность. Мне теперь совершенно не страшно незнакомцев в дороге подбирать, не всех подряд, конечно. Если хочется остановиться — остановлюсь. Как там паренёк сказал? Добрая душа добрую всегда почует... **✎**

Время от ума

Александр Атаянц

Родился в 1980 году в г. Баку, но большую часть сознательной жизни прожил в Тульской области. Окончив школу, получил высшее образование управленческого профиля. 13 лет работал в печатных СМИ, пройдя путь от корреспондента районной газеты до заместителя директора издательского дома. Член Союза журналистов России. Несколько лет назад сменил сферу деятельности и стал муниципальным служащим. Самое любимое увлечение — чтение: классическая литература, современная проза и фантастика.

Профессор поднял голову, оторвав взгляд от наваленных на столе бумаг, и увидел направленный на него пистолет. Не старый ещё мужчина в спортивном костюме держал оружие в слегка дрожащей руке: чувствовалось, что целиться в людей ему доселе не доводилось.

— Кто вы? — тихо спросил профессор, стараясь не двигаться. — Как вы проникли сюда?

— Я тот, кому больше всего в жизни необходимо ваше изобретение, профессор. — Мужчина шагнул назад и сел в стоявшее у стены кресло. — Можете называть меня Иваном Арнольдовичем.

Профессор поймал себя на мысли, что совершенно не боится. То ли преклонный возраст, то ли абсурдность и неожиданность ситуации не позволяли думать о том, что сейчас его могут убить. Он посмотрел на визитёра с лёгкой улыбкой и произнёс:

— Вы говорите о машине времени, не так ли?

— Разумеется. Все остальные ваши изобретения, как мне кажется, были лишь предвестниками этого прорыва в науке. Вам удалось совершить невозможное! Вы перевернули науку и показали...

— Как вы сказали, вас зовут? — перебил говорившего профессор. — Уж простите, в моём возрасте у человека остаётся не так много времени, чтобы выслушивать дифирамбы в свой адрес. А кроме того, вы, кажется, намерены меня убить?

Посетитель явно смутился и слегка опустил пистолет, направив ствол вниз.

— Простите, профессор, но мне очень нужно, чтобы вы выслушали меня и помогли мне. Я никогда не позволил бы себе такой наглости, но сложившиеся обстоятельства вынуждают меня прибегнуть к крайним мерам. Меня зовут Иван Арнольдович. Мне уже почти пятьдесят, и, значит, большая часть жизни уже прожита...

Услышав громкий смех профессора, Иван Арнольдович смутился ещё сильнее и тут же замолчал. Он положил пистолет на колени и смотрел на хозяина дома с полнейшей безысходностью и вселенской печалью в глазах.

— Вы странный человек, — сказал, отсмеявшись, профессор. — Тайно проникли в мой дом, угрожаете оружием, а потом оказывается, что вы пришли поговорить о затянувшемся кризисе среднего возраста? Мне почти восемьдесят, и вот это, батенька, возраст! А вы — мальчишка, уж простите. Впрочем, вы заинтересовали меня. Наверное, хотите проникнуть в своё прошлое и вернуть себе девушку, с которой танцевали на школьном выпускном балу? Или заменить цифры в лотерейном билете, чтобы обеспечить себе безбедное существование?..

— Не смейтесь надо мной, — тихо, но твёрдо произнёс сидевший на кресле визитёр и вновь направил пистолет на профессора.

— Тогда не смешите меня и не трагьте попусту моё время. Я не боюсь ни вас, ни смерти. Есть что сказать — говорите и проваливайте. Но поскорее.

— Я знаю, что вам удалось проникнуть в прошлое, а будущее закрыто полностью. Это так?

— Именно так, — ответил профессор. — Проникнуть в прошлое возможно, а будущее вариативно, оно изменяется каждую секунду, поэтому попасть туда практически невозможно. Для нас его просто не существует в конечном виде относительно текущего времени. Хотя один вариант всё же есть...

— Но как же тогда вы возвращались назад? — перебил профессора Иван Арнольдович. — Ведь если смотреть из прошлого, то сегодняшний день — будущее. И на тот момент его ещё не существует?

Профессор глубоко вздохнул и ответил:

— Не совсем так. Если кто-то из нашего времени попал в прошлое, то образуется своеобразный якорь.

От точки, куда попал человек, до той точки, откуда он начал это «путешествие», время зафиксировано. Для путешественника уже есть сформированное прошлое, и его не изменить. Не пытайтесь это понять, просто примите как данность. К примеру, человек из прошлого мог бы проникнуть в наше время, которое является для него будущим, но только в том случае, если кто-то из сегодняшнего дня станет для него проводником. Это и есть тот самый вариант, о котором я говорил. Я мечтаю, чтобы кто-то из будущего пришёл и позвал меня в гости, но, по понятным причинам, этого не происходит.

— По каким это причинам?..

— А вы поставьте себя на место этого гипотетического «проводника». Стали бы вы кого-то сюда приглашать? Давать людям возможность увидеть то, что им не суждено понять? Но представьте, что к нам сюда попадёт учёный «технар» из прошлого. Он увидит и, возможно, поймёт принцип действия некоторых аппаратов, а потом «изобретёт» их в своём времени. Прошлое изменится, переписится история, а больше всего пострадает наука. Ведь, пока люди изобретали тот или иной прибор, они делали сопутствующие открытия, находили принципы и явления, которые можно будет использовать ещё где-то. Нет уж, я сыт этими экспериментами по горло...

— Так вы уже пытались это сделать? — воскликнул визитёр.

Профессор опустил взгляд на стол и тихо ответил:

— Это была моя ошибка. Молодой француз из начала XIX века, он очень интересовался математикой. Я был вынужден оставить его одного в своей квартире всего на несколько часов, а он, видимо, успел проштудировать современные учебники! Он очень плохо кончил, поверьте мне. И даже не спрашивайте, чего мне стоило выкрадывать его «открытия», которые он от-

правлял лучшим математикам своего времени! Хорошо, что он был студентом и ему никто не верил. Парня звали Эварист Галуа, но вам это ничего не скажет, уверен. Если только в энциклопедии заглянете.

Иван Арнольдович взволнованно вскочил с кресла и, уперев руки в столешницу, спросил:

— Но вы не просто проникали в прошлое, вы демонстрировали некие предметы, которые оттуда изъяли. И, как говорят исследователи, это подлинники. Но, по предположениям учёных, вы не просто привезли их оттуда. Вы каким-то образом их спрятали, обеспечив сохранность и безопасность, а потом, возвратившись обратно, в наше время, просто вскрыли созданный собственноручно клад.

— А вы неплохо изучили вопрос! Действительно, протащить во времени что-то материальное невозможно. Но я подарил историкам возможность исследовать то, что казалось потерянным навсегда. И они признательны мне за это, как и всё человечество. Подумайте только, что до моего изобретения люди могли только гадать об уровне развития древних африканских племён. Влажный субтропический климат уничтожил всё, что было ими создано — джунгли поглотили целые города. А я обеспечил учёным доказательства высоких достижений жителей Центральной Африки в культуре, науке и технике. Чего стоят только астрономические приборы: примитивные, но опережающие их время!..

— Профессор, историю я ненавижу ещё в школе, — скривился Иван Арнольдович. — Я очень уважаю ваши достижения, поверьте. Но мне нужно попасть в не столь далёкое прошлое. И я хотел бы там остаться.

— Вы от кого-то бежите? — раздражённо спросил профессор, обиженный тем, что посетитель перебил его. — Так проще куда-нибудь на острова или в тайгу. Тем более, что уровень цивилизации там не менялся столетиями. Зачем прошлое?

— Затем, что я должен обеспечивать свою семью! — почти прокричал визитёр. — Затем, что я не в состоянии заработать средства на хорошее образование для своих детей, купить достойное жильё и дать качественное медицинское обслуживание! И не я в этом виноват...

— Классическая проблема маленького человека... — пробурчал профессор, опустив взгляд на стол.

— Что? Маленький кто?!

— Человек. Маленький человек. Литературу вы, видимо, тоже в школе не любили?

— Я много чего не любил, не придирайтесь!

Но я пристрелю вас, если вы мне не поможете!

Иван Арнольдович вскочил, пистолет задрожал в его руке, но, учитывая небольшое расстояние до цели, ствол упрямо смотрел профессору в сердце.

— Успокойтесь, — тихо, но твёрдо сказал профессор, и Иван Арнольдович тяжело рухнул в кресло, вновь опустив пистолет. — Вы просто не понимаете сути вопроса и не осознаёте, что такое время. Я потратил на решение этой загадки полжизни и то понимаю не до конца. Но мне удалось обнаружить, что время весьма субъективно.

— То есть?..

— То и есть. Я — физик, и, знаете ли, успешный. Но мне, как и всем моим коллегам за многие десятилетия исследования данной проблемы, не удалось научиться перемещаться во времени, изменяя координаты на этой оси как свои, так и любых иных материальных предметов. Помните, как у фантастов? Человек садится в машину, нажимает кнопку и оказывается в нужном времени, заданном посредством выставления настроек. Так вот это миф, дорогой мой Иван Арнольдович! Зато мне удалось обнаружить, что можно переместить человеческий разум. Даже не спрашивайте, как это работает — я не намерен вступать в долгие дискуссии на на-

учные темы с человеком, пришедшим меня шантажировать или убить. Но поверьте, возможность перемещаться во времени заключена в нашем разуме! Природа времени такова, что только силой мысли человек может отправиться в прошлое. Я лишь выделил необходимые волны, излучаемые мозгом, и научился их усиливать. Вот и всё. Время — не из машины. Время — от ума!

— Но как же вы сохранили «трофеи», если витали над планетой вольным разумом?

— Вообще нет. Разум вселяется в чьё-то тело: того, кто окажется поблизости и, по-видимому, кто больше подходит. В первый раз я был торговцем, во второй — звездочётом, в третий — поэтом... Потом выяснил, что, если знаешь конкретное местоположение того или иного человека в определённое время, можно «попасть» именно в него. Не знаю, что происходит потом с теми людьми, в кого я вселялся, но полагаю, что они сочтут это временной потерей памяти. Кстати, мне только что пришла в голову мысль: а что, если некоторые сегодняшние больные амнезией на самом деле стали судами для разумов исследователей из будущего? Это было бы прелюбопытно!..

— А как же язык? Традиции? Реакция родных и близких того, в кого вы вселились? — вновь перебил профессор посетитель.

— Базовые знания остаются. Но управляешь телом уже ты, а не человек, внутри которого оказался.

— Тогда у меня остался лишь один вопрос. Что будет с моим телом?

Профессор чуть помедлил и сказал:

— У меня этой проблемы не было — я всегда возвращался в тот же миг, из которого отправлялся в прошлое. А если вы не вернётесь, в моём кресле, по-видимому, останется ваше бессознательное тело. Впрочем, это уже моя проблема...

Вскочив с кресла, Иван Арнольдович закричал:

— Дайте мне слово, что вы отправите меня в прошлое, профессор! Я знаю, что вы не нарушите его: о вашем трепетном отношении к обещаниям слагают легенды. Дайте слово!..

Профессор слегка наклонил голову и улыбнулся своим мыслям. А потом, сохраняя улыбку, ответил:

— О да, я готов. Деятнадцатый век вас устроит? Могу отправить вас, к примеру, в США.

— Только без фокусов! Я вижу, что вы улыбаетесь, профессор. Решили вселить меня в приговорённого к казни? Или в тело безногого немого инвалида? Я прошу вас дополнить своё слово несколькими пунктами. Во-первых, я должен быть дееспособен и здоров. Во-вторых, иметь деньги. И, в-третьих, обладать некоторой властью, чтобы эти деньги было не так просто у меня отнять.

— Именно это я и хотел вам предложить, — сказал профессор, всё так же улыбаясь. — Все ваши условия будут выполнены, даю слово. Вы будете здоровы, свободны, иметь власть и деньги. А уж как вы этим воспользуетесь — по большому счёту зависит только от вас. Идёмте в лабораторию!

* * *

Профессор надел на голову Ивана Арнольдовича конусообразный шлем, от которого в угол комнаты тянулся десяток разноцветных проводов.

— Ну, вот и всё! Хотите что-то сказать перед этим путешествием? Возвращать вас назад я не намерен, да и вы сами этого не хотите, — сказал профессор, отступив на пару шагов и откровенно любуясь человеком со шлемом на голове.

— О да, тут мне делать нечего! Буду изучать историю, став её частью, — усмехнулся Иван Арнольдович. — Простите меня за угрозы, профессор. У меня не было иного выхода...

— Пустое! — отмахнулся профессор. — А история... Её и правда надо знать. Но вам пора. Счастливого пути!

Сознание Ивана Арнольдовича затуманилось, перед глазами поплыла тёмная пелена, а тело стало как будто ватным. Но уже через мгновение он открыл глаза и увидел комнату, освещённую свечами в старинных канделябрах, которые висели на стенах. Света вполне хватало, но разница с электрическим освещением была налицо: свечи мерцали и навевали мысль о пещерах в каменном веке. Плавающий свет отражался в большом зеркале, окаймлённом деревянной рамой.

Иван Арнольдович сидел за большим столом, обитым зелёным бархатом. На столе лежала стопка бумаг, чернильница и деревянная подставка, в которую было воткнуто длинное перо. Подняв ладони к лицу, он увидел глубокие морщины и мозоли. Кисти рук были едва видны за широким рукавом рубашки, торчащим из-под пиджака старинного покроя. Вскочив со стула, Иван Арнольдович бросился к зеркалу. На него смотрело немолодое худощавое лицо с аккуратной подстриженной бородкой. «А ведь я был моложе! — подумал Иван Арнольдович. — Обманул профессор. Лет двадцать жизни отнял: мне тут лет шестьдесят, похоже». Под пиджаком он увидел тёмный жилет, а верхняя пуговица шёлковой рубашки была скрыта галстуком-бабочкой. Из переднего кармана пиджака торчала цепочка: по-видимому, от часов.

В дальнем конце комнаты распахнулась дверь, впуская низкого плотного человека в таком же старинном сюртуке.

— Сэр! Мистер Линкольн! Простите, если отвлекаю, но я принёс свежую газету.

Иван Арнольдович протянул руку и взял газету. На первой странице, под логотипом «New York Evening Post», была его фотография и заголовок: «Президент Авраам Линкольн выступил перед работ-

никами трансконтинентальной железной дороги». Всё это он прочитал на английском и с приятным удивлением обнаружил, что знает этот язык. Но тут же другая мысль вытеснила удивление и вызвала искреннее ликование: «Авраам Линкольн! Президент США!.. Ну профессор, ну умница! Я не только внуков, но и прапраправнуков обеспечу!». Он посмотрел на дату: 9 апреля 1865 года.

— Мистер Линкольн! — снова обратился к нему вошедший. — Напоминаю, что нас ждут в театре Форда. Сегодня дают спектакль «Наш американский кузен», вы обещали быть!

— О да, я готов, — сказал Иван Арнольдович на чистейшем английском и не узнал свой голос. — У меня очень много дел, но я всё успею. Начну прямо завтра!..

— Конечно, сэр! У вас очень много дел, но вы всегда успеваете их сделать!..

— А скажите, милейший, — сказал президент США Авраам Линкольн, — как вы думаете, человеку моих лет позволительно тратить время на изучение истории? Мне кажется, я знаю её не слишком хорошо...

Стук закрываемой двери заглушил ответ помощника, но в том, он был положительным и восторженным, сомневаться не приходилось.

* * *

А где-то далеко, за полторы с лишним сотни лет и много тысяч километров, сидел в своей комнате и залиристо смеялся профессор. Он всегда держал слово, но переписывать историю был совсем не намерен. Важную роль сыграло и то, что он терпеть не мог хамства и эгоизма. А уж если эгоист прикрывался желанием обеспечить семью, но при этом сбжав, а не работая — такого профессор ещё не видел. И, кроме того, он искренне полагал, что знать хотя бы азы исторической науки должен каждый! **VS**

Жизнь и смерть Валентина Овсянкина

Наталья Павлова

Родилась 15 февраля 1986 года в Санкт-Петербурге. Имеет два высших технических образования. По профессии инженер-проектировщик. Писать рассказы начала в тридцать лет. Замужем, воспитывает двоих детей.

— Следующий!

— Сказал заведующий. — Один из двоих оставшихся в коридоре пружинисто вскочил на ноги. Был он высок, тощ и вертляв. Смоляные кудри его торчали в разные стороны словно пружины старого матраса. Потянувшись, вихрастый повертел головой, разминая затёкшую шею, и обернулся к своему спутнику: — Пошли, горе луковое!

— Проходите, следующий! — На этот раз в голосе, прозвучавшем из-за двери с табличкой «Распределитель», послышалась нотка нетерпения.

— Пойдём, говорю! Это по твою душу. Там аккуратисты почище тебя сидят, ждать не любят. Конвейер не должен останавливаться. Show must go on и всё такое.

Не дожидаясь ответа, говоривший подскочил к двери, рывком распахнул её и сделал приглашающий жест рукой:

— Прощу! Будьте, как дома, но не забывайте, что вы в гостях.

С видавшей виды обитой дерматином скамейки поднялся и понуро засеменял следом среднего роста человек. Даже отчаянно старавшийся за что-нибудь зацепиться взгляд скользил по нему, как мокрая рука по куску мыла. Жидкие мышинного цвета волосы прилизаны на прямой пробор, серый в меру помятый пиджак застёгнут на все пуговицы, средней потёртости портфель в руках человека вызывал подозрения о своём родстве с дерматином только что покинутой скамейки. Лицо под стать владельцу не отличалось ни приятностью, ни особенным уродством, а было пресным, как столовский суп: вроде всё как надо, а съел

и вкуса не почувствовал. За дверью оказался большой кабинет, уставленный столами, на каждом из которых белела табличка с номером. У некоторых столов сидели посетители. Принимали их офисные клерки с безразличнотоскующими лицами. В противоположность сотрудникам заведения его клиенты демонстрировали весь спектр эмоций от безграничного счастья и восторга до гневных проклятий и отчаянных безудержных рыданий. Под номером 4 грузный толстяк бил кулаком по столу и громко кричал, где-то справа женский голос невнятно что-то бормотал, то и дело всхлипывая. Войдя в зал, двое сначала остановились, а потом долговязый подхватил напарника под локоть и потащил в сторону:

— Нам туда, к пятнадцатому номеру.

Добравшись до нужного стола, он с размаху плюхнулся на один из приставленных для посетителей стульев и подтолкнул своего подопечного ко второму.

— Buongiorno, bambino!

Сидевший за столом клерк неодобрительно покосился на развязного посетителя и, не ответив на приветствие, обратился к его спутнику.

— Овсянкин Валентин Петрович?

— Да-да, всё верно. — Голос серого пиджака был спокоен и невыразителен.

— Так. Пятьдесят четыре года, разведён, имеете взрослую дочь. До недавнего времени исполняли обязанности главного бухгалтера в ООО «РосПромГлавСтрой». — Закончив зачитывать информацию, клерк взглянул на Валентина Петровича поверх очков.

— Всё верно.

— Давайте ознакомимся с вашим послужным списком. — Клерк зашелестел страницами тоненькой тетрадки.

— Крепкий орешек я вам принёс. Сейчас сами увидите. — Снова ослабился вертлявый.

— Проводник, я попрошу вас держать себя в рамках. В моей карьере было немало сложных случаев...

— Не спорю, господин Распределяющий, не спорю. Но, думается мне, все они были обусловлены избытком деяний хороших и плохих. Здесь же ситуация противоположная: ни наказать, ни наградить не за что. Придётся вам поломать голову, куда его определить.

Клерк окинул говорившего долгим взглядом.

— Ну что же, посмотрим. Сдаётся мне, у вас просто ещё недостаёт опыта.

Проводник оскорблённо фыркнул и пожал плечами, не удостоив собеседника ответом. Распределяющий наклонился и достал откуда-то из-под стола знакомые Валентину Петровичу с самого детства, но уже давно не виденные им весы-ручьи. Растерянно моргнув, Овсянкин уставился на появившийся перед ним агрегат. Чаши весов немного покачались и замерли, выровняв красные клювики в безукоризненном равновесии.

— Итак, давайте начнём. — Служащий посмотрел на Валентина Петровича и указал рукой на весы. — На правую чашу мы будем складывать ваши добрые поступки, все то хорошее, чего вы могли не делать, однако же сознательно, добровольно и без всякой корысти сделали. На левую

чашу мы положим все ваши грехи, всё то, что вы сделали для себя в ущерб другим.

Клерк вновь зашуршал страницами тетради, а потом поднял голову и взглянул на Овсянкина.

— Из-за чего вы развелись с женой, Валентин Петрович?

— Это она со мной развелась. Говорила, что больше не может жить по расписанию, требовала приятных неожиданностей.

— А вы как отреагировали?

— Решил сделать сюрприз. Уточнил, во сколько она завтра заканчивает работать, и спросил, какого цвета хризантемы ей нравятся.

— Ооо... Прямо мистер Неожиданность! — залился смехом спутник Валентина Петровича. Отсмеявшись, он вновь взглянул на своего подопечного: — А почему хризантемы? Почему не розы, к примеру?

— Хризантемы долговечны, а розы быстро вянут. — Овсянкин пожал плечами, будто удивляясь наивности вопроса. — Я на все праздники покупал Лизе белые хризантемы, они всегда прекрасно стояли.

— А в этот раз тогда зачем про цвет спросили? — всё не унимался долговязый.

— Подумал вдруг, что, может, ей какие-то другие захочется. В качестве сюрприза... Но Лиза на следующий день подала заявление на развод.

— Тоже в качестве сюрприза.

— Так, это на весы не положишь. — Ожил хозяин стола. — Никакого злого умысла. Пойдём дальше. Вы служили главным бухгалтером. За что вас повысили?

— Видимо, я хорошо выполнял свою работу. — Вновь дёрнул плечом Овсянкин. — Я всегда старался чётко придерживаться должностной инструкции.

— Может, вы что-то хорошее для фирмы сделали по собственной инициативе? Сэкономили деньги, к примеру, найдя способ платить меньше налогов. Или предложили какую-то рационализаторскую идею? — подсказал клерк.

— Я никогда не выходил за рамки своих обязанностей, но всегда старался их хорошо выполнять.

— Я ведь вам говорил, — снова встрял Проводник и подмигнул Распределяющему. — «И жизнь его похожа на фруктовый кефир. Видал я и такое не раз».

— Хорошо. — Тот лишь поморщился в ответ. — Давайте попробуем по-другому.

Служащий закрыл тетрадь и полез в ящик стола. Порывшись, он достал оттуда серое неказистое перо и показал его Овсянкину.

— Это эталон добра и зла. Абсолютный ноль, если вам так проще понять. — Клерк положил перо на одну из чаш.

— Теперь ваши деяния. Возьмём их все скопом, не разбираясь. — На вторую чашу весов он опустил тетрадь с именем Валентина Петровича на обложке.

Как замороженный, Овсянкин смотрел на весы. Клювики уток встречались и расходились. Амплитуда колебаний становилась всё меньше. Не понимая до конца суть происходящего, Валентин Петрович чувствовал, что всё решается именно сейчас.

Ещё мгновение и... Весы остановились в том же безукоризненном равновесии.

— Вот! Что я вам говорил?! — торжествовал Проводник. Вконец растрепавшиеся от радостного возбуждения кудри и выражение детского восторга на лице делали его похожим на обыгравшего весь двор в орлянку мальчишку. — Его даже на экскурсии ни одна комната за живое не задела. Если, конечно, у него это «живое» вообще есть...

Валентин Петрович вспомнил странную экскурсию, предварявшую их приход в распределитель. Сначала чернявый Проводник водил его по комнатам, в которых отбывали различные наказания. В одной из них люди, одетые в основном в строгие костюмы, стояли в бесконечных очередях.

— Чего они ждут? — Не то, чтобы Овсянкину действительно было интересно, но он чувствовал: Проводник ждёт от него вопроса.

— Это наказание для бюрократов. Они использовали занимаемые ими должности, бесконечно затягивая дела, отправляя посетителей то за одной бумажкой, то за другой. Теперь они сами стоят вечными просителями.

Тут средних лет женщина с высокой причёской выскочила из головы очереди, потрясая документом, написанным на дешёвой жёлтой бумаге, на какой так любят выписывать справки в поликлиниках.

— Похоже, одна из них уже освободилась от вечного ожидания, — усмехнулся Валентин Петрович.

— И вовсе нет! Сейчас она отстоит новую очередь, чтобы отдать справку, и узнает, что нужна ещё одна. А потом ещё одна, и ещё одна, и ещё...

Не рой другому яму, как говорится. Ну, пойдёмте дальше!

В следующей комнате бывшие карманники всё время обнаруживали себя обворованными. Раз за разом переживая пропажу кошелька или телефона, они становились все более подозрительными и в буквальном смысле начинали держаться за карманы. И раз за разом неотвратно лишались своего имущества. В их глазах загорались безумные огоньки, руки всё крепче прижимали к груди бумажники, но предотвратить потери они были не в силах. Потом были комнаты, в которых обвешивали и обсчитывали нерадивых продавцов, насиловали насильников, убивали убийц и обманывали политиков. Когда Валентин Петрович уже было решил, что комнатам этим не будет конца, Проводник объявил, что для примера вполне достаточно, и повёл Овсянкина в другое крыло здания. Там были комнаты, в которых играли на рояле, писали картины или чертили, комнаты, где поправляли с чем-то и дарили подарки, комнаты, в которых счастливые семьи собрались за столом, комнаты, в которых увлечённо целовались влюбленные, комнаты, похожие на больничные палаты, где приходили в себя после долгой комы больные, даже комнаты, в которых люди повально выигрывали в лотерею.

— Людям, делавшим добрые дела, не нужна награда. Настоящие благотворители не мечтают о деньгах. Им нужно просто продолжать делать то же самое. Это и так делает их счастливыми. Меценаты дарят, писатели пишут, художники рисуют... Здесь поправляются безнадежно боль-

ные, но не утратившие веру и боровшиеся, здесь щедрые обретают богатство, чтобы наконец одарить всех, здесь любят любящих и прощают прощавших, здесь верные получают верность в награду. — Проводник обвел вокруг рукой. — Однако нас уже ждут. Пойдёмте.

И они зашагали к Распределителю, в котором Овсянкин час спустя заворожено смотрел на вытянувшиеся в линию красные утиные клювики и гадал, чем это равновесие для него обернётся.

— Как вы умерли? — Вопрос Распределяющего вывел Валентина Петровича из задумчивости.

— Как и жил, в полном соответствии с инструкцией. — Тут же захохотал Проводник.

— Я... я, кажется, задохнулся.

Все происходящее с ним Валентин Петрович воспринимал на удивление спокойно. Единственным, что его смущало и не давало до конца примириться с окружающей реальностью, был факт его собственной смерти.

Будучи обыкновенным постсоветским православным атеистом, Овсянкин смутно представлял себе загробный мир. Полное отсутствие фантазии не давало его воображению шагнуть дальше ангелов в белых одеждах и рогатых чертей с вилами в лапах. Заведение же, в которое он попал сейчас, более всего напоминало ему паспортный стол. Даже название было вполне прозаическим. «Распределитель» — это вам не лимб и даже не чистилище. А потому Валентин Петрович всё никак не мог отделаться от ощущения, что всё это какой-то нелепый и непонятный розыгрыш и он вовсе не умирал, а лежит сейчас, к примеру, в коме и бредит в свое удовольствие.

— Расскажите поподробнее. — Голос Распределяющего заставил Овсянкина вздрогнуть.

— Да, конечно. В здании, где я работаю... то есть работал, — Валентин Петрович помедлил, прислушиваясь к звучанию новых для него формулировок, — так вот, в здании случился пожар. Моя контора находится на первом этаже. — Вновь сбился на настоящее время Овсянкин. — Загорелось очень быстро и сразу сильно.

— Горючий мусор под лестницей, несработавшие спринклеры, перекрытые пути эвакуации. Обычная картина. — Проводник лишь пожал плечами.

— Коллеги начали ломать оконные решётки и прыгать из окон.

— И, между прочим, спаслись. Одна вывихнутая лодыжка не в счёт, — снова встрял Проводник.

— Бельэтаж высокий, я уже не молод, да и правила... В общем, я побежал по положенному пути эвакуации.

— И задохнулся у закрытой двери наружу. Через этот выход раньше любили бегать на перекур сотрудники фирмы, минуя начальственное око. Вот дверь и закрыли намертво вопреки инструкции по пожарной безопасности. Я же вам говорил, он почти что робот. Некуда его деть!

— А я вам уже говорил, что у вас недостаёт опыта. — Поднял глаза на вертлявого Распределяющий, а потом указал Овсянкину на один из пустующих столов рядом: — Занимайте двадцать первый номер, Валентин Петрович, и начинайте знакомиться с должностными инструкциями. Они в верхнем ящике. Думаю, вы вполне справитесь с вашими новыми обязанностями. **□**